МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.А. БУНИНА»

ФИЛOLOGOS

Выпуск 20 (1)

Елец – 2014

УДК 82
ББК 81
Ф 54

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40325 от 15 июня 2010 г.)

Журнал входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

Редакционная коллегия

***Б.П. Иванюк**, докт. филол. наук (Елец, Россия) – гл. редактор; **Т.Е. Автухович**, докт. филол. наук (Гродно, Беларусь), **С. Георгиева**, докт. филологии (Пловдив, Болгария), **А. Гейзер**, докт. философии (Берлин, Германия), **Г.Ф. Ковалев**, докт. филол. наук (Воронеж, Россия), **А.А. Кораблев**, докт. филол. наук (Донецк, Украина), **И.М. Курносова**, докт. филол. наук (Елец, Россия) – отв. секретарь, **М.Ю. Михеев**, докт. филол. наук (Москва, Россия), **Р. Мних**, докт. гуманитарных наук (Седльце, Польша), **А.Н. Пашкуров**, докт. филол. наук (Казань, Россия), **Е.М. Тюленева**, докт. филол. наук (Иваново, Россия), **И.С. Урюпин**, докт. филол. наук, (Елец, Россия), **Р.И. Хашимов**, докт. филол. наук (Елец, Россия).*

ФИЛОLOGOS. – Выпуск 20 (1). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 100 с.

20-й выпуск научного журнала «ФИЛОLOGOS» представлен статьями по структуре и семантике речевого дискурса, поэтике текста и др. Помещены рецензия на словарь В.Т. Бондаренко «Ответные реплики в русской диалогической речи» и информация о семинаре, посвященном памяти известного фразеолога. Продолжается публикация романа Т. Чурилина «Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа)». Адресуется профессиональной аудитории.

The 20th edition of the scientific journal «ФИЛОLOGOS» presented papers on the structure and semantics of speech discourse, text poetics, etc. The number is also includes a review of a dictionary by V.T. Bondarenko «The Response of a replica of the Russian Dialogic speech» and information about the seminar, dedicated to the memory of famous phraseolog. The novel of T. Churilin «Tyapkatan, the Russian comedy (the chronicle of a town and its people)» continues to be published.

Addressed to the professional audience.

ISSN 2079-2638

© Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2014
© Авторы статей, 2014

ПЕРВЫЙ ЮБИЛЕЙ

В январе нынешнего года научный журнал ФИЛОLOGOS отметил свое 10-летие. За это время редколлегия опубликовала свыше 350 статей по различным проблемам современной филологической науки, многочисленные рецензии на вышедшие из печати монографии и сообщения о конференциях, а также архивные материалы, представляющие научный и художественный интерес.

В журнале печатались как начинающие, так и опытные ученые из разных вузов и академических учреждений Белгорода, Брянска, Воронежа, Екатеринбурга, Ельца, Иваново, Казани, Калуги, Красноярска, Курска, Липецка, Москвы, Новосибирска, Омска, Пензы, Пскова, Рязани, Санкт-Петербурга, Саратова, Таганрога, Тамбова, Твери, Тулы, Ульяновска, Уфы и других городов России, а также Беларуси, Украины, Франции, США. Редколлегия поддерживает и развивает деловые связи со многими научными – отечественными и зарубежными – изданиями.

Желаем всем нашим авторам – прошлым, настоящим и будущим – творческого здоровья и новых профессиональных удач.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Статьи / Papers

Гарин С.В. Πονηρια: семантическая история «зла» в древнегреческой и раннехристианской лексике……... 7
Garin S.V. Πονηρία: semantic history of the «evil» in Ancient Greek and early Christian lexicon……... 7

Гордиенко И.А. Осложнение сочиненных рядов глагольных предикатов в русскоязычном и англоязычном вариантах романа В. Набокова «Лолита»…. 13
Gordienko I.A. Complication of the coordinative verb-predicates in Russian and English versions of V. Nabokov's novel "Lolita"…… 13

Горемыкина М.В. Романтическое сознание в творчестве В.К. Кюхельбекера 1815–1825 годов…….. 18
Goremykina M.V. Romantic consciousness in the V.K. Kyukhelbaker's writing, 1815–1825…… 18

Клюева Н.Ю. Прагматические функции конструкций разговорного синтаксиса в художественном тексте……... 24
Klyueva N.Yu. Pragmatic functions of constructions of colloquial syntax in a literary text…… 24

Малахова М.С. Трансформация как способ разрешения синкретизма в сочетаниях «существительное + существительное в родительном падеже с предлогом»…….. 30
Malahova M.S. Transformation as a method of solution of syncretism in combinations «noun + noun in genitive case with preposition»……... 30

Мельниченко Н.П. Значение и функции сочетания *во всяком случае* в русском языке…….. 36
Melnichenko N.P. The value and function of input combinations *vo vsjakom sluchae* in Russian ……..……. 36

Милетова Е.В. Метафорические модели с участием имен прилагательных, реализуемые в современном англоязычном религиозном дискурсе……. 41
Miletova E.V. Metaphorical models verbalized with adjectives and implemented in modern English-language religious discourse…….. 41

Пирогова О.Е. Новые тенденции согласования времен в современном английском языке…… 51
Pirogova O.E. New tendencies of sequence of tences usage in modern English…. 51

Полуйкова С.Ю. Специфика императивных высказываний в просветительском дискурсе……... 56
Poluykova S.J. Specifics of imperative sentences in enlightenment discourse…... 56

Свиридова Т.М. Семантические модификаторы необходимости в речевых актах согласия и несогласия…….. 64
Sviridova T.M. Semantic modifiers of necessity in the speech acts of agreement and disagreement…….. 64

Филатова В.Б. Лексическое наполнение актантных позиций в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом……... 69
Filatova V.B. Lexical content of the actant positions in locative possessive sentences with pronominal-infinitival clause…… 69

Харитонов В.С. Трансформация жанра элегии в поэтическом творчестве В. Набокова-Сирина……... 74
Kharitonov V.S. Transformation of the elegy genre in Vladimir Nabokov-Sirin's poetic art…… 74

Хашимов Р.И. Словарь: теоретические и прикладные аспекты лексикографии как отрасли науки……. 81
Khashimov R.I. Dictionary: theoretical and applied aspects of lexicography as a branch of science……... 81

Рецензии / Book reviews

Архангельская Ю.В. Словарь В.Т. Бондаренко «Ответные реплики в русской диалогической речи» как источник этно- и лингвокультурной информации (Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.)……. 87
Arkhangelskaya Y.V. Dictionary "Responsive replies in Russian dialogue" by V.T. Bondarenko as a source of ethno- and linguocultural information (Tula: Publishing House of Tula State Pedagogical L.N. Tolstoy University, 2013. 339 p.)……. 87

Публикации / Publications

Чурилин Т.В. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа). Подготовка текста, публикация и комментарии О.К. Крамарь. 89
Churilin T.V. Tyapkatan, the Russian Comedy (The chronicles of a city and its people). Preparing for publishing, publishing and comments by O.K. Kramar…... 89

Хроника / Chronicle

Архангельская Ю.В. Вспоминая ученого (о специальном заседании семинара в рамках работы научной школы «Когнитивная лингвокультурология и стилистика» в Тульском государственном педагогическом университете имени Л.Н. Толстого)……. 95

Arkhangelskaya Y.V. Reminiscence of a scientist (a special conference as a part of scientific school “Cognitive linguoculturology and stylistics” in Tula State Pedagogical L.N. Tolstoy University)…….. 95

Сведения об авторах……. 97

Для авторов……... 98

СТАТЬИ / PAPERS

С.В. Гарин
S.V. Garin

Πονηρία: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ЗЛА» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Πονηρία: SEMANTIC HISTORY OF THE «EVIL» IN ANCIENT GREEK AND EARLY CHRISTIAN LEXICON

В статье анализируются лексико-семантические, аксиологические аспекты термина «зло» (πονηρία, το κακὸν) в древнегреческом языке классической и раннехристианской мысли. Рассматриваются тексты Платона, Аристотеля, Аристофана, Еврипида, Оригена, Плотина и Нового Завета. Выявляются прагматические составляющие терминологии. Описываются семантические трудности при переводе греческой этической лексики на русский язык.
***Ключевые слова**: древнегреческий язык, семантика, πονηρία, το κακὸν, зло, порок, слабость, сленг, прагматика, аксиология, мораль, этика*

In this paper the lexical, semantic and axiological aspects of the term "evil" (πονηρία, το κακὸν) are analysed in the field of Ancient Greek and early Christian thought. We consider the texts of Plato, Aristotle, Aristophanes, Euripides, Origen, Plotinus, and the New Testament. Pragmatic components of ancient ethical lexicon come to light. Described the semantic difficulties in translating the Greek vocabulary on Russian language.
***Key words**: πονηρία, το κακὸν, ancient Greek, semantics, evil, defect, weakness, slang, pragmatics, axiology, morals, ethics.*

Важнейшим лексическим компонентом, отражающим семантику «зла» в древнегреческом языке, является πονηρία. Именно этот термин концентрирует библейскую корневую семантику *негативного*. Данный термин встречается и в *Евангелиях* (*Марка, Матфея, Луки*), и в посланиях *ап. Павла* (*Римлянам, Коринфянам, Эфесянам*). Рассматриваемое существительное определяет и важнейшие формы прилагательного πονηρός («лукавый»), фигурирующего в субстанциальных для христианства текстах молитв (Πάτερ ἡμῶν «*Отче наш*»). Однако прежде чем появиться в тексте Καινὴ Διαθήκη (Нового Завета), это понятие широко задействовалось в книгах Септуагинты. Например, в книгах *Ездры*, *Исайи, Иеремии, Псалмах*, части *Соломоновых книг* (*Екклесиаста, премудрости Соломона*) и др.

Европейский образ «зла», его семантическая архитектура, нормативная аксиология – это детище, появившееся на свет в веретене древнегреческой лексики. Этика европейцев укоренена в библейской новозаветной аксиологии, которая, главным образом, имеет греческое происхождение. Однако понятие «зла», получившее ряд важнейших проекций в массиве раннехристианской мысли, имело свою длительную *дохристианскую* историю, отдельные элементы которой мы рассмотрим в данной работе.

Отмечая трудности перевода древнегреческой лексики «зла», А. Бокшицкий полагает, что «лишь латынь адекватно передает неоднозначные смыслы слова πονηρία, по-русски же и на большинство современных европейских языков это греческое слово переведено как “зло”, в результате очень часто там, где Евангелист говорит о “слабости”, “испорченности”, “ущербности”, мы видим нечто прямо противоположное – “силу”… слово πονηρία играет ключевую роль в поэтике евангелия и особенно Нагорной проповеди (семантическая игра с этим словом – контрапункт основной темы проповеди, темы совершенства)» [11, 193]. Таким образом, из всего многообразия древнегреческой семантики πονηρία в новозаветный канон вошли лишь *некоторые* ее препарированные модальности. Именно они и сформировали семантическую архитектуру последующей западноевропейской этики добра и зла.

Рассмотрим этот термин в том виде, в каком он встречается в древнегреческой мысли. Цитирование античных авторов в данной статье имеет традиционный характер – так, при ссылках на диалоги Платона указывается название книги, номер страницы (*Stephanus page*), каждая из которых разделена на пять частей, обозначаемых пятью буквами латинского алфавита (как это впервые было сделано в парижском издании 1578 г.). При цитировании Аристотеля указывается международная пагинация со страницами Беккера, столбцами и строками, как это имеет место в издании Берлинской академии наук (издание Беккера), по которому принято цитировать Аристотеля в мировом антиковедении.

У Платона, в «*Гиппии меньшем*», мы встречаем πονηρία в традиционном качестве *испорченности* в применении к психологическим объектам: Τίς οὖν τούτων τῶν πονηριῶν αἰσχίστη; οὐχ ἡ ἀδικία καὶ συλλήβδην ἡ τῆς ψυχῆς πονηρία; [7, 374, b, 6], т.е. «какой же из пороков самый плохой? Это несправедливость и вообще *испорченность* души?» (здесь и далее перевод. – *Гарин С.В.*). Данный ракурс станет определяющим в последующей раннехристианской лексике.

В платоновском «*Филебе*», в вопросе Сократа Протарху, интересен ракурс субстанциализации πονηρία как особого качества, которое, дополняя что-либо, *делает его порочным*: Ἂν δέ γε πονηρία τούτων, ὦ Πρώταρχε, προσγίγνηταί τινι, πονηρὰν μὲν φήσομεν οὕτω γίγνεσθαι δόξαν, πονηρὰν δὲ καὶ ἡδονήν; [7, 37, c, 2]. «Но если, Протарх, к какому-нибудь из этих качеств добавится порочность, разве мы не скажем, что мнение и удовольствие также станут порочными?». Таким образом, порочность, например, мнения и удовольствия происходит не из-за *собственных* внутренних качеств, а извне, благодаря особому, вновь приобретенному признаку. И другой фрагмент на данную тему в этом же диалоге, реплика Сократа: Ἔστιν δὴ πονηρία μέν τις τὸ κεφάλαιον, ἕξεώς τινος ἐπίκλην λεγομένη· τῆς δ' αὖ πάσης πονηρίας ἐστὶ τοὐναντίον πάθος ἔχον ἢ τὸ λεγόμενον ὑπὸ τῶν ἐν Δελφοῖς γραμμάτων [7, 37, c, 2]. «Вообще говоря, это порок, получающий свое наименование от некоего свойства. Всем же вообще порокам свойственно качество, противоположное тому, о котором сказано в дельфийской надписи».

Как известно, Сократ был рационалистом и отчасти просветителем в вопросах этики. В «Филебе» «зло» рассматривается также и с типичной для Сократа гносеологически-образовательной позиции, где «злая негативность» и «порок» концентрируются вокруг темы *неведения,* т.е. отсутствия знания. Так, Сократ спрашивает: κακὸν μὴν ἄγνοια καὶ ἣν δὴ λέγομεν ἀβελτέραν ἕξιν [7, 48, c, 2]. «Неведение – зло и мы называем его состоянием глупости». Семантика αγνοια неизбежно сопряжена с признаком зла – это безусловная аксиома сократической этики. Однако для нас интересен не сам гносеологизм и интеллектуализм афинского философа, сколько его *лексико-семантическая* текстура. В

частности, в приведенном фрагменте «*зло*» отображено уже не традиционным πονηρία, а словом κακὸν, что также весьма характерно для всей древнегреческой и новогреческой лексики. Лозунг Сократа о природе неведения (ἄγνοια) лексически определяется через κακὸν и πονηρία.

В зрелые годы, уже в тексте «Государства», Платон разработал особый деструктивно-прагматический аспект губительности «зла», включив его в систему соответствующих *дефектов*, болезней и отклонений. Именно «губительный» характер зла анализируется Платоном не только в привычной для нас плоскости этики и моральной рефлексии, но и, скажем, в сфере производства стали, медицины, в области плотницкого дела и растениеводства: Τί δέ; κακὸν ἑκάστῳ τι καὶ ἀγαθὸν λέγεις; οἷον ὀφθαλμοῖς ὀφθαλμίαν καὶ σύμπαντι τῷ σώματι νόσον, σίτῳ τε ἐρυσίβην, σηπεδόνα τε ξύλοις, χαλκῷ δὲ καὶ σιδήρῳ ἰόν, καί, ὅπερ λέγω, σχεδὸν πᾶσι σύμφυτον ἑκάστῳ κακόν τε καὶ νόσημα [8, 609, a, 1]. «Что же? Полагаешь ли ты, что благо и зло есть для каждой вещи? Например, для глаз таким будет воспаление, для всего тела это болезнь, для хлебов — спорынья, гниение — для древесины, для меди и железа — ржавчина, словом, почти для каждой вещи есть особое ей присущее зло и болезнь?» Примечателен весьма малоизученный вектор платоновской этики в виде особой универсальной науки – «*дефектологии*», где «зло», еще в допсихологическую эпоху, обладало чрезвычайно широкой прагматикой, выходя далеко за пределы типичной для настоящего времени области этики.

И далее: Τὸ σύμφυτον ἄρα <u>κακὸν</u> ἑκάστου καὶ ἡ <u>πονηρία</u> ἕκαστον ἀπόλλυσιν, ἢ εἰ μὴ τοῦτο ἀπολεῖ, οὐκ ἂν ἄλλο γε αὐτὸ ἔτι διαφθείρειεν. οὐ γὰρ τό γε ἀγαθὸν μή ποτέ τι ἀπολέσῃ, οὐδὲ αὖ τὸ μήτε κακὸν μήτε ἀγαθόν [8, 609, b, 1]. «Значит, каждую вещь губят свойственные ей зло и негодность, но если это ее не губит, то уж ничто другое ее не разрушит. Благо, конечно, никогда ничего не погубит, а также не может быть губительным то, что не будет ни злом, ни благом». В «*Гиппии меньшем*» πονηρία полностью переходит из типичной психолого-спиритуалистической семантики в сферу *телесно-материальных* дефектов и *патологии*: «Χωλεία δὲ ποδῶν οὐχὶ πονηρία καὶ ἀσχημοσύνη ἐστίν» [7, 374, b, 6], где Сократ спрашивает, «а хромота разве не является безобразным пороком»?» В данном случае зло выступает как физическая деформация части двигательной системы. Этот образ понерии очень характерен для греческой мысли, он многократно воспроизводится в различных текстах. В том же «*Гиппии меньшем*» πονηρία применяется и как дефектность, порочность, и как «зло» при заболеваниях глаз: οὐ πονηρία ὀφθαλμῶν [8, 374, d, 1].

Ракурс зла как дефекта не только души, но и физических явлений и предметов, также представлен в пассаже из «*Государства*», в котором зло-*πονηρία* отвечает за испорченность, «несвежесть», буквально «протухшесть» пищи: Ἐννόει γάρ, ἦν δ' ἐγώ, ὦ Γλαύκων, ὅτι οὐδ' ὑπὸ τῆς τῶν σιτίων πονηρίας, ἢ ἂν ᾖ αὐτῶν ἐκείνων, εἴτε παλαιότης εἴτε σαπρότης εἴτε ἡτισοῦν οὖσα, οὐκ οἰόμεθα δεῖν σῶμα ἀπόλλυσθαι· ἀλλ' ἐὰν μὲν ἐμποιῇ ἡ αὐτῶν πονηρία τῶν σιτίων τῷ σώματι σώματος μοχθηρίαν, φήσομεν αὐτὸ δι' ἐκεῖνα ὑπὸ τῆς αὐτοῦ κακίας νόσου οὔσης ἀπολωλέναι· ὑπὸ δὲ σιτίων πονηρίας ἄλλων ὄντων ἄλλο ὂν τὸ σῶμα, ὑπ'ἀλλοτρίου κακοῦ μὴ ἐμποιήσαντος τὸ ἔμφυτον κακόν, οὐδέποτε ἀξιώσομεν διαφθείρεσθαι [8, 610, a, 5]. «Поразмысли, Главкон, что мы не считаем, что тело должно гибнуть непосредственно от испорченной пищи, в чем бы эта порча ни состояла, то есть, если пища несвежая, протухшая и так далее. А вот когда испорченная пища вызывает в теле телесный недуг, тогда мы скажем, что тело гибнет, хотя и через посредство пищи, но от своего собственного порока, иначе говоря от болезни. А от порчи пищи, поскольку съестное и тело — это разные вещи, мы считаем, тело не может погибнуть, пока это <u>постороннее телу зло</u> не вызовет в нем <u>зла, свойственного телу</u>». Мы видим, что понериа здесь характеризует некоторую функционально-предметную *непригодность* вещи для ее основной *цели*, следовательно, зло концентрируется в векторе *телеологии* как *препятствие*. Причем, абсолютно индифферентно, какой характер вещи перед нами – душа, кусок шерсти, хлеб, или воин, если есть причина непригодности этой вещи (болезнь, дефект окраски, черствость, трусость, отсутствие тюмоса и т.д.), то все это функциональное множество дефектов

является злом, отдаляющим предмет от его телоса. Также примечателен *транзитивный* характер зла в данной реплике, а именно, потустороннее, внешнее зло может предаваться внутреннему, становясь имманентным.

Тема *зла-испорченности* варьируется от физического и материального ракурса обратно к психологическому в 10-й книге «*Государства*». Следует отметить, что понерия здесь – это, либо *само зло*, либо же дефективность, *приводящая к злу.* Так: κατὰ τὸν αὐτὸν τοίνυν λόγον, ἦν δ' ἐγώ, ἐὰν μὴ σώματος πονηρία ψυχῇ ψυχῆς πονηρίαν ἐμποιῇ, μή ποτε ἀξιῶμεν ὑπὸ ἀλλοτρίου κακοῦ ἄνευ τῆς ἰδίας πονηρίας ψυχὴν ἀπόλλυσθαι, τῷ ἑτέρου κακῷ ἕτερον [8, 610, a, 7]. «На том же самом основании, если порча тела не вызывает испорченности души, присущей ей самой, мы никогда не признаем, что душа погибает от внешнего зла, кроме своей собственной испорченности: это зло и свойственное ей зло — различные вещи».

Важнейшей словоформой древнегреческого языка, обозначающего явления, относящиеся ко злу, выступает τό κᾰκόν и его лексические производные. Семантически, если πονηρία присутствует в связке с κᾰκόν, то πονηρία – означает, скорее, испорченность, κᾰκόν – зло. Однако πονηρία без κᾰκόν также выражает «зло». Например, Платон использует и κᾰκόν, и πονηρία в «*Государстве*», комбинируя их, иногда беря по отдельности. Так, рассматривая предпосылки бессмертного в контексте аспектов зла, афинский автор пишет следующее: οὐκοῦν ὁπότε μηδ' ὑφ' ἑνὸς ἀπόλλυται κακοῦ, μήτε οἰκείου μήτε ἀλλοτρίου, δῆλον ὅτι ἀνάγκη αὐτὸ ἀεὶ ὂν εἶναι· εἰ δ' ἀεὶ ὄν, ἀθάνατον [8, 611, a, 1]. «Но раз что-то не гибнет ни от одного из этих зол — ни от собственного, ни от внешнего, то очевидно, что оно непременно должно быть чем-то вечно существующим, а раз оно вечно существует, оно бессмертно».

Примечательно, что «порок» в древнегреческом языке лексически образуется и через πονηρία, *и* через κᾰκόν. Например, в «Законах» Платона на вопрос Клиния афинянин отвечает следующее: Ἆρ' οἰόμεθα, ὦ θαυμάσιε, τοὺς τότε, ἀπείρους ὄντας πολλῶν μὲν καλῶν τῶν κατὰ τὰ ἄστη, πολλῶν δὲ καὶ τῶν ἐναντίων, τελέους πρὸς ἀρετὴν ἢ πρὸς κακίαν γεγονέναι [8, 678, b, 1]. «Друг мой, ведь тогдашние люди были незнакомы со многими благами, доставляемыми городами, а также и со многим таким, что этим благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?». В данном случае κακίαν выступает антонимом для ἀρετὴν.

Следует отметить, что к семантике τό κᾰκόν примыкает и часть парадоксальной лексики *Гераклита*, веками пугающей переводчиков. Например, знаменитый дильсовский фрагмент 126b, содержащий Гераклитову критику Пифагора: Πυθαγόρης Μνησάρχου ἱστορίην ἤσκησεν ἀνθρώπων μάλιστα πάντων καὶ ἐκλεξάμενος ταύτας τὰς συγγραφὰς ἐποιήσατο ἑαυτοῦ σοφίην, πολυμαθείην, <u>κακοτεχνίην</u>. [3, 126b, 6] «Пифагор, сын Мнесарха, упражнялся в вопрошании людей больше всех и собрав те и другие писания, создал себе мудрость, многоученность, *злоухищренность*». Термин <u>како</u>τεχνίην можно передать как «злоумение» (термин «злоухищренность» принадлежит С.Н. Муравьеву), в лебедевских «Фрагментах…» стоит «*злохудожество*». В данном тексте лексически свойство «плохого», или «зла» (како…), сопровождает принцип навыка и умения «τεχνη». М*а*ксима Гераклита о тождестве блага и зла – αγαθον και κακον εστι ταυτον, содержит κακον для фиксации «дурного». Здесь κακον – это прилагательное, которое, подвергаясь субстантивации, получая артикль среднего рода единственного числа (το), становится существительным το κακον, а затем и понятием особой отрасли знания – этики.

Примечателен античный модус πονηρία в применении к явлениям, связанным с оценкой человеческого характера и качеств личности в ракурсе *адинамизма*. Так, в древнегреческой трагедии, у *Еврипида* в *«Киклопе»* мы встречаем πονηρία, характеризующуюся слабостью характера, малодушием, трусостью. Реплика Одиссея: ἄνδρες πονηροὶ κοὐδὲν οἵδε σύμμαχοι [5, 643]. «Негодные (трусы) эти союзники». И далее, в ответе Корифея: ὁτιὴ τὸ νῶτον τὴν ῥάχιν τ' οἰκτίρομεν καὶ τοὺς ὀδόντας ἐκβαλεῖν οὐ βούλομαι τυπτόμενος, αὕτη γίγνεται πονηρία; [5, 643] «…так, что, поэтому я трус?». Следует отметить, что слабость характера, однако, это еще не *зло* в его христианском понимании, которое мы

встречаем в *Евангелиях* и новозаветных посланиях. От *медлительности* и нерасторопности индивида в различных жизненных вопросах, переход к *злу* как активной жизненной позиции совсем не очевиден. Это означает, что греческое πονηρία имеет целый ряд семантических градаций, включающих аспекты, напрямую не относящиеся к *злу* (например, определенные, нейтральные с этической точки зрения черты характера, функциональные свойства объектов и т.д.). Эти градации были редуцированы в новозаветной лексике, где πονηρία получает строго определенный семантический вектор.

Этот же *адинамический* ракурс понерии мы встречаем и в аристофановских «*Женщинах на празднестве*» (*Thesmophoriazusae*), где Мнесилох, имитируя роль Елены, задается вопросом, почему она, вопреки мрачному ходу вещей, все еще жива. Отвечающая ей старуха употребляет πονηρία с существительным «вороны»: «Τῶν κοράκων πονηρίᾳ» [1, 861]. Буквально – «Вороны медлят» (в смысле нерасторопны, ленивы). Таким образом, здесь мы видим πονηρία как форму динамической ущербности, лени и малоподвижности. Данный аспект семантики зла, проецируя его в сферу платоновской лексики, также можно рассматривать как форму дефекта *телеологического* порядка, где ущербность, «зло» выражается в слабости, недостатке, отсутствии тонуса, здорового качества бодрости жизни, что приводит к невозможности выполнения предметом своих функций. Опять же, невыполнение предметом своих функций может быть и этически нейтральным, тем не менее, лексически мы все равно будем иметь разновидность πονηρία, ту самую разновидность, исчезнувшую из новозаветного греческого лексикона.

Однако, πονηρία – пассивность, слабость и ущербность, в греческой лексике иногда уступает место понерии как активному *намерению* и *наклонности*. В частности, *хищение* как разновидность преступной деятельности, семантически попадает под область πονηρία – например, у Аристофана мы встречаем этот термин во множественном числе с звательным артиклем в виде *ὦ πόνηροι* (воры): ὦ πόνηροι, ταυτῃὶ τῇ δᾳδὶ φρυκτοὺς σκευάσω [2, 1330]. «Воры! Этот факел вас изжарит!». Интересно отметить факт, что славянское «проныра» восходит именно к πονηρός, т.е. негодяй, вор, мошенник. Не случайно, библейская новозаветная лексика, связанная с «*диаволом*», «лукавым», как было сказано выше, концентрируется на πονηρός.

Примечателен античный семантический вектор πονηρία в контексте гигантизации и *макромасштабов*. Например, в «Законах», в реплике афинянина Клинию, мы встречаем «*великую испорченность*», что может быть и «великим злом», которое соседствует с «великой добродетелью»: Οὐκοῦν ἐξ ἐκείνων τῶν διακειμένων οὕτω τὰ νῦνγέγονεν ἡμῖν σύμπαντα, πόλεις τε καὶ πολιτεῖαι καὶ τέχναικαὶ νόμοι, καὶ πολλὴ μὲν πονηρία, πολλὴ δὲ καὶ ἀρετή [9, 678, a, 9]. «Однако такие условия привели к возникновению всего настоящего: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, но и великая добродетель». Сходный аспект возрастания, экспоненции, зла обнаруживается и у *Аристотеля*, в «*Никомаховой этике*», затрагивающей πονηρία в аспекте безудержного нарастания порока: ἔτι δ' ἡ πονηρία τῶν ἀνθρώπων ἄπληστον, καὶ τὸ πρῶτον μὲν ἱκανὸν διωβελία μόνον, ὅταν δ' ἤδη τοῦτ' ᾖ πάτριον, ἀεὶ δέονται τοῦ πλείονος, ἕως εἰς ἄπειρον ἔλθωσιν [3, 1267, b, 1]. «К тому же человеческая порочность ненасытна: сначала людям достаточно двух оболов, а когда это станет привычным, им всегда будет нужно больше, и так до бесконечности». Интересно отметить факт, что в данной фразе Аристотель использует классический термин Анаксимандра – ἄπειρον, характеризуя беспредельное возрастание порока *до бесконечности.* Примечательно, что ἡ πονηρία τῶν ἀνθρώπων у Аристотеля – это «человеческая *порочность*», тогда, как ἡ πονηρία означает просто «зло», «злобу». Так, в «*Риторике*» Аристотель приводит выражение, имеющее вид пословицы: ὥσπερ γὰρ ἡ παροιμία, προφάσεως δεῖται μόνον ἡ πονηρία [3, 1373, a, 4]. «Потому что злобе нужен только повод».

Стоит отметить семантический вектор рассматриваемого вопроса у *Плотина*, где дифференцируется πονηρία и лексические производные от κᾰκόν. В третьей «*Эннеаде*» мы встречаем отдельно *испорченность характера* – πονηρία δὲ ἤθους и специальную

лексическую конструкцию для *зла*: πονηρία δὲ ἤθους παρὰ θεῶν ὄντων πῶς ἂν δοθείη; καὶ ὅλως ὅσα λέγονται διδόναι κακὰ κακούμενοι, ὅτι δύνουσι καὶ ὅτι ὑπὸ γῆν φέρονται, ὥσπερ διάφορόν τι πασχόντων, εἰ πρὸς ἡμᾶς δύνοιεν, ἀλλ' οὐκ ἀεὶ ἐπὶ σφαίρας οὐρανίας φερομένων καὶ πρὸς τὴν γῆν τὴν αὐτὴν ἐχόντων σχέσιν…[10, кн. 3, ч. 1, п. 15]. «Как объяснить испорченность характера воздействием звезд, если это боги? Вообще, как они могут считать зло происходящим от звезд… а они ведь говорят, что это так, когда звезды злы, по причине их захождения и нахождения под Землей, как будто с ними случается нечто из ряда вон выходящее, когда они, с нашей точки зрения, садятся».

Далее у Плотина в относительно небольшом фрагменте мы находим сразу несколько важнейших понятий этики – испорченность, несправедливость, грех: Ἀλλ' εἰ καλῶς ταῦτα λέγεται, πῶς ἂν ἔτι πονηρία; Ποῦ δ' ἀδικία; Ἁμαρτία δὲ ποῦ; [10, кн. 3, ч. 2, п. 16]. «Но если это прекрасно сказано, почему все-таки существует испорченность? Почему – несправедливость? Почему – грех?» И далее – почему те, кто прекрасен, могут творить несправедливость и грех? Πῶς γὰρ ἔστι καλῶς γινομένων ἁπάντων ἀδικεῖν ἢ ἁμαρτάνειν τοὺς ποιοῦντας; здесь ἁμαρτάνω – буквально: «делать что-либо неправильно», «не соответствовать цели», тогда как ἀδικεῖν от ἀδικέω имеет близкий смысл – «делать или *быть* неправильным, ошибочным», «несправедливым».

Примечателен аспект параллелизма зла и *слепоты* у *Оригена*. В книге «*Против Цельса*» мы обнаруживаем семантику зла и идею *собственной силы*, столь близкую уже новозаветным этическим инвективам: Τυφλὸν γάρ τι ἐστὶν ἡ πονηρία καὶ βουλομένη ὡς ἰσχυροτέρα τοῦ χρεὼν νικᾶν αὐτό. [6, 1, 61, 3]. «…злоба соединяется с ослеплением; она чувствует себя сильнее даже самой судьбы (необходимости)». Ослепление (τυφλὸν) здесь имеет, бесспорно, ментальный, а не физический смысл. В данном случае мы сталкиваемся с духовной, ценностной дезориентацией, которая, по Оригену, составляет существенное свойство «злобы».

Связка πονηρία рассматривается Оригеном и в связи с вопросами *этнической истории*. *Зло*-πονηρία здесь выступает, скорее, в качестве *хитрости и лукавства*: Οὐκ ἂν γὰρ πονηρία καὶ μαγγανεία ὅλον ἔθνος συνέστησαν, ὑπερβὰν μὲν οὐ μόνον ἀγάλματα καὶ τὰ ὑπ' ἀνθρώπων ἱδρυμένα ἀλλὰ καὶ πᾶσαν γενητὴν φύσιν, ἀναβαῖνον δὲ πρὸς τὴν ἀγένητον τοῦ θεοῦ τῶν ὅλων ἀρχήν [6, 51, 51]. «Собственно, лукавство и колдовство не могли бы образовать такой общий народ, который оставил поклонение не только статуям и произведениям рук человеческих, но и всякому вообще сотворенному существу и обратился к Богу – безначальной основе всех вещей» (ἀγένητον). Этот смысловой пласт, безусловно, один из важнейших в новозаветной терминологической традиции семантики зла.

1. *Aristophanes, vol. 4, Ed. Coulon, V., van Daele, M. Paris: Les Belles Lettres, 1967.*
2. *Aristophanes. Wasps, Ed. MacDowell, D.M. Oxford: Clarendon Press, 1971.*
3. *Corpus Aristotelicum Ed. Ross, W.D. Oxford: Clarendon Press, 1967.*
4. *Die Fragmente der Vorsokratiker, vol. 1, Ed. Diels, H., Kranz, Berlin: Weidmann, 1966.*
5. *Euripidis fabulae, vol. 1, Ed. Diggle, J.Oxford: Clarendon Press, 1984.*
6. *Origène. Contre Celse. Ed. Borret, M. Paris: 1967.*
7. *Platonis opera, vol. 2, Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press, 1967.*
8. *Platonis opera, vol. 3, Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press, 1968.*
9. *Platonis opera, vol. 5, Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press, 1969.*
10. *Plotinus Enneades. Ed. Henry, P., Schwyzer, H.–R. Leiden: Brill, 1973.*
11. *Бокшицкий А. Неизвестное евангелие по Матфею // Нева. 2006. № 2. С. 193–198.*

И.А. Гордиенко
I.A. Gordienko

ОСЛОЖНЕНИЕ СОЧИНЕННЫХ РЯДОВ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ВАРИАНТАХ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

COMPLICATION OF THE COORDINATIVE VERB-PREDICATES IN RUSSIAN AND ENGLISH VERSIONS OF V. NABOKOV'S NOVEL "LOLITA"

Данная статья посвящена изучению конструкций с сочиненными рядами глагольных предикатов в билингвальном произведении Владимира Нобокова «Лолита» с позиции их осложнения такими глагольными формами, как причастие, герундий и деепричастие в английском и русском текстах соответственно.
Ключевые слова: *осложнение, моносубъектные билингвальные конструкции, полифункциональные неоднозначные глагольные формы на «ing».*

The current article is dedicated to the research of coordinative verb-predicates constructions of Vladimir Nabokov's bilingual novel "Lolita" in terms of their complication by verbal forms like participle, gerund and verbal adverb in English and Russian texts respectively.
Key words: *complication, monosubjective (composite) bilingual constructions, polyfunctional multivalued verbal "ing"-forms.*

Статья посвящена осложнению, которое присутствует в конструкциях с сочиненными рядами однородных глаголов-сказуемых в первичном англоязычном и вторичном русскоязычном текстах романа В. Набокова «Лолита». Особое внимание уделяется осложнению в виде деепричастного оборота одного из глагольных сказуемых в сочиненном ряду в билингвальном произведении одного автора.

Нами был проведен анализ исследуемых конструкций с целью определения частотности употребления данного осложнения в виде деепричастия и деепричастных оборотов при одном из глаголов-сказуемых в сочиненном ряду, характеризующих Лолиту, Гумберта и второстепенных персонажей романа.

Деепричастие/деепричастный оборот, как известно, обозначает добавочное действие при основном глаголе-сказуемом, поэтому его сохранение или замещение, например, одиночным глагольным предикатом, или простым предложением, или придаточным обстоятельственным представляется интересным при сравнении идентичных конструкций с сочиненными рядами однородных глаголов-сказуемых в обоих вариантах «Лолиты», так

как их наличие/отсутствие в текстах романа, во-первых, продиктовано различными грамматическими условиями, а также интенциями автора, а во-вторых, способствует изменению оттенков в характеристике героев.

Вопрос об осложнении компонентов сочиненного ряда глаголов-сказуемых подчиненными второстепенными членами, в частности деепричастными оборотами (заметим, что в первичном англоязычном варианте романа Набокова «Лолита» русскому деепричастию соответствует полифункциональная неоднозначная форма глагола на «ing») изучен лингвистами недостаточно [2, 290–293; 1, 214–219]. А.П. Леонтьев в своей кандидатской диссертации представил анализ конструкций с сочиненными рядами глаголов-сказуемых, отметив, что субъект второго предиката «замкнут» на субъекте первого предикативного узла, но не имеет своего субъекта, а заимствует его у первого предикативного узла [3]. То, что деепричастие не имеет своего собственного субъекта действия, отмечено в ЛЭС, где подчеркивается, что субъект обозначенного деепричастием действия совпадает с субъектом глагольного действия, выраженного подчиняющей финитной формой [4, 128]. Отсюда можно утверждать, что деепричастные формы в русском языке и формы на «ing» с семантикой, когда она аналогична семантике русского деепричастия, так же, как и глаголы сочиненного ряда, используются Набоковым для характеристики персонажей романа, их наглядно-образного представления читателю.

Как уже отмечено, данный вид осложнения присутствует в сочиненных рядах, посвященных Лолите, Гумберту и второстепенным персонажам, а также в описаниях живой/неживой природы, однако три эти группы существенно друг от друга отличаются. Начнем с примеров-предложений с однородными глаголами-сказуемыми, характеризующими Лолиту.

Данная группа примеров-предложений с сочиненными рядами глагольных предикатов самая многочисленная, примеры с этим видом осложнения составляют треть от общего количества исследуемых конструкций, посвященных Лолите. Здесь отмечаем частое несохранение деепричастного оборота или одиночного деепричастия в английском варианте, когда он замещается простым вставочным предложением или придаточным, как правило, обстоятельственным, или дополнением, или одиночным глаголом-сказуемым. Рассмотрим следующие примеры: *...и в ответ со внезапно визгливой ноткой в голосе* ***она воскликнула****: «Ах, это пустяк!» –* ***и стала корячиться и извиваться****,* ***и запрокинула*** *голову, и* ***прикусила*** *влажно блестевшую нижнюю губу,* ***полуотворотившись от меня****...* – и английский вариант: *«Oh, it's nothing at all»,* ***she cried*** *with a sudden shrill note in her voice,* ***and she wiggled****,* ***and squirmed****,* ***and threw*** *her head back,* ***and her teeth rested on her glistening underlip as she half-turned away****...* Как видим, русский вариант является четырехчленным, осложненным деепричастным оборотом, в то время как английский вариант трехчленный, а вместо деепричастного оборота в русскоязычном варианте присутствует придаточное предложение со значением обстоятельственным временным. Другой пример: *Лолита, меж тем,* ***схватила*** *с заднего сиденья новые комиксы* ***и****, в белой своей блузке, зыблемой ветром,* ***выставив за окно правый коричневый локоть****,* ***углубилась*** *в приключения очередного болвана* – и английский аналог *Lo* ***had grabbed*** *some comics from the back seat* ***and****, mobile-white-bloused, one brown elbow out of the window,* ***was deep*** *in the current adventure of some clout or clown* – русскоязычный вариант является двучленным, осложненным деепричастным оборотом, а английский – также двучленный, однако вместо деепричастного оборота употреблено назывное предложение вставочного характера *one brown elbow out of the window*.

Нами были обнаружены и немногочисленные примеры предложений с анализируемыми конструкциями, в которых в обоих вариантах (русском и английском) осложнение в виде семантики деепричастного оборота сохраняется, например: *Тем временем Ло,* ***нагнувшись вперед****, с солнечно-русыми волосами, падающими через лицо,* ***вбивала*** *ракету, как трость калеки, в землю* ***и испускала*** *страшный крик отвращения, вызванного моим вмешательством* – и английский вариант *In the meantime, Lo,* ***bending***

***forward**, would let her sunny-brown curls hang forward as **she stuck** her racket, like a cripple's stick, into the ground and **emitted** a tremendous ugh of disgust at my intrusion.* Русский вариант конструкции – двучленный, осложненный деепричастным оборотом (*нагнувшись вперед*), в то время как английский – также двучленный, однако сама сочиненная конструкция находится в придаточной части предложения, а деепричастный оборот осложняет главную часть *(Lo would let her sunny-brown curls hang forward).* Таким образом, и в русскоязычном, и англоязычном первичном варианте осложнение деепричастием и деепричастным оборотом не мешает присутствию в описании Лолиты сочиненных рядов глаголов-сказуемых, ибо автор старается показать читателю красоту, энергию движений своей героини, в которых, видимо, и заключается ее обаяние, привлекающее Гумберта. При этом деепричастный оборот обычно связан с описанием какой-либо детали внешности Лолиты: например, *«нагнувшись вперед, с солнечно-русыми волосами»* и др. Дело в том, что деепричастие заимствует значение лица у подчиняющего глагола и, будучи второстепенным членом предложения, подчиненным одному из глаголов-сказуемых сочиненного ряда, в воплощении основной мысли автора играет не последнюю роль. Соответствие же в ряде предложений в первичном (английском) варианте романа придаточным или вставочным конструкциям русскоязычному деепричастному обороту, видимо, объясняется стремлением автора избежать неопределенности при употреблении формы на «ing».

Говоря о «гумбертовских» рядах, необходимо отметить большее количество сохранений деепричастного оборота в обоих вариантах примеров-предложений там, где деепричастный оборот имеет в своем составе не более двух зависимых компонентов, а также разрушение сочиненного ряда в английском варианте, когда один из глагольных предикатов замещается оборотом с глаголом на «ing». Рассмотрим следующие примеры: *After coughing myself inside out, I **rested** a while on a boulder, **and then**, **thinking the sweet air might do me good**, **walked** a little way toward a low stone parapet on the precipice side of the highway* – и русский вариант *После судорог рвоты, вывернувшей меня наизнанку, я **сел отдохнуть** на валун, **а затем, думая, что свежий горный воздух мне пойдет впрок**, **прошел** несколько шагов по направлению к низкому каменному парапету на стремнинной стороне шоссе.* Английский вариант конструкции является двучленным, осложненным оборотом с зависимым компонентом в форме придаточного изъяснительного (союз *that* опущен). Русский вариант и структурно, и содержательно совпадает с английским. Другой пример: *...and finally, when I had completely enmeshed my glowing darling in this weave of ethereal caresses, I dared stroke her bare leg along the gooseberry fuzz of her shin, **and I chuckled** at my own jokes, **and trembled**, **and concealed my tremors**, **and** once or twice **felt** with my rapid lips the warmth of her hair as **I treated her to a quick nuzzling, humorous aside and caressed her plaything*** – и русский вариант: *...и наконец, когда я полностью опутал мою жаром пышущую душеньку этой сетью бесплотных ласок, я посмел погладить ее по ноге, по крыжовенным волоскам вдоль голени, **и** я **смеялся** собственным шуткам, **и трепетал**, **и таил трепет**, **и** раза два **ощутил** беглыми губами тепло ее близких кудрей, **тыкаясь к ней со смешными апарте в быстрых скобках и лаская ее игрушку**.* Данные предложения являются сложными подчиненными предложениями, с двумя придаточными обстоятельственными времени (английский вариант) и одним придаточным предложением и деепричастным оборотом (русский вариант). Сами сочиненные конструкции в обоих вариантах четырехчленные; обилие союзов «и» («and») создают полисиндетон (многосоюзие); деепричастный оборот присутствует в русском варианте (*тыкаясь* и *лаская*), в английском же ему соответствует придаточное обстоятельственное времени с двумя глагольными сказуемыми – *treated и caressed* соответственно. Еще один пример: ***When putting the breakfast things back on the chair outside my room for my good landlady to remove at her convenience**, **I gleaned** the following situation **by listening** from the landing across which **I had** softly **crept** to the banisters in my old bedroom slippers – the only old things about me* и русский вариант ***Выставив на стул, стоявший за дверью, поднос с остатками моего***

утреннего завтрака *(его полагалось моей доброй квартирохозяйке убрать, когда ей будет удобно), я* ***подкрался*** *к балюстраде площадки в своих потрепанных ночных туфлях (единственное, что есть у меня потрепанного),* ***прислушался и выяснил*** *следующее…* Русский вариант составляет трехчленную сочиненную конструкцию, осложненную деепричастным оборотом, в то время как английский вариант представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным обстоятельственным времени; главная предикативная часть также осложнена оборотом с формой на «ing», при этом первый оборот находится в начале придаточного времени «*When putting…»*, а второй, формально невыраженный – «*by listening»*, замещает собой второй член сочиненного ряда (*прислушался*), сохраненный в русском варианте; в английском сочиненный ряд разрушен, т.е. русскоязычный вариант отличается большей обстоятельностью и плавностью повествования, так как деепричастия выражают все-таки не основное, а добавочное действие. Подчеркивая значимость каждого из действий, выраженных в сочиненном ряду спрягаемыми глаголами-сказуемыми на месте деепричастий в англоязычном варианте, автор, видимо, стремился придать большую значимость каждому действию своего главного героя, вводя перед сказуемыми местоимение-субъект «I».

Третья группа примеров-предложений с сочиненными рядами однородных глаголов-сказуемых характеризует второстепенных персонажей, а также живую/неживую природу и насчитывает всего пять конструкций, включающих деепричастный оборот. Их особенность заключается в том, что во всех русских вариантах предложений деепричастный оборот присутствует, а в английских – имеется лишь в трех. Рассмотрим следующий пример предложения с исследуемой конструкцией, включающей деепричастный оборот, с полным соответствием в структурном и содержательном плане как в русском, так и в английском вариантах: *It will be seem from them that for all the devil's inventiveness, the scheme remained daily the same. First he* ***would tempt*** *me –* ***and then thwart*** *me,* ***leaving me with a dull pain in the very root of my being*** – и русский вариант этого предложения *Из них следует, что, несмотря на всю изобретательность дьявола, схема была ежедневно та же: он начинал с того, что* ***соблазнял*** *меня,* ***а затем перечил*** *мне,* ***оставляя меня с тупой болью в самом корне моего состава.*** Оба предложения включают двучленный ряд сочиненных глагольных предикатов, последний из которых осложняется деепричастным оборотом или формой на «ing» в английском варианте – *оставляя меня с тупой болью в самом корне моего состава* и *leaving me with a dull pain in the very root of my being*; при союзе имеется конкретизатор *затем* (*then*).

Говоря об осложнении в форме причастного оборота или одиночных причастий, необходимо отметить их крайне редкую встречаемость: по одному примеру в каждой из трех групп в обоих вариантах, что свидетельствует о нерегулярности употреблений причастий и предпочтительности автором прилагательных при характеристике главных и второстепенных героев.

Таким образом, причинами наличия/отсутствия деепричастий и деепричастных оборотов в обоих вариантах текста «Лолиты» являются структурные, грамматические различия английского и русского языков, в первом из которых отсутствует специальная, отдельная форма для выражения деепричастия, присущая русскому языку, а также иллокутивный замысел писателя, который с помощью глагольной формы и глагольного предиката представляет действия персонажей или как основные, или как сопровождающие основные, таким способом привлекая дополнительное внимание ко всем проявлениям жизни Лолиты и Гумберта, а также второстепенных героев. В художественном отношении главные характеры получают новую окраску: в английском варианте романа Гумберт – более нервный, тревожный человек, который сосредоточен и на своих мыслях, и на действиях Лолиты, которые детально описываются им с помощью конструкций с однородными глагольными предикатами, осложненными деепричастными оборотами. В русском же варианте Гумберт более спокойный и сдержанный. Лолита же в обоих вариантах романа в целом сохраняет образ относительно бессловесной девочки-подростка,

характеризуемой от имени главного героя-«вдовца», более игривая и кокетливая в английской версии, что выражается автором с помощью целого сочиненного ряда глаголов-сказуемых, выражающих ее внешнее поведение – в отличие от Гумберта, который, ведя повествование от своего (1-го) лица, стремится передать свои чувства, ощущения и переживания при помощи глаголов *смеялся, трепетал, ощутил* и *прислушался и выяснил*, сочетающих в себе перцептивную и ментальную семантику. Как видим, разные характеры персонажей и разные аспекты их описания получают выражение и в семантике деепричастных оборотов в сочиненных рядах глаголов-предикатов.

1. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. М., 1948.
2. Качалова К.Н., Изралевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. Элиста, 2012.
3. Леонтьев А.П. Моносубъектные полипредикатные конструкции в русском языке. Смысловое описание структур с нулевым подлежащим и дубль-подлежащим: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1982.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

М.В. Горемыкина
M.V. Goremykina

РОМАНТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА 1815–1825 ГОДОВ

ROMANTIC CONSCIOUSNESS IN THE V.K. KYUKHELBAKER'S WRITING, 1815–1825

В статье рассматриваются мировоззрение и авторское сознание В.К. Кюхельбекера раннего периода творчества. Особое внимание уделено идеям боговдохновенности поэтического творчества и романтически понятой гражданственности.
Ключевые слова: *В.К. Кюхельбекер, В.А. Жуковский, Г.Р. Державин, романтическое сознание, декабризм, гражданственность.*

V.K. Kyukhelbaker's world view and author's consciousness in the early period of his writing are viewed in the article. Special attention is given to the divine afflatus of his poetic writing and civism that is understood romantically.
Key words: *V.K. Kyukhelbaker, V.A. Zhukovsky, G.R. Derzhavin, romantic consciousness, Decembrism (Dekabrizm), civism.*

Активным участником литературного процесса В.К. Кюхельбекер стал в самом начале 1820-х годов, по возвращении в Россию из Европы, где он провел около года. Общественная и литературная жизнь в этот период во многом определялась недавней победой в войне с Наполеоном. Отечественная война 1812 года способствовала пробуждению в обществе патриотических настроений. Народ, его жизнь и судьба, будущее Отечества – важнейшие темы для размышления в среде мыслящего дворянства.

Творческое становление Кюхельбекера проходило под несомненным влиянием преобладавших в его окружении настроений. Еще во время учебы в Царскосельском лицее он вступил в тайную организацию «Священная артель», радикально настроенную по отношению к крепостному праву и тирании самодержавия. Позднее был членом «Вольного общества любителей российской словесности», в котором обсуждались философские, социально-политические, исторические вопросы, поддерживались идеи европейского Просвещения. Его участники настаивали на народности и национальной самобытности литературы, на «высокой общественной роли искусства как могущественного средства идейной агитации» [13, 210]. Оказавшись в 1825 году в Петербурге, за несколько дней до событий на Сенатской площади, поэт был принят в «Северное общество» К.Ф. Рылеевым, а 14 декабря 1825 года стал участником восстания декабристов.

Факты личной биографии Кюхельбекера во многом предопределили исследовательский подход к его творчеству. Так, В.Г. Базанов [3] и Л.Г. Фризман [18] рассматривают литературную деятельность декабристов, в том числе и Кюхельбекера, как средство революционной пропаганды; В.Н. Касаткина [7] выявляет и анализирует идейно-

художественную основу декабристской поэзии, мировоззренческое и эстетическое сходство ее представителей; А.В. Архипова [2] акцентирует внимание на особом типе романтического мироощущения в гражданском течении русского романтизма.

Современные же исследования расширяют научное представление о содержании художественного сознания поэта и его образного воплощения: мифологическое (Н.А. Стафеева), философско-эстетическое (Е.Ю. Шер, Т.А. Ложкова), философско-символическое (А.В. Маньковский), идеологическое (Е.В. Барсукова), в частности, христианское (Т.В. Федосеева). Однако они проводятся преимущественно на материале зрелого творчества поэта. Целью же данной статьи является уточнение и конкретизация литературной позиции раннего Кюхельбекера в ее обусловленности содержанием авторского мирообраза. При этом рассматриваются не только лирические произведения писателя, но также прозаические и драматические.

Русская литература первой четверти XIX века развивалась чрезвычайно интенсивно. По замечанию Ю.В. Манна, «к началу второго десятилетия романтизм занимает ключевое место в динамике литературных направлений в России, обнаруживая более или менее полно свое национальное своеобразие» [11, 306]. Не удивительно, что среди ранних произведений Кюхельбекера имеется целый ряд подражаний В.А. Жуковскому. Среди них исследователи называют стихотворения «Осень» (1816), «Зима» (1816 или 1817), «Элегия» (1817), «К Лизе» (1818), «Призрак» (1818), «К моему гению» (1818), «К брату» (1819), «Вдохновение» (между 1817 и 1820), «Ночь» (между 1818 и 1820), «Пробуждение» (1820), «Жизнь» (1820). Лирический герой в этих произведениях, как отмечает А.В. Архипова, – «унылый мечтатель, стремящийся к небесной “отчизне”, в мир идеальной мечты и фантазии, оплакивающий в “этом” мире свои жизненные разочарования и увядающую молодость» [2, 41].

Очевидно, что свойственное поэзии Жуковского глубокое проникновение в духовный мир человека привлекало молодого поэта, а высокая нравственность вызывала уважение и глубокую симпатию. Авторитет первого русского романтика, который называл себя «духовным отцом» Кюхельбекера, был несомненен. В статье «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» 1817 года было замечено: «Жуковский не только переменяет внешнюю форму нашей поэзии, но даже дает ей совершенно другие свойства. Принявши образцами своими великих гениев, в недавние времена прославивших Германию, он дал (выразимся словами одного из наших молодых поэтов) германический дух русскому языку, ближайший к нашему национальному духу, как тот, свободному и независимому» [10, 435].

Некоторое время спустя Кюхельбекер переосмыслил свое отношение к возобладавшему в литературе сентиментально-элегическому направлению и встал в оппозицию к своему «духовному отцу». Связано это было с тем, что в 1821 году в жизни Кюхельбекера происходит знаменательное событие – знакомство с А.С. Грибоедовым. По мнению Н.И. Мордовченко, «с помощью Грибоедова Кюхельбекер пришел к осознанию роли и назначения поэта как пророка свободы, воинствующего борца» [12, 94]. Кюхельбекера увлекла идея создания национальной русской литературы, с этого времени идеи гражданственности занимают доминирующее положение в его творчестве.

Гражданственность позиции Кюхельбекера почти исключительно сосредоточена в области поэтического творчества. Он осознавал роль поэта в обществе как очень значимую, в чем, несомненно, наследует Г.Р. Державина. Поэт у Державина свободен в своем творчестве, он руководствуется чувством добра и справедливости, а в первую очередь, вдохновением [17]. В «Рассуждении о лирической поэзии, или Об оде» он писал: «Вдохновение есть не что иное, как живое ощущение, дар неба, луч Божества» [6, т. 7, 523]. Природа поэтического творчества у Державина божественна, а назначение поэта заключается, прежде всего, в посредничестве между высшими силами и людьми. Для Кюхельбекера поэт также проводник божественной воли, вот как он аргументирует свою позицию в «Путешествии» (1820–1821): «…вернейший признак души поэтической –

страсть к высокому и прекрасному; <…> поэт действует по вдохновению и столь же мало гордится своею жизнию, как своими творениями, ибо чувствует, что все ему данное есть дар свыше, а он только бренный сосуд той божественной силы, которая обновляет и возрождает человечество!» [10, 58].

В стихотворении «Поэты» (1820) Кюхельбекер обращается к своим друзьям – А.А. Дельвигу, Е.А. Баратынскому, отправленному в ссылку А.С. Пушкину. Он верит в особую судьбу поэтов, в их ответственную миссию, награда за которую – бессмертие; именно они должны подготовить общество к изменениям, несмотря на гонения, которым подвергаются со стороны власти:

О Дельвиг! Дельвиг! что гоненья?
Бессмертие равно удел
И смелых, вдохновенных дел,
И сладостного песнопенья!
Так! не умрет и наш союз,
Свободный, радостный и гордый,
И в счастье и в несчастье твердый,
Союз любимцев вечных муз! [9, т. 1, 133].

Творчество для Кюхельбекера – это возможность представить свои убеждения широкой общественности. Свой гражданский долг он видит в достижении идеала национальной поэзии. В статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» (1824) Кюхельбекер настаивает на величии своей страны и ее особой исторической значимости: «…да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первою державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности» [10, 458]. А писателей призывает «сбросить с себя поносные цепи немецкие и захотеть быть русскими» [10, 458]. Литература, по убеждению критика, должна иметь высокое содержание, так как выполняет ответственную гражданскую миссию. Необходимые условия такой литературы, а в частности, поэзии, – «сила, свобода, вдохновение». Поэтому следует обратиться к высоким жанрам, таким, как ода. «Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна ода, а посему, без сомнения, занимает первое место в лирической поэзии или, лучше сказать, одна совершенно заслуживает название поэзии лирической» [9, 454].

Оды Кюхельбекера – это произведения высокого эмоционального настроя, основной темой которых является не воспевание величия монарха или героизм воинов, как это было ранее, а гражданский долг. Высокий слог, пафосное и эмоциональное исполнение – эти черты гражданской оды запечатлены в стихотворении «Пророчество» (1822):

Глагол Господень был ко мне
За цепью гор на Курском бреге.
«Ты дни влачишь в ленивом сне,
В мертвящей душу, вялой неге!
На то ль тебе я пламень дал
И силу воздвигать народы?
Восстань, певец, пророк свободы!
Вспрянь, возвести, что я вещал!..» [9, т. 1, 158].

В одической форме Кюхельбекером написаны послания Грибоедову и А.П. Ермолову, отклик на смерть Д.Г. Байрона, особое место в его лирическом наследии занимают произведения, посвященные революционным событиям современности.

В стихотворении «Ницца» (1821) – впечатления от восстания в Пьемонте 1820–1821 годов. Настроения автора пропитаны печалью, он предчувствует поражение народного движения. «Тудески» (австрийцы) – враги свободы и вольности, окажутся сильнее:

…Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысяче штыках сверкнет;
Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет! [9, т. 1, 142].

Поэта определенно вдохновляла тема борьбы за независимость греческого народа против турецкого господства. Среди посвященных этой теме – стихотворение «К Румью!» (1821), в котором звучит призыв к свободе:

Века шагают к славной цели;
Я вижу их: они идут!
Уставы власти устарели;
Проснулись, смотрят и встают
Доселе спавшие народы.
О радость! грянул час, веселый час Свободы! [9, т. 1, 144].

В стихотворении «К друзьям, на Рейне» (1821) автор призывает сражаться за свободу до конца. Поэт, в его понимании, – прежде всего гражданин, который способен вести на борьбу других. Совершенно ясно, что Кюхельбекер считал, что влиять на духовное и нравственное состояние общества возможно и даже необходимо. Направлять людей на верный жизненный путь – вот истинный долг поэта. Во имя этого долга он готов пожертвовать собой. Поэт – гражданин, наставник, пророк. Он самоотвержен в страстном утверждении высокой идеи, а участь его трагична:

Да паду же за свободу,
За любовь души моей,
Жертва славному народу,
Гордость плачущих друзей! [9, т. 1, 147].

В основе творческого сознания Кюхельбекера, выраженного в лирических произведениях, лежит, как справедливо отмечает А.В. Щеглов, «образ исключительной личности — носителя идеалов свободы и общественной справедливости, идея национальной самобытности, распространенная на все сферы общественной жизни, в том числе и на жизнь простого народа, и мысль о необходимости нравственно-религиозного очищения и возвышения частного человека» [19, 34].

В творческом наследии Кюхельбекера додекабристского периода особое место занимают прозаические и драматические произведения: «Европейские письма» (1820), «Путешествие» (1820–1821), трагедия «Аргивяне» (1823), повесть «Адо» (1824), «Земля Безглавцев» (1824). Они обладают глубиной философского содержания, но идеи гражданственного романтизма в них звучат столь же громко.

Образ идеального гражданина утверждается в «Европейских письмах» Кюхельбекера (1820). Перед читателями предстает разрушенная Европа XXVI столетия, увиденная глазами американского путешественника, большое впечатление на которого производит старшина русской колонии в Каларабии – Добров. Идеальный правитель народа утверждает равные права граждан и гармоничное развитие личности: «Он всегда помнит, что совершенный гражданин не есть еще совершенный человек, что образованности нравственная, эстетическая, религиозная, ученая, даже физическая имеют такое же право на

уважение, как и образованность гражданская, ибо они все – средства человечности, все равно должны входить в состав образованности истинного человека» [4, 120].

В героической трагедии «Аргивяне» (1823) через античный сюжет – противостояние двух братьев, республиканца Тимолеона и деспота Тимофана, – утверждается тема освобождения от тирании и обретение народом свободы. Сквозная идея этого произведения о справедливой и законной власти проецировалась на современность, не случайно Ю.Н. Тынянов подчеркнул ее революционный характер [14, 93–117].

В повести «Адо» (1824) отчетливо звучит тема свободы народа, ненависти к тиранам и угнетателям. В основе сюжета – борьба за независимость эстонского народа против чужеземных захватчиков в XIII веке. Автора привлекает самоотверженность повстанцев, их борьбу осмысливает как сопротивление Добра Злу. Т.В. Федосеева замечает: «Они осознанно противостоят злу в лице Убальда и жертвуют собою в этом противостоянии» [16, 48]. Мотив жертвенности выражен в судьбе безымянного поэта. В своей песне он предвещает беду, предупреждая Убальда о справедливой расплате, и гибнет в столкновении эстов с крестоносцами.

Главный герой повести «Земля Безглавцев» (1824) попадает на Луну. Этот мир, в котором жители не имеют ни сердец, ни голов, вызывает у него отвращение. Вымышленный мир пронизан аллюзиями на российскую действительность. Автор высмеивает состояние словесности: «… одно слово перегоняет у настоящих Безглавцев другое; каламбуры, эпиграммы, нежности взапуски бегут и, подобно шумному, неиссякному водопаду, извергаются и потрясают воздух» [4, 126]. С сарказмом отзывается о воспитании детей иностранцами: «…зажиточные родители к новородившимся младенцам приставляют наемников, которые до двадцатилетнего возраста подпиливают им шею и стараются вытравить сердце: они в Акефалии называются воспитателями» [4, 125]. «Денежные» единицы в этой стране заменяются палочными ударами, пинками и оплеухами. Кюхельбекер видит губительность такого образа жизни и настаивает на необходимости преобразований.

Его как носителя «высокого сознания» не могли не вдохновлять идеи социального равенства, в основе которого – справедливые законы, он был ориентирован на идеальное содержание жизни, а в творчестве стремился воплотить представления о гражданском служении идеалам, не сводимым ни к просветительскому рационализму, ни к декабристской революционности. Поэт в романтическом сознании Кюхельбекера вдохновляется свыше и потому обречен на трагический конфликт с действительностью, на самопожертвование во имя этих идеалов.

1. Аношкина В.Н. История русской литературы XIX века. 1800–1830-е годы: учебник для вузов / Под ред. В.Н. Аношкиной, Л.Д. Громовой. 2-е изд., доп. М., 2008.

2. Архипова А.В. Литературное дело декабристов. Л., 1987.

3. Базанов В.Г. Поэты-декабристы. К.Ф. Рылеев. В.К. Кюхельбекер. А.И. Одоевский. М.–Л., 1950.

4. Взгляд сквозь столетия (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX вв.) / Сост. В. Гуминский. М., 1977.

5. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

6. Державин Г.Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я.К. Грота: в 9 т. СПб., 1872. Т. 7.

7. Касаткина В.Н. Поэзия гражданского подвига. М., 1987.

8. Королева Н.В., Рак В.Д. Личность и литературная позиция Кюхельбекера // В.К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.

9. Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: в 2 т. М.–Л., 1967. Т. 1.

10. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Отв. ред. Б.Ф. Егоров. Л., 1979.

11. *Манн Ю.В. Особенности русского романтизма. Декабристская литература // История всемирной литературы: в 8 т. М., 1989. Т. 6. С. 306–315.*
12. *Мордовченко Н.И. Кюхельбекер // История русской литературы: в 10 т. М.–Л., 1953. Т. 6. С. 91–102.*
13. *Орлов В.Н. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств // История русской литературы: в 10 т. М. – Л., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 198–224.*
14. *Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 93–117.*
15. *Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969.*
16. *Федосеева Т.В. Христианские ценности в ранней прозе В.К. Кюхельбекера // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В.Н. Захаров. Петрозаводск–М., 2013. Вып. 8. С. 41–53.*
17. *Федосеева Т.В., Шанаева О.Н. Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы) // Вестник Ряз. гос. ун-та. Рязань, 2010. № 4/29. С. 59–71.*
18. *Фризман Л.Г. Поэзия декабристов. М., 1974.*
19. *Щеглов А.В. Роман В.К. Кюхельбекера «Последний Колонна» в контексте литературных традиций: автореф. дис. … канд. филол. наук. С.-Пб., 2011.*

Н.Ю. Клюева
N.Yu. Klyueva

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИЙ РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

PRAGMATIC FUNCTIONS OF CONSTRUCTIONS OF COLLOQUIAL SYNTAX IN A LITERARY TEXT

В статье представлены результаты исследования синтаксических конструкций, реализующих прагматический авторский потенциал в рассказах Александра Солженицына (повторы и экспрессивное абзацное членение), выявляются их прагматические функции. Отмеченные экспрессивные конструкции рассматриваются как проявления разговорного синтаксиса в актуализирующей прозе.
***Ключевые слова**: художественный текст, лингвопрагматика, актуализирующая проза, разговорный синтаксис, повтор, абзацирование.*

In article we can see the results of the research of syntactic constructions that realize the pragmatic authorial potential in the A. Solzhenitsyn's stories (repetitions and expressive paragraph division), their pragmatic functions are being revealed. The mentioned expressive constructions are considered to be the manifestation of colloquial syntax in actualizing prose.
***Key words**: literary text, linguo-pragmatics, actualizing prose, colloquial syntax, repetition, paragraph division.*

Актуализирующая проза, получившая в последнее время особое развитие, характеризуется относительным аграмматизмом, синтаксической расчлененностью, аналитизмом, экспансией разговорной речи. Для актуализирующей прозы характерно также употребление конструкций экспрессивного синтаксиса, к которым относятся: *парцелляция, вставные конструкции*, *лексический повтор с синтаксическим распространением,* а также *экспрессивное абзацное членение* (в настоящей статье более подробно остановимся на двух последних типах). Отмеченные экспрессивные конструкции можно считать проявлениями разговорного синтаксиса в актуализирующей прозе. К этому новому типу прозы, по нашему мнению, относятся рассказы Александра Солженицына. В связи с этим представляется важным исследовать особенности нового типа прозы с точки зрения лингвистической прагматики – одного из приоритетных направлений развития современной лингвистики.

Языковой материал показывает, что писатель сознательно вносит в свои произведения элементы разговорной речи, характерные для актуализирующего типа прозы. Александр Исаевич решает прагматическую задачу – наиболее полно раскрыть содержание, связанное с судьбой России, ее историческим путем – это центральная тема всего

творчества Солженицына. Данной задаче писатель подчинил свои художественные поиски в области формы. Автор находит такие решения, в частности, в арсенале особых синтаксических средств – экспрессивных, актуализирующих.

Одним из ярких актуализирующих средств в современной прозе и, в частности, в рассказах Солженицына является ***экспрессивное абзацное членение***. Использование абзацного членения Солженицыным является ярким прагматическим и авторско-субъективным средством, доминантной чертой идиостиля писателя. Абзацирование становится актуализатором для выражения автором личностных смыслов, оценок, прагматических намерений, интенций. Членение текста на абзацы отражает также направленность на адресата, призвано определенным образом воздействовать на него.

Абзац, его выделение в конце смыслового фрагмента текста определяется в прозе Солженицына, как правило, субъективным авторским мнением о причине изложенного выше (при этом причина чаще всего неожиданна для читателя, но служит прагматическому эффекту – оценке антинародной политики советского правительства). При этом типична не краткость, но смысловая емкость абзаца, служащая яркому выражению мировоззренческих позиций писателя.

В рамках исследования нами были выделены основные прагматические функции абзацирования, реализуемые в рассказах писателя:

1. *Акцентно-выделительная функция*: выделение фразы в отдельный абзац усиливает смысловой акцент: с помощью абзацирования автор расставляет акценты, часто выражающие содержательно-концептуальную информацию. Так, часто акцентно выделяются авторские или псевдоавторские субъективные характеристики персонажей или оценки происходящего. Например: *Валька Гугуев спрыгнул с угла перил, раздвинул соседей, стал перед верхними замыкающими прямыми перилами очень серьезно, утвердил на них руки ладонями, примерился, обхватил – и вдруг легким толчком ног взбросил свое ладное тело вверх и мягко, уверенно вышел в стойку над пропастью.*

Это был смертный номер. («Для пользы дела») (Абзацно выделенная оценка, восхищение поведением персонажа).

2. *Экспрессивно-эмоциональная функция*. Такие синтаксические построения, выступающие в качестве знаков-актуализаторов, значительно влияют на восприятие текста адресатом. Например: *Помначкар со зла его по шее, Фетюкова.*

Правильно!

В последней [пятерке построенных заключенных. – *Н.К.*] – *три человека.* ***Сошлось, слава тебе, Господи!*** («Один день Ивана Денисовича») (Абзацное выделение эмоционально положительной оценки ситуации персонажем Шуховым).

3. *Маркирование чужой речи*. Солженицын в своих рассказах модернизирует форму и способы передачи чужой речи. Так, при передаче прямой речи он отказывается от кавычек, но при этом не происходит перехода прямой речи в несобственно-прямую, поскольку субъект речи часто бывает указан выше. При такой речевой индифферентности единственным знаком, маркирующим чужую речь, становится абзац. Например: *Постоял Шухов ровно сколько прилично было постоять, отдав кашу. Он ждал, не угостит ли его Цезарь покурить. Но Цезарь совсем об нем не помнил, что он тут, за спиной.*

И Шухов, поворотясь, ушел тихо.

Ничего, не шибко холодно на улице. Кладка сегодня как ни то пойдет. («Один день Ивана Денисовича»). В целом для текстов Солженицына характерна полифония «голосов» автора и героев. Часто они переплетаются, смешиваются, а за личностью персонажа скрывается сам автор. Благодаря этому традиционная статика разрушается, и создается речевая подвижность, пластичность.

4. *Создание контраста.* Считаем закономерной мысль Л.С. Выготского, что некоторое противоречие заложено в самой природе художественного текста [1]. Контраст, противопоставление при введении в художественный текст заставляет адресата восстанавливать нарушенный автором логический порядок, стимулируя его внимание,

воображение и тем самым повышая прагматический перлокутивный эффект текста. Анализ языкового материала показал, что одним из стилеобразующих в творческой манере Солженицына является прием **контраста**, создаваемый разными способами, в том числе с помощью абзацирования в сочетании с использованием сочинительных союзов *но, а,* дистантных повторов, парцелляции отрицательных конструкций, апосиопезиса: *А Вася Зотов едва ли не с испугом посмотрел на девушку, открыто зовущую его к себе в дом. Она была лишь годика на три моложе его и если называла по имени-отчеству и на «вы», то не из-за возраста, а из уважения к лейтенантским кубикам. Он понимал, что вкусными обедами из его сухого пайка и теплом от печки дело не кончится. Он заволновался. Ему* ***таки хотелось*** *сейчас взять и потрепать ее доступные белые кудряшки.*

Но – никак было нельзя. («Случай на станции Кочетовка»). Автор передает контраст внутреннего желания персонажа и реальной невозможности его осуществления. Это помогает писателю удивить читателя, обмануть его надежды в отношении героя, которому автор заставляет читателя сопереживать. Поэтому мы можем констатировать, что создание контраста в рассказах Солженицына связано с эффектом «обманутого ожидания», сознательно используемым писателем с целью деавтоматизации читательского восприятия и повышения экспрессии текста.

5. *Выражение содержательно-подтекстной информации:* с помощью нетрадиционного абзацирования ярче проявляется скрытый подтекстовый смысл, на который указывают актуализированные ремы. Прагматический перлокутивный эффект здесь состоит в том, что автор скрыто воздействует на читателя, заставляя его домысливать содержание: *Что может быть легче – выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него – и потом зарезать и иметь сало.*

А она не имела…

Не гналась за обзаводом… Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других безплатно, – она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы… («Матренин двор»). В данном примере благодаря целому комплексу экспрессивных синтаксических средств достигается максимальное воздействие на адресата. Автор предлагает ему оценить качества характера Матрены, не называя их прямо, но подтекстно их раскрывая, оставляя читателю необходимую информацию для домысливания. Тем самым адресант не заставляет, а подталкивает адресата оценить Матрену как простую, скромную, самодостаточную, не тщеславную, не алчную, не расчетливую.

6. Поддержание «*постоянной информационной активности художественной структуры* на всем протяжении текста», повышение информационного напряжения в тексте [3] с помощью особого абзацирования текста: членения его на малые и графические абзацы, использование фрагментов, построенных по принципу монтажа короткой строки. Таким образом, прагматически воздействуя на читателя ритмом повествования (заданным с помощью абзацирования), писатель погружает его в советскую действительность, показывая картины несправедливости, жестокости, произвола властей по отношению к простому народу, к интеллигенции, различные отрицательные проявления советского режима, системы лагерей. Он добивается важного прагматического результата: у читателя не возникает сомнений в том, что эти картины достоверно отражают существовавшие факты.

7. *Создание «стихии разговорной речи»* благодаря частому использованию абзацного отступа: *А от тети Фроси пришло письмо, что отец Филарет – умер. (Прямо в письме нельзя, а ясно, что – там.)*

А: уже как-то и – не больно??

Неужели?

Прошлое. Все, все – провалилось куда-то. («Настенька»). Внутренняя речь героини рассказа членится на малые абзацы и короткие строки. Использование автором вопросительных конструкций повышает диалогичность текста, приближая его к разговорному стилю речи.

8. Особой прагматической функцией экспрессивного абзацного членения у Александра Солженицына становится «*прямое» обращение автора, повествователя, рассказчика к адресату* художественной коммуникации. Такие апеллятивные высказывания подобны «репликам в сторону», что сближает тексты писателя не только с разговорным стилем речи, но и с языком драматургических произведений, которые также используют разговорную речь. Благодаря этому, во-первых, повышается, удваивается экспрессия разговорной речи в художественном эпическом тексте, во-вторых, усиливается *диалогическая и прагматическая апеллятивная функция*. Например: *А все равно любят зэки буран и молят его. Чуть ветер покрепче завернет – все на небо запрокидываются: матерьяльчику бы! матерьяльчику!*

Снежку, значит. («Один день…») (пояснение для читателя).

Итак, абзацирование, на наш взгляд, призвано помочь Солженицыну раскрыть основные концептуальные смыслы и доминантную идею всего его творчества – донести до людей правду о советской действительности лагерях.

Кроме абзацирования, актуализирующим синтаксическим средством, расчленяющим речевой поток в тексте, является ***повтор***. Повторы представляют собой одно из проявлений синтаксического расчленения, в результате которого создаются экспрессивно-стилистические свойства. Сегментируя «гладкий» текст, повторы, с одной стороны, членят текст, подают его частями, «порциями» (что свойственно для так называемой «рубленой прозы»), с другой стороны, акцентируют важные смыслы, элементы, тем самым связывая текст на макроуровне [4].

Рассматривая прагматику повтора как средства синтаксической членимости текста на материале рассказов Солженицына, мы приходим к выводу, что повторы являются действенным прагматическим средством, актуализирующим важные детали, концептуальные, имплицитные смыслы, выражающим подтекстную информацию, создающим особое напряжение в тексте, воздействующим на эмоционально-волевую сферу читателя-адресата, отражающим авторские интенции, авторскую картину мира.

Необходимо указать на обилие и многообразие повторов у Солженицына: это и лексические, и семантические повторы, и контактные, и дистантные; и фразовые; это и собственно повторы: не осложненные добавочными словесными элементами и осложненные сравнениями, интенсивами, деинтенсивами, парцелляцией, абзацированием, градацией и др. Также встречаются контекстуальные синонимы и антонимы, трансформационные повторы, однокоренные, повторы с элементами языковой игры, многократные повторы.

По нашим наблюдениям, в рассказах Солженицына повторы реализуют множество различных прагматических функций. Рассмотрим основные из них.

1. Повторы выполняют *стилистическую экспрессивно-выделительную функцию*: особо выделяют важное слово, акцентируют на нем внимание адресата, тем самым усиливая логическое и эмоциональное воздействие: *Зал был человек на шестьсот и набился битком, еще и стояли. Много* ***красного*** *было: сзади сцены два распущенных, в наклон друг к другу знамени, расшитых золотом; перед ними на стояке – большой, по грудь, Ленин* ***бронзового*** *цвета. И на шеях у девушек* ***красные*** *косынки, у кого и головные повязки из* ***красной*** *бязи; и пионерские* ***красные*** *галстуки – на пионервожатых<…>* («Молодняк»). Многократный повтор слова «красный» здесь не столько акцентирует внимание на самом цвете, сколько на его политическом смысле.

2. *Семантическая прагматическая функция* заключается в создании единого смыслового стержня высказывания, ключевой идеи. С помощью повторов автор выражает общую идею, при этом повтор становится своеобразным *смысловым ключом*, элементом построения *языковых лейтмотивов*. Повтор фразы отсылает читателя к первому ее употреблению, вызывая переосмысление, представляя различия в значении, *наращивая смысл*. Например, служит для усиления контраста с содержанием предтекста: *От процентовки больше зависит, чем от самой работы. <…>*

А разобраться – для кого эти все проценты? Для лагеря. Лагерь через то со строительства тысячи лишние выгребает да своим лейтенантам премии выписывает. <…>А тебе – хлеба ***двести грамм*** *лишних в вечер.* ***Двести грамм*** *жизнью правят.* ***На двести граммах*** *Беломорканал построен*. («Один день Ивана Денисовича»).

3. *Репрезентация в художественном тексте авторской субъективно-оценочной модальности*. Эта функция глобализирует предыдущую. С помощью повторов автор выражает свою жизненную позицию, свое отношение к фактам современной ему советской действительности. В основном эти авторские оценки имеют отрицательный характер: *Переходил к левому* [берегу. – *Н.К.*]*: правее видел мырь, рябящую на мелком месте, на камнях.*

По теченью – не взбуривает ***воду*** *нос.*

А в воде – голубизну еще не вовсе вывели. («Все равно»).

4. *Формирование подтекста*, дополнительной имплицитной авторской информации. При расчлененном способе подаче концептуально важной информации с помощью повторов фрагмент текста приобретает особый экспрессивный эффект. Так повторы способствуют *приращению и накапливанию различных смыслов*. Заметим, что экспрессивное прагматическое воздействие повтора особенно возрастает, когда идентичные слова или выражения повторяются не два, а более раз: *Козе она выбирала из подполья самую мелкую* ***картошку****, себе – мелкую, а мне – с куриное яйцо. Крупной же* ***картошки*** *огород ее песчаный, с довоенных лет не удобренный и всегда засаживаемый* ***картошкой, картошкой и картошкой****, – крупной не давал* («Матренин двор»). Несколько раз повторяя слово «картошка», автор усугубляет описание скудного рациона Матрены. Тем самым оказывается воздействие на эмоционально-волевую сферу читателя, побуждая его разделить с адресантом его впечатления.

5. *Апеллятивно-эмотивная функция*: с помощью повтора автор выражает свои чувства, оценки, а также апеллирует к эмоциям, чувствам, настроениям читателя, побуждая его многократно переживать вместе с персонажами их душевные тревоги, т.е. *переводит повествование из сферы информативного в сферу эмоционально-оценочную*. Например: *Но кружок не спрячешь от завуча (едкая женщина, преподает обществоведение). От той пошло в районо, приехала инструктор****ша*** *из методкабинета, села, как* ***жаба****, на заседании кружка. И – подкосила всю свежесть и смысл, все вдохновение, и голоса своего не узнать. А вывод* ***жабы*** *был: довольно пережевывать классику! факт, что это отвлекает учеников от жизни* («Настенька»).

6. *Функция нарастания* призвана обеспечить эмоциональную напряженность в тексте, которая усиливается с каждым повторенным элементом. Реализации данной функции способствуют **повторы с градацией**, которые можно признать регулярными у Солженицына. Они разнообразны по своей структуре и могут быть выражены словом любой части речи, но чаще всего – глаголом, употребление которого является признаком стиля писателя: *Хлопоты были –* ***добыть*** *эти справки; и чтоб написали все же, что получал он в месяц хоть рублей триста; и справку* ***заверить****, что живет она одна и никто ей не помогает; и с года она какого; и потом все это* ***носить*** *в собес; и* ***перенашивать****, исправляя, что сделано не так; и* ***еще носить. И узнавать*** *– дадут ли пенсию*. («Матренин двор»).

7. *Функция стилизации разговорной эмоциональной речи*. Особенно действенным в этом плане оказывается неоднократный лексический повтор, тавтология, а также повтор

синтаксический, фразовый. Например: *Чтоб мисок из столовой не выносили – ставят еще нового шестерку на дверях, не выпускать мисок. Но как он ни стереги – все равно* ***унесут****, уговорят ли,* ***глаза ли отведут****. Так еще надо* ***по всему, по всему*** *объекту сборщика пустить: миски собирать грязные и опять их на кухню стаскивать.* ***И тому порцию. И тому порцию****.*

Небось, небось*, толстощекий. На себя б работал – еще б раньше поднялся* («Один день Ивана Денисовича»). Следует признать такие повторы довольно частотными у Солженицына, стремящегося передать взволнованную эмоциональную речь персонажа.

8. *Ритмообразующая функция* повтора, характерная для поэтических текстов, реализуясь в прозе, значительно усиливает прагматический перлокутивный эффект, создает у читателя «впечатление эмоционального нагнетения, лирического сгущения переживаний» [2, 199]. Например: *А уж месяц в силу полную светит. Просветлился, багровость с него сошла. Поднялся уж на четверть добрую. Пропал вечер!.. Молдаван* ***проклятый****. Конвой* ***проклятый****.* ***Жизнь проклятая****…* («Один день…»). Здесь с помощью повтора и синтаксического параллелизма задается особый ритм: нарастающий, усиливающийся к концу. Кульминационное выделение последней фразы особенно эмоционально, подобно отчаянному выкрику – уже не только размышляющего Шухова, но и самого Солженицына, испытавшего все трудности лагерного режима. Все это создает нужный перлокутивный эффект: особым образом воздействует на сферу эмоций адресата.

Итак, подчеркнем, что повторы, выполняя множество прагматических функций, способствуют повышению экспрессивности; созданию стихии разговорной речи в художественном эпическом тексте; усилению информативности, диалогичности; репрезентируют текстовую категорию интенсивности и, тем самым, становятся прагматически значимым синтаксическим средством.

Рассмотренные нами вопросы воздействующей роли некоторых синтаксических конструкций, деавтоматизирующих читательское восприятие, а также их прагматические функции в рассказах Солженицына, на наш взгляд, полезны в изучении особенностей языка художественной литературы.

1. *Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968.*
2. *Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.*
3. *Садченко В.Т. Абзацирование художественного текста как средство выражения доминантной идеи: На материале произведений А.И. Солженицына: автореф. дис. … канд. филол. наук. Хабаровск, 2001.*
4. *Чуруксаева А.А. Рубленая проза: опыт системного исследования: автореф. дис. … канд. филол. наук. Абакан, 2009.*

М.С. Малахова
M.S. Malahova

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СИНКРЕТИЗМА В СОЧЕТАНИЯХ «СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ С ПРЕДЛОГОМ»

TRANSFORMATION AS A METHOD OF SOLUTION OF SYNCRETISM IN COMBINATIONS «NOUN + NOUN IN GENITIVE CASE WITH PREPOSITION»

В статье анализируются способы разрешения синкретизма в сочетаниях «существительное + существительное в Р. п. с предлогом». Трансформация - один из объективных приемов разрешения синтаксического синкретизма. Возможность того или иного вида трансформации зависит от способа выражения главного и зависимого компонентов сочетания.
Ключевые слова: *присубстантивные предложные сочетания, разрешимый и неразрешимый синкретизм, синтаксическая функция, трансформация.*

Methods of solution of syntactic syncretism in combinations «noun + noun in genitive case with preposition» are analyzed in this article. Transformation is one of the objective methods of solution of syntactic syncretism. Possibility of one or another types of transformation depends on style of principal and adjective components of combination.
Key words*: insubstantive prepositional combinations, soluble and insoluble syncretism, syntactic function, transformation.*

Предлог, как известно, используется в языке как средство синтаксического подчинения существительных (а также местоимений) другими словами в предложении и словосочетании.

Выражая отношения, предлоги по своему грамматическому значению сопоставляются с падежными окончаниями, поэтому выступают вместе с ними в едином функциональном комплексе, образуя целостную по значению предложно-падежную конструкцию [7, 348].

В семантике предлогов органически слиты их лексические и грамматические значения. Падежные значения – это их грамматические значения, а семантические элементы, связанные с конкретизацией пространственных, временных и т.п. отношений,

составляют их лексические значения. Поэтому разные предлоги, сочетающиеся с одной и той же падежной формой имени, обладают способностью выражать неодинаковые значения. Разнообразные значения, выражаемые предлогами, составляют обширную и сложную систему [11, 234–235].

В сочетаниях с предлогом, в которых главный компонент выражен субстантивом, зависимый компонент может одновременно выполнять две или три синтаксические функции. В таких случаях говорят о явлении синкретизма.

Для лингвистики термин «синкретизм» является заимствованным.

В религии о синкретизме говорят в связи со смешением, неорганическим слиянием разнородных религиозных элементов, к примеру, различных культов и течений [1].

В философии этим термином обозначают «сочетание разнородных воззрений, взглядов, при котором игнорируется необходимость их внутреннего единства и непротиворечия друг другу» [9].

Л. Ельмслев в работе «Пролегомены к теории языка» (1943) использует термин «синкретизм» по отношению к грамматике и фонемике: «Мы можем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем синкретизма, а в современной фонемике под названием нейтрализации. Оно заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает» [4, 108–109]. В качестве примера он приводит совпадение форм Им. и В. п. существительных среднего рода в латинском языке, а также «нейтрализацию между датскими p и b в конце слога» [4, 108–109]. В работе «Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?» (1958) ученый также обращается к проблеме синкретизма: «В особых случаях, когда при определенных синтагматических условиях коммутация устраняется и, следовательно, заменяется субституцией, имеет место синкретизм» [3, 126].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» указываются два значения слова «синкретизм» как лингвистического термина. Во-первых, под синкретизмом понимается «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических форм и категорий в одной форме»; во-вторых, синкретизм – это «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений предложения, членов предложения и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [5, 446].

В «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо мы находим определение синкретичного падежа: «падеж, собравший в себе функции исчезнувших падежей (таков, например, аблатив в латыни, унаследовавший функции инструментального и местного)» [6, 267].

Синкретизм в системе членов предложения – это «совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения, разных их функций» [2, 244].

Второстепенные члены предложения могут занимать сильные и слабые синтаксические позиции. Сильная синтаксическая позиция – такая позиция, в которой различается максимальное количество дифференциальных структурных и семантических признаков членов предложения. Слабая синтаксическая позиция словоформы как члена предложения связана с утратой некоторой части дифференциальных признаков.

В.И. Фурашов предлагает различать две разновидности слабых синтаксических позиций:

1) слабые позиции, связанные с частичной нейтрализацией противопоставлений (оппозиций) между какими-либо двумя членами предложения;

2) слабые синтаксические позиции, связанные с полной нейтрализацией противопоставлений (оппозиций) между какими-либо двумя членами предложения.

В слабых позициях частичной нейтрализации мы имеем дело с явлениями разрешимого в пользу определенного члена предложения синтаксического синкретизма; в

слабых позициях полной нейтрализации – с явлениями неразрешимого синтаксического синкретизма [10, 97–99].

А.К. Федоров выделяет 6 приемов, помогающих разграничению второстепенных членов предложения:

1) использование вопросов;
2) прием замены членов предложения придаточным предложением;
3) замена неморфологизованных членов предложения морфологизованными;
4) сопоставление словосочетаний, имеющих разное лексическое наполнение, но тождественные синтаксические отношения;
5) подстановка однородных членов предложения;
6) подстановка уточняющих, поясняющих членов предложения, а также обобщающих слов [8, 50–60].

Основным и самым действенным способом разрешения синкретизма является трансформация.

В присубстантивных предложных сочетаниях на возможность трансформации влияют такие факторы, как производность/непроизводность главного компонента, лексико-грамматические возможности существительных, входящих в сочетание, словообразовательные возможности зависимого компонента, семантика предлога.

I. Синкретизм в сфере «определение/дополнение»

Синкретизм разрешается в пользу определения, если имеет место трансформация исходных сочетаний в определительные словосочетания. Подобные отношения обнаруживают близость к типичным определительным отношениям. Трансформация подобного типа наблюдается в сочетаниях с предлогами *из*, *без*, *у*, *от*, *из-под*. Проанализируем способы выражения главного и зависимого компонентов, влияющие на возможность трансформации.

1. Сочетания с предлогом *из*, где главный компонент выражен неотглагольным неодушевленным существительным, а зависимый компонент, выраженный неотглагольным неодушевленным существительным, обозначает:

а) ‘материал, который используется для изготовления, производства, постройки чего-либо’: *Это* ***только дудочка из глины****, / Не на что ей жаловаться так (А. Ахматова)*; ср.: *глиняная дудочка*;

б) ‘составную часть при определении всей совокупности чего-либо’: *Вечером разожгли костер, и в котелке кипела* ***уха из налимов*** *(К. Коровин);* ср. *налимья уха*.

2. Сочетания с предлогом *без*, где главный компонент – неотглагольное одушевленное существительное, а зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *А дочь, спросив: «Мы будем старыми?» / Вдруг рассказала неспроста / Про Светку с синими карманами / И* ***про собаку без хвоста*** *(Н. Горшкова);* ср.: *про бесхвостую собаку*.

3. Сочетания с предлогом *у*, где главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное одушевленное существительное: *Мне показалось, что* ***зубы у бабушки*** *лязгнули (П. Санаев);* ср.: *бабушкины зубы*.

4. Сочетания с предлогом *от*, где главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент выражен:

а) неотглагольным одушевленным существительным: *Забыв о работе, она [Инна] открыла личный почтовый ящик –* ***письмо от подруги*** *уже пришло (Д. Машкова);* ср.: *подругино письмо*;

б) неотглагольным неодушевленным существительным: ***Пятна от*** *растительного* ***масла*** *удаляют мылом, скипидаром и нашатырным спиртом, взятыми в соотношении 2:1 (Д. Донцова)*; ср.: *масляное пятно*.

5. Сочетания с предлогом *из-под*, где главный и зависимый компоненты выражены неотглагольным неодушевленным существительным. Главный компонент «указывает на

бывшее назначение предмета как вместилища чего-нибудь»: *Потом [дядя Саня] расчистил место на погребе, приготовил* ***мешки из-под картошки****, чтобы забросать колеса (А. Знаменская);* ср.: *мешки, использованные под картошку*.

Синкретизм разрешается в пользу дополнения, если имеет место трансформация исходных сочетаний в глагольные словосочетания. Такой синкретизм возможен, например, в сочетаниях с предлогом *от*, в которых главный компонент – отглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *...«По достоверным сведениям – вновь обнаружены следы до сих пор неуловимой организации, ставящей себе целью* ***освобождение от*** *благодетельного* ***ига*** *Государства» (Е. Замятин);* ср.: *освободиться от ига*.

В современном русском языке возможны случаи не только частичной, но и полной нейтрализации определительных и объектных отношений. Синкретизм в таких случаях неразрешимый.

Это наблюдается, например, в сочетаниях с предлогом *из*, где главный компонент – отглагольное существительное, а зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *Там все занимались две недели горной подготовкой, тактикой и* ***стрельбой из*** *стрелкового* ***оружия*** *(С. Алексиевич)*; ср.: *оружейная стрельба и стрелять из оружия*.

II. Синкретизм в сфере «определение/обстоятельство»

Синкретизм разрешается в пользу определения, а не обстоятельства. Объектное значение в подобных сочетаниях в качестве особого оттенка обычно не выражено. Определения с обстоятельственными оттенками значения могут быть дифференцированы в соответствии с более частными значениями обстоятельственных оттенков.

1. Совмещение определительных отношений с оттенком локальных отношений наблюдается:

1) в сочетаниях с предлогом *из*, в которых:

а) главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное – обозначает «источник каких-либо сведений»: *Мы решали* ***задачи из*** *старинного* ***задачника****... (Е. Замятин)*; ср.: *задачи, взятые из задачника*;

б) главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное – обозначает ‘предмет, место, пространство, откуда направлено движение кого-либо, чего-либо или откуда извлекается, удаляется что-либо’: *Наконец, не выдержав, она [Елена] поинтересовалась у Дмитрия Степановича, опустошившего очередную рюмку и закусившего маринованным* ***огурчиком из банки****, припасенной Гольдманом, почему он так много пьет (И. Градова)*; ср.: *огурчик, взятый из банки*;

в) главный компонент – отглагольное неодушевленное существительное, а зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное – обозначает ‘источник, место, откуда исходит что-нибудь’: *Итак,* ***после побега*** *из Москвы* ***из лечебницы*** *доктора... (фамилия тщательно зачеркнута) я [доктор Поляков] вновь дома (М. Булгаков)*; ср.: *побег, совершенный из лечебницы*;

2) в сочетаниях с предлогом *с*, где зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, а главный компонент:

а) неотглагольное неодушевленное существительное: *Грудь предчувствием боли не сжата, / Если хочешь – в глаза погляди, / Не люблю только час пред закатом, /* ***Ветер с моря*** *и слово «уйди» (А. Ахматова)*; ср.: *ветер, дующий с моря*;

б) отглагольное существительное с предметной семантикой: *Скинув руку Олега со своей пуговицы, Костя широкими шагами направился* ***к выходу с крыши*** *(П. Санаев)*; ср.: *выход, ведущий с крыши*;

3) в сочетаниях с предлогом *у*, в которых главный и зависимый компоненты выражены неотглагольным неодушевленным существительным: *Долго, долго ехали мы,*

пока не сверкнул маленький, но такой радостный, вечно родной ***фонарь у ворот*** *больницы (М. Булгаков);* ср.: *фонарь, расположенный у ворот*;

4) в сочетаниях с предлогом *до*, где главный и зависимый компоненты выражены неотглагольным неодушевленным существительным: ***Дорога до райцентра*** *оказалась слишком короткой (А. Знаменская);* ср.: *дорога, ведущая до райцентра*;

5) в сочетаниях с предлогом *возле*, в которых главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *...Костя с Алиной вышли прогуляться и, покружив немного в темноте по тропинкам, вышли* ***на опушку возле*** *лодочной* ***станции*** *(П. Санаев);* ср.: *на опушку, находящуюся возле лодочной станции*;

6) в сочетаниях с предлогом *около*, в которых главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *Все* ***места около*** *игравшего* ***оркестра*** *были заняты (Ф. Достоевский)*; ср.: *места, расположенные около оркестра*;

7) в сочетаниях с предлогом *напротив*, в которых главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *День разгорался, а ее [Любавы] оранжевый* ***киоск напротив исполкома*** *по-прежнему был закрыт (А. Знаменская)*; ср.: *киоск, стоящий напротив исполкома*;

8) в сочетаниях с предлогом *подле*, в которых главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *- Хорошо, - послушно кивнула Яна и нацарапала адрес на клочке пыльной газеты, уже года три пролеживающей* ***на тумбочке подле телефона*** *(И. Градова);* ср.: *на тумбочке, стоящей подле телефона*;

9) в сочетаниях с предлогом *вдоль*, в которых главный компонент – отглагольное неодушевленное существительное с предметной семантикой, зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *Грачи деловито бродили* ***по*** *снежному* ***настилу вдоль яблонь****, суетились наверху, в ветвях высоких старых тополей… (А. Знаменская);* ср.: *настил, положенный вдоль яблонь*.

2. Совмещение определительных отношений с оттенком темпоральных отношений наблюдается в сочетаниях с предлогом *после*, где главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, а зависимый компонент выражен отглагольным неодушевленным существительным*: – Для кого доброе, – буркнул Павел и щедро полил себя* ***лосьоном после бритья*** *(А. Знаменская);* ср.: *лосьон, используемый после бритья*.

3. Совмещение определительных отношений с оттенком цели (назначения) возможно:

1) в сочетаниях с предлогом *в честь*, в которых главный и зависимый компоненты выражены неотглагольным неодушевленным существительным*: Даже* ***на*** *пресловутом* ***ужине в честь выставки*** *Никиты… сам хозяин оставался лишь слегка навеселе (А. Знаменская);* ср.: *на ужине, организованном в честь выставки*;

2) в сочетаниях с предлогом *для*, где главный компонент – неотглагольное неодушевленное существительное, а зависимый компонент выражен*:*

а) неотглагольным неодушевленным существительным: *Пальцы, привыкшие к бодрящему холодку револьверной рукоятки, неуклюже вспоминали забытое, родное – плели фасонистый* ***половник для вареников*** *(М. Шолохов);* ср.: *половник, используемый для вареников*;

б) неотглагольным одушевленным существительным: *Но бабушке, уж неизвестно почему, отвели такое богатое помещение, что даже пересолили: четыре великолепно убранные комнаты, с ванной,* ***помещениями для прислуги****, особой комнатой для камеристки, и прочее и прочее (Ф. Достоевский)*; ср.: *помещения, предназначенные для прислуги*.

Полная нейтрализация определительных и обстоятельственных отношений образа (способа) действия наблюдается в сочетаниях с предлогом *без*, в которых главный компонент – отглагольное существительное, а зависимый компонент – неотглагольное неодушевленное существительное: *Пьер всегда хотел что-то сделать, считал, что* ***жизнь без*** *разумной* ***цели****, без борьбы, без деятельности не есть жизнь… (Л. Толстой)*; ср.: *бесцельная жизнь и жить без цели*.

Таким образом, трансформация – это один из объективных способов разрешения синкретизма. Трансформация в определительное словосочетание (прил. + сущ.), а также в сочетание с причастным оборотом свидетельствует о разрешимости синкретизма в пользу определения, трансформация в глагольное словосочетание (глагол + сущ.) свидетельствует о разрешимости синкретизма в пользу дополнения. Возможность того или иного вида трансформации зависит от способа выражения главного и зависимого компонентов сочетания «сущ. + сущ. в Р. п. с предлогом».

1. *Религиозный словарь. URL: http://www/slovari-online/ru/word/религиозный словарь/синкретизм.htm*
2. *Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке: монография. М., 2011.*
3. *Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962. С. 117–136.*
4. *Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка. М., 2006.*
5. *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.*
6. *Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. М., 1960.*
7. *Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / Под ред. П. А. Леканта. 2-е изд., испр. М., 2001.*
8. *Федоров А.К. Трудные вопросы синтаксиса. М., 1972.*
9. *Философский энциклопедический словарь. М., 1997–2003. URL: http://enc-dic.com/philosophy/Sinkretizm-2143/*
10. *Фурашов В.И. Современный русский синтаксис. Избранные работы. Владимир, 2010.*
11. *Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: в 3-х. частях. Ч. 2. М., 1987.*

Н.П. Мельниченко
N.P. Melnichenko

ЗНАЧЕНИЕ И ФУНКЦИИ СОЧЕТАНИЯ *ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

THE VALUE AND FUNCTION OF INPUT COMBINATIONS *VO VSJAKOM SLUCHAE* IN RUSSIAN

Сочетание «во всяком случае» выражает модальное значение уверенности и способно выполнять функцию модального слова, осложняя члены предложения и предикативные единицы. Данное сочетание связывает также предикативные единицы в тексте, в составе сложного предложения, однородные члены предложения, члены предложения и предикативные единицы. При этом оно способно участвовать в выражении разнообразных синтаксических отношений: ограничительных, основания – вывода, частичной конкретизации.
Ключевые слова: *фразеологизация, грамматикализация, модальные слова, ограничительное значение.*

The collocation «vo vsyakom sluchaye» (in any event) expresses the modal meaning of certainty and is capable of performing the function of modal words, complicating parts of the sentence and predicative units. This collocation also connects predicative units in the text in the structure of the complex sentence, homogeneous parts of the sentence, parts the sentence and predicative units. It can also convey a variety of syntactic relations: restrictive, reason – conclusion, partial specification.
Key words: *fraseologisation, grammaticalization, modal words, restrictive meaning.*

Синтаксические отношения выражаются при помощи различных средств: частиц, союзов, предлогов, модальных слов и др. Существует ряд исследований, освещающих их в том или ином аспекте [см., например: 5; 3; 13]. При этом наименее изученными остаются модальные слова. В частности, сочетание *во всяком случае* анализировалось в работах: [1; 4]. Обращение к данной проблематике с точки зрения выражения синтаксических отношений в современных исследованиях не производилось, однако дальнейшее уточнение значения и функций модального слова возможно.

Сочетание *во всяком случае* в словарях снабжается пометами «в знач. наречия», а также пометами «в знач. союза, частицы, вводного слова» [см. 2; 11; 12] и др., но однозначно частеречная отнесенность данного сочетания, как и многих других подобных, обычно не определяется. Сочетание *во всяком случае* находится в процессе фразеологизации и грамматикализации [см. об этом: 5, 4–5, 10–11]). Оно является устойчивым и воспроизводимым, выступая в функции члена предложения – обстоятельства

уступки: *Мейер очень смутился. – Но как же иначе-то быть, – сказал он, – родители мои небогатые и очень почтенные люди, мое высшее образование берет их последние достатки, в будущем я должен* ***во всяком случае*** *быть не ниже их по своему положению, и это возможно только... вы же сами это понимаете, наше положение в обществе определяется приличной женой, и ей нужны для этого деньги* (М. Пришвин. Кащеева цепь). Это позволяет отнести его к фразеологическим сочетаниям, так как в таком употреблении все компоненты сочетания сохраняют свои лексические значения (ср. употребление применительно к данному сочетанию и др. подобным термина «фразема» В.Ю. Апресян [1, 29]). Но сочетание *во всяком случае* в современном русском языке преимущественно выполняет функцию модального слова со значением уверенности, что показывают материалы Национального корпуса русского языка (мы использовали подкорпус «Художественные тексты»). При таком употреблении существенно меняется значение и функции данного сочетания, которые свидетельствуют о его грамматикализации. Наличие модального значения у этого сочетания позволяет причислить его к модальным словам.

Сочетание *во всяком случае* близко разряду модальных слов и по своим синтаксическим функциям. Прежде всего, оно способно осложнять члены предложения и предикативные единицы. В качестве осложняемых членов предложения могут выступать:

1. Определение: *Ни у меня, ни у моей спутницы* ***не обнаружилось оружия. Во всяком случае такого, которое можно было бы отобрать*** (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все).

2. Дополнение: *Чистое, но чуть затуманенное небо зеленело у края земли. Там, в сторону от железной дороги, лежали земли, до сих пор (****во всяком случае****, для многих и в том числе* ***для меня****) совсем неведомые* (К. Паустовский. Книга скитаний).

3. Обстоятельство (места, времени, меры и степени и др.): *«Мадам, – говорю, – в наше время приятно видеть женщину, которая так убивается по своему покойному мужу. Таких женщин,* ***во всяком случае в ближайшем окружении****, нет…»* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3)). Отметим, что позиция второстепенного члена в таких случаях может быть замещена придаточным, т.е. сочетание *во всяком случае* осложняет придаточное: *Женька, Валя и Галина Семеновна суетились вокруг нее, утешали, гладили по голове, садились рядом, но все было тщетно.* ***Во всяком случае, до тех пор, пока на крыльцо не вышел Иван Александрович*** (Андрей Геласимов. Дом на Озерной).

Такое осложнение является одним из видов вторичных союзных связей [9].

Кроме членов предложения, сочетание *во всяком случае* осложняет предложения, входящие в состав сложных предложений и фрагментов текста. Материалы НКРЯ показывают, что наиболее часто данное сочетание осложняет компонент со значением вывода в составе конструкций с отношениями основания – вывода (как самостоятельная категория они выделены в ряде работ: [6; 13 и др.]). Сочетание *во всяком случае* представляет основание как наиболее бесспорное с точки зрения говорящего, и, следовательно, как минимально достаточное для вывода, раскрытого в первой части конструкции: ***Мне показалось, что он уже успокоился. Во всяком случае, поза его на мотоцикле выражала обычную для него ленивую расслабленность*** (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1)).

Вывод в рассматриваемых конструкциях обычно является предположительным, на что указывают разнообразные средства (помимо модальной рамки, как в приведенном примере, вводные слова, частицы, контекст). Значение минимально достаточного основания, внесенное единицей *во всяком случае,* способствует некоторому усилению уверенности в выводе. Достоверность основания может быть дополнительно подчеркнута лексическими средствами: *Я сознательно (чегемские старцы!) не даю более точного адреса. Что касается его бывшей жены, то* ***она благополучно живет со своим монтером, насколько благополучно можно жить с человеком, который в пьяном виде поколачивает ее, не без основания утверждая, что она в свое время изменяла мужу. Во***

всяком случае, можно отдать голову на отсечение, что он ее не называет своим маленьким оруженосцем (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3)).

Сочетание *во всяком случае* может осложнять компоненты сложных предложений и фрагментов текста и с другими отношениями, например, компонент со значением причины: *Я целую неделю болезненно привыкал к своей роли наживки на крючке, а потом внезапно успокоился и даже* ***испытал некоторое облегчение. Во всяком случае, быть в неведении еще хуже****, а за страхи, иногда все же меня посещавшие, с лихвой вознаграждали наши изменившиеся, потеплевшие отношения с Лартом* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник).

Помимо осложнения членов предложения и предикативных единиц, сочетание *во всяком случае,* как и многие другие модальные слова, может выполнять союзную функцию, связывая предложения в тексте, предикативные единицы сложного предложения и однородные сказуемые и другие члены предложения.

Значительную часть конструкций, в которых сочетание *во всяком случае* выполняет союзную функцию, составляют предложения с отношениями частичной конкретизации. Данные отношения отличаются от отношений полной конкретизации (они выражаются при помощи союза *а именно* и бессоюзно) тем, что конкретизирующий компонент содержит указание лишь на ту или иную часть того, что представляет собой полное раскрытие конкретизируемого компонента: раскрытие при помощи указания на главное, основное, исключительное и др. [13]. Сочетание *во всяком случае* дает указание на ограничение конкретизируемого тем, в чем безусловно уверен говорящий. Отношения частичной конкретизации связывает члены предложения, а также члены предложения и предикативные единицы:

1. Частичная конкретизация подлежащего: *В морях и океанах Эо Тау уже уничтожены* ***подводные хищники. Во всяком случае, те из них,*** *которые близко подходят к берегам* (Виталий Губарев. Путешествие на Утреннюю Звезду).

2. Частичная конкретизация дополнения: *Филипп* ***ничем*** *не отличался,* ***внешне, во всяком случае****, от других ребят* (Л.Р. Кабо. Ровесники Октября). Ср. использование в качестве конкретизирующего дополнения предложений местоименно-соотносительных предложений (с точки зрения семантики, это предложения референциального тождества с функцией номинации, средство фразовой номинации; см. об этом: [8; 13]): *В своем восхищении Петькой он был абсолютно уверен, что тот знает* ***практически все. Во всяком случае – все, что касалось военных*** (Андрей Геласимов. Степные боги).

3. Конкретизация обстоятельства (образа действия, меры и степени, времени, места): *Я слышал о том, что Грегориан стар. Никто точно не знал, сколько ему лет, многие считали, что он правил здесь* ***всегда, во всяком случае, его правление помнили отцы и деды поселенцев****. Но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания* (Е. Гуляковский. Чужая планета). В данном случае отношения частичной конкретизации наблюдаются между членом предложения и предикативной единицей.

4. Конкретизация определения: *Постепенно из этих рассказов стала вырисовываться его полуфантастическая в молодости жизнь и довольно* ***странная, во всяком случае, необычная*** *старость* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1)).

5. Конкретизация подлежащего: ***Странное, никогда ранее не испытанное чувство охватило АЯ. То ли это был ужас, то ли восторг, во всяком случае, что-то совершенно нестерпимое*** (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль). В данном случае частичная конкретизация совмещается с полной: вначале раскрываются предположения относительно характера чувства, затем следует ограничение данных предположений тем, в чем абсолютно уверен говорящий.

6. Конкретизация сказуемого: *Вчера, например, пришел совершенно незнакомый петух. По-моему, с этим явлением необходимо* ***как-то бороться, починить*** *калитку,* ***во всяком случае*** (А.Н. Арбузов. Годы странствий).

Вторую группу конструкций с союзной функцией *во всяком случае* составляют предложения и единицы текста с собственно ограничительными отношениями, в которых выделяется две стороны – ограничиваемое и ограничивающее. Можно выделить несколько видов ограничиваемых и соответствующих им ограничивающих компонентов:

1. Ограничение полноты проявления того или иного положения дел тем, что является безусловным его проявлением. В таких предложениях в конкретизируемом компоненте сказуемые обычно выражены глаголами: *Ему не с кем было поделиться. В Академии его любили, но одновременно завидовали. На факультете состряпалось несколько бытовых персональных дел и* ***бдительность постоянно повышалась. Во всяком случае, разводы никак не поощрялись*** *и просьбы такого рода командование оставляло в лучшем случае без последствий* (Владимир Корнилов. Демобилизация).

Ограничение может касаться не только признака действия, действия в целом, но и затрагивать модально-временной план. *Я думаю, что мне лучше всего уйти, так как у меня все-таки* ***есть, во всяком случае, были****, какие-то общественные интересы.* (Из письма Бориса Беклешова Ирине Д., от 1 апреля 1938 года) (Л.Р. Кабо. Повесть о Борисе Беклешове).

2. Ограничение полноты проявления признака, качества, оценки, квалификации: *Епископы рассказывали брату Всеволоду, что* ***франкский король представительный воин. – Во всяком случае, он высокого роста, и у него приподнятые плечи****, что говорит о большой силе. Мне приходилось видеть, как он сидит на коне. Пальцы его ног, вдетых в стремена, красиво опущены вниз. Так ездят только отличные всадники (А.П Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции*).

3. Ограничение отрицания частичным утверждением. Данное ограничительное значение проявляется между сказуемыми (в том числе тождественными, тогда ограничение выражается при помощи дополнения или обстоятельства), между предикативными единицами: *Я вам дам телефон Георгия Багратовича и свой,* ***но вы ему не звоните. Во всяком случае, сначала позвоните мне, перед тем как звонить ему****, а я, в свою очередь, запишу у себя в календаре, чтобы предварительно проконсультироваться…* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2)); *Когда она села рядом со мной, я ощутил запах духов, которыми она* ***раньше не пользовалась. Во всяком случае, при Сереже от нее всегда пахло иначе*** (Андрей Геласимов. Год обмана).

4. Ограничение неизвестного достоверно известным. В данных конструкциях неизвестное может быть раскрыто при помощи разделительных отношений, передающих предположения говорящего относительно сообщаемого, а затем завершено ограничительной предикативной единицей или членом предложения, подчёркивающим то, что бесспорно ясно: ***Поняла она****, что хотел сказать Евгений Львович этим взглядом,* ***или не поняла — бог весть, во всяком случае, не подала и виду*** (Л.Р. Кабо. Ровесники Октября). Фрагмента с разделительными отношениями может и не быть: ***Не знаю, что она делала там за своей закрытой дверью. Во всяком случае, точно уж не спала****. Невозможно поверить, что человек может спать с такой силой, с такой бесконечной решимостью и с такой злостью, что ему требуется настолько плотно закрытая дверь*. (Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003).

Все рассмотренные отношения, выражаемые при использовании сочетания *во всяком случае,* находят отражение и в диалогической речи: *Мамочку не позовете?* ***На ручки не попроситесь****? –* ***Нет****, – сухо ответила она. –* ***Во всяком случае, к вам не попрошусь****!* (Юрий Герман. Дорогой мой человек).

Рассмотренный языковой материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Значение сочетания *во всяком случае* можно определить как ограничение чего-либо указанием на бесспорное, с точки зрения говорящего. Это значение модальное, что дает основание с точки зрения частеречной принадлежности отнести это сочетание к модальным словам. С точки зрения функциональных классификаций лексики, данное сочетание может быть отнесено к дискурсивным словам, на том основании, что оно

участвует в формировании текстовых связей (ср.: [10]), к метакоммуникативным средствам языка, на том основании, что оно обнаруживает коммуникативное намерение говорящего, в данном случае, – быть точным.

2. Сочетание *во всяком случае* выполняет функции, свойственные многим модальным словам: осложняет члены предложения и предикативные единицы, выступая союзным средством, оно участвует в выражении отношений основания – вывода, частичной конкретизации, собственно ограничительных.

1. Апресян В.Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки // ВЯ. 1999. № 5. С. 24–44.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

3. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.

4. Кустова Г.И. Обстоятельственные группы типа во всяком случае в современном русском языке.
URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextKust/KustovaObst.pdf (дата обращения: 07.11.2013).

5. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

6. Михеев А.Ф. Отграничение конструкций основания – вывода от причинно-следственных // Актуальные проблемы лексикологии и грамматики русского языка. Кишинев, 1977. С. 88–97.

7. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 14.10.2013).

8. Пельтихина Н.И. Фразовая номинация и проблема сложного предложения // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1971. С. 189–196.

9. Прияткина А.Ф. Вторичные союзные связи // Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М., 1974. С. 262–268.

10. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. М., 1993.

11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка.
URL: http://slovari.299.ru/oj.php (дата обращения: 07.11.2013).

12. Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.

13. Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 1996.

Е.В. Милетова
E.V. Miletova

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С УЧАСТИЕМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ[1]

METAPHORICAL MODELS VERBALIZED WITH ADJECTIVES AND IMPLEMENTED IN MODERN ENGLISH-LANGUAGE RELIGIOUS DISCOURSE

Статья посвящена анализу употребления в англоязычном религиозном дискурсе метафорических моделей, вербализующихся с участием имен прилагательных. Автор говорит о существовании в пределах метафоры метафорического ядра и метафорической периферии и выделяет целый ряд метафорических моделей, базирующихся на ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника.
Ключевые слова*: англоязычный религиозный дискурс, жанр, имя прилагательное, метафора, метафорическое ядро, метафорическая периферия*.

The article is devoted to the analysis of the English-language religious discourse with the main focus on metaphoric models represented with the help of adjectives. The author suggests that within a metaphor there is a metaphorical core and a metaphorical periphery and points out 19 metaphoric models based on the association of the cognitive elements of the target domain and the source domain.
Key words**:** *English-language religious discourse, genre, adjective, metaphor, metaphorical core, metaphorical peripheral*.

Среди языковых реалий, требующих пристального внимания ученых, особая роль принадлежит метафоре, поскольку именно метафора служит одним из главных способов интерпретации действительности и оказывает ощутимое влияние на когнитивно-перцептивные мыслительные процессы [8, 87].

[1] Публикация выполнена в рамках проекта «Российская и западноевропейская научная ментальность в зеркале языка (1945–2011 гг.): когниолингвистическое и лексикографическое моделирование языковой картины мира научно-инновационной и научно-производственной сфер (эволюционная динамика, внутриязыковые и межъязыковые корреляции)» по заданию Министерства образования и науки РФ ФГБОУВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет» (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор О.А. Алимурадов).

Огромным интересом к природе метафоры объясняется, на наш взгляд, популярность и практическая ценность теории метафорического моделирования, бытующей в русле когнитивного направления в лингвистике, поскольку с ее помощью можно «…выявить универсальное и специфичное в ментальном мире как отдельного человека, так и конкретного социального института в целом, обнаружить определенные общие закономерности в системе знаний представителей социальных групп и профессиональных сообществ, проследить, как когнитивные структуры реализуются в том или ином типе дискурса» [12, 128].

Целью настоящей статьи является анализ употребления метафор в современном англоязычном религиозном дискурсе и определение соответствующих метафорических моделей.

Религиозный дискурс в нашем понимании есть особый тип институционального общения, совокупность речевых актов, реализующих процесс общения коммуникантов применительно к сфере религии, базирующийся на ряде действий и ритуалов, нацеленных на приобщение человека к вере в Бога/сверхъестественные силы. Специфика религиозного дискурса сводится к тому, что к числу основных *участников*, осуществляющих процесс коммуникации, относится Бог – сверхъестественное существо, к которому обращается верующий в своих мольбах и чаяниях [13, 107].

Исследователи выделяют еще одну особенность рассматриваемого типа дискурса, позволяющую говорить о его уникальности, – *ритуал.* Так, Е.В. Бобырева подчеркивает, что в любом другом типе дискурса речевая деятельность выступает на передний план; в религиозном же дискурсе ритуал возводится в абсолют, представляя собой базу религиозной коммуникации [6, 12].

Краеугольным камнем сферы религии служит базовый концепт «вера», рассматриваемый нами как системное ментальное образование, подразумевающее наличие в своей структуре тесно спаянных элементов [3, 100; 4, 10], к числу которых можно отнести, в первую очередь, субъектов веры (Бог, прихожанин, священнослужитель и др.).

Жанры англоязычного религиозного дискурса как относительно устойчивые типы высказываний весьма разнообразны. Так, В.И. Карасик подчеркивает важность типовых действий участников коммуникации, предмета речи, излагаемого адресантом и воспринимаемого адресатом, и выделяет четыре жанра религиозного дискурса: молитва, проповедь, исповедь и обрядовое действие [9, 7]. Несомненно, что для формирования жанрового пространства религиозного дискурса, адекватно отображающего язык религии, необходимо учитывать коммуникативную цель текста, его воздействие на адресата, план адресанта и т.д. Исходя из этого считаем возможным дополнить классификацию, предложенную В.И. Карасиком, выделив богословские тексты, находящиеся на стыке текстов философских и религиозных, в отдельный жанр англоязычного религиозного дискурса.

Опираясь на материал выборки, зафиксированный в англоязычных теологических журналах, считаем необходимым разбить богословские тексты на два класса: *диалоги* и *толкования*, каждый из которых имеет свои цели и задачи.

Основное отличие *толкования* от *диалога*, на наш взгляд, заключается в степени уверенности адресанта в передаче информации, а также в степени воздействия соответствующего типа текста на адресата. Если в диалогах предпринимается лишь попытка объяснения того или иного феномена, то толкование содержит объяснение, подкрепляемое авторитетом автора текста, т.е. самого толкователя.

Эмпирический анализ языкового материала показал, что в англоязычном религиозном дискурсе метафорический компонент весьма значим – 63,7 % примеров нашей выборки маркированы употреблением метафоры.

Наблюдения показывают, что прилагательные в религиозном дискурсе могут вербализовывать как ядро метафоры, так и ее периферию [5, 52]. При этом метафорическое ядро и метафорическую периферию мы трактуем как когнитивные структуры, реализуемые

единицами языка и передающие в контексте ключевую и дополнительную информацию: *But an ontology in which the original apostasy, the move from innocence to guilt, is recreated on numberless occasions, with each individual over and again treasonous to God, is aesthetically inferior as a cosmology, because* ***the relationship of mankind to God would be characterized by a continual pollution of beauty and of desecration of innocence****. What is ugly and deceitful would enjoy victory over the beautiful and noble constantly, in a tremendous number of recapitulations of the ugliness of expulsion from the garden* [15].

В данном контексте отмечается параллель между «духовным» загрязнением и физическим (окружающая среда, вода, воздух и т.д.) и осквернением, наблюдаемым в мире с момента зарождения жизни на Земле. Очевидно, что существительное *pollution* вербализует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в тексте. В свою очередь, прилагательное *continual*, находясь в препозиции, также относится к ядерной области и характеризует продолжающийся бесконечно процесс загрязнения и осквернения: *continual* – seemingly without interruption; chiefly restricted to what recurs regularly or frequently in a prolonged and closely spaced series [19].

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии: *God is supposed to be a Being who is willing to be fully involved with mankind so that He is inclined to assist man in achieving a position of a higher level. It can be believed, by man, that God is a Being who sits in heaven anxiously waiting to assist man in his times of trial. A God of relation is one who provides for man. With this type of belief, it almost appears as though God is expected to be* ***a genie in a magic lamp*** [14].

Здесь присутствует метафорическая номинация *a genie in a magic lamp*, с помощью которой автор текста иронически высказывает идею о том, что в представлении простого обывателя между образом Бога и сказочного Джинна можно поставить знак равенства, поскольку задача каждого из них – осуществлять человеческие желания. В метафоре *a genie in a magic lamp* ядром выступает существительное *genie* – a magic spirit believed to take human form and serve the person who calls it [18], а прилагательное *magic* служит для вербальной репрезентации метафорической периферии.

Частотность употребления метафор в анализируемых нами жанрах религиозного дискурса различна. Так, на жанр толкований приходится 62,4 % выборки; доля примеров, представляющих собой образцы диалогов, составляет лишь 37,6 %:

In revealing the divine nature as the fullness of love, the Incarnation also reveals the world as ***the utterly gratuitous fruit of divine generosity****, possessed of a fullness of its own which ultimately defies the absolutizing claims of mechanistic or reductive explanation* [15].

В данном примере отмечаем наличие метафоры *the utterly gratuitous fruit of divine generosity,* образованной с участием нескольких прилагательных, придающих фрагменту толкования экспрессию и выступающих средствами выражения позитивной авторской оценки. По словам автора текста, рождение человека есть акт божественной щедрости, базирующейся, по сути, на безвозмездной основе, т.е. Бог дал человеку жизнь, ничего не требуя взамен. При этом прилагательное *gratuitous,* сообщая ключевую информацию в тексте, выступает в качестве репрезентанта метафорического ядра, а прилагательное *divine* относится к метафорической периферии.

Следующий фрагмент маркирован наличием двух метафор, образованных с участием имен прилагательных: *But even that seems impossible, since popular theology long ago devolved into a certain simplistic narrative of* ***the Son of God suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters****: How could anyone even approximate the moral character of the perfect man Jesus (who, when one gets down to it, really is not considered human the way we are anyway)? And how could anyone imagine or perhaps even desire drawing close to such a God, the Father, who sends his darling son to be born miraculously among humans only to cut him down brutally in the prime of life in divine retribution for humanity's disobedience?* ***The sadomasochistic drama plays out on a stage*** *over and above the terrain of us "regular" humans. The transaction between the Father and the Son is a matter settled between them on our behalf.*

The Father sacrifices his Son brutally, at the hands of men; the Son atones for humanity's dishonoring of God [15].

Посредством номинации *the son of god suffering and dying on behalf of sinful human sons and daughters* автор текста повествует о страданиях и смерти сына Божьего, пожертвовавшего собой во имя грешных людей. Очевидно, что реализация метафоры на уровне семантики происходит за счет причастий *suffering* и *dying* и прилагательного *sinful*, которое располагается на периферии и придает контексту особую экспрессию. В случае же с метафорой *the sadomasochistic drama plays out on a stage* прилагательное *sadomasochistic* репрезентирует метафорическую периферию, но, тем не менее, сообщает весьма значимую информацию, поскольку характеризует драму христианского учения, в котором Всевышний осознанно терпит лишения и мучения за все человечество. Особую роль в контексте играет прилагательное *sadomasochistic*, реализующее трагизм ситуации. Очевидно, что основная метафорическая нагрузка в примере приходится на глагол *plays out*, посредством которого прослеживается аналогия с театром, где сцена служит площадкой для зрелищ и представлений.

Обилие метафор, построенных при помощи прилагательных в исследуемом типе дискурса, дает нам возможность реконструировать ряд частотных метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и построенных на основе ассоциативной связи элементов когнитивных областей цели и источника.

Целым рядом примеров (10,7 % от общего количества метафор в выборке) представлен метафорический перенос God → Power. Безусловно, размышляя о религии, богослов, так или иначе, характеризует Всевышнего, оценивая его силу, власть, авторитет. Полагаем, не вызывает сомнения тот факт, что метафора выступает как «важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата» [10, 29], чем и объясняется высокая частотность представленной модели в масштабах нашей выборки. При этом прилагательное может находиться как на периферии, так и в ядре метафоры. Например: *...in the book of Revelation, they will be warning people of* ***the approaching day of judgment at the hands of Jesus****, returned in power* ***to establish the righteous throne of the God of Israel****. A reference in our preaching to* ***Jesus Christ, the great warrior-King****, in Revelation chapter 19 is quite appropriate* [16].

В представленном фрагменте фиксируем употребление ряда метафор, посредством которых автор говорит о силе Бога, его могуществе и решающей роли в час суда, который ждет каждого смертного. Очевидно, что вербализаторами метафорического переноса God → Power в метафорах *to establish the righteous throne of the God of Israel* и *Jesus Christ, the great warrior-King* выступают лексемы *throne* и *warrior-King*, последнее из которых является сложением двух основ *warrior* и *King*, что находит отражение в их словарных дефинициях: *throne* – the special chair for a king, queen, or other powerful person; *warrior* – a person who fights in battles and is known for having courage and skill; *King*– a male ruler of a country who usually inherits his position and rules for life [18]. Показательно, что прилагательные *righteous* и *great* стоят в препозиции к ядерным областям и содержат важную информацию относительно величия Господа, его божественности и праведности.

Приведем еще пример: *This is truly a supernatural and divine work.* ***It requires****, indeed,* ***the finger of powerful God****, to engrave his image on the soul, where it was totally effaced; to renew the resemblance of his moral perfections, and transform us into the likeness of his dear Son* [15]. Здесь использована метафора *it requires … the finger of powerful God*, служащая ироничным средством передачи идеи о всеобъемлющей и всепоглощающей силе Творца, в которой существительное *finger* несет основную смысловую метафорическую нагрузку, а прилагательное *powerful* вербализует смысловую метафорическую периферию, дополнительно подчеркивая могущество Бога. Прилагательное *powerful* в данном случае в метафорическом значении не выступает, вследствие чего мы квалифицируем данную лексему именно как вербализатор семантической периферии рассматриваемой метафоры.

Вторую позицию по частотности в масштабах нашей выборки занимает метафорическая модель God → Creator, на долю которой приходится 9,1 % от общего количества метафор. Здесь также прилагательные могут выступать как в ядре, так и на периферии метафоры: *Let us glorify* ***the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made****; by the beauty of visible things let us raise ourselves to Him who is above all beauty; by the grandeur of bodies, sensible and limited in their nature, let us conceive of the infinite Being whose immensity and omnipotence surpass all the efforts of the imagination* [15].

Метафорическая проекция God → Creator актуализируется в метафоре *the supreme Artificer for all that was wisely and skillfully made* семантикой существительного *Artificer* – a clever or inventive designer [23]. В свою очередь, прилагательное *supreme* относится к ядру метафоры, выступая в роли детерминанта ядерного существительного, и придает особую экспрессию всему повествованию.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию, когда имя прилагательное располагается на периферии: *The basic point is, that God is our Creator and that* ***we are designed and created in accordance with his wise plan****, applies every bit as much to his ordaining as to his knowledge. Presumably, how God wills is also beyond our ken* [15].

Очевидно, что в представленном фрагменте глаголы *designed* и *created* служат вербализаторами метафорического переноса God → Creator, а прилагательное *wise* на периферии метафоры сообщает о том, что человек и все живое на планете не являются случайным и спонтанным продуктом, а выступают как результат хорошо продуманной и кропотливой работы Создателя.

Следующая метафорическая модель – God → Savior (8,4% от общего количества метафор): *Well then, this mystery, this Christ, the apostle says, must be known by the Lord's church. That Christ, beloved congregation, you must know, and you must continue to learn to know more of all His fullness and riches. Most definitely know Christ, even as* ***He delivers your soul from death and translates you out of the kingdom of darkness into God's marvelous light****. That above all is important. On that truth we, too, lay emphasis. If you do not know Christ,* ***the Savior of your sin-imprisoned soul****, then all further spiritual knowledge of that Christ is impossible. Therefore, that is all important first of all* [21].

Как видно из контекста, назначение Господа – оживление души смертного и ее перемещение из царства тьмы к свету Божьему, что по сути своей есть основа христианского учения, т.е. вера в возможность продолжения жизни после смерти. В свою очередь, в метафоре *the Savior of your sin-imprisoned soul* эксплицитно звучит мысль о спасительной природе Всевышнего, при этом существительное *Savior* находится в ядре метафоры, а препозитивное прилагательное *sin-imprisoned* располагается на ее периферии и служит экспрессивным средством передачи идеи о том, что человек рожден в грехе и на протяжении всей своей земной жизни находится в его плену.

В силу того, что в основу христианской религии положена идея о принесении в жертву сына Божьего ради спасения всего человечества, метафорический перенос God → Sacrifice (7,6 % от общего количества метафор) вполне оправдан в рамках англоязычного религиозного дискурса. Анализ языкового материала показал, что в пределах этой модели имя прилагательное выступает в основном в качестве вербализатора метафорического ядра: *Jesus did not just feel forsaken, but was indeed totally forsaken by God, the Father. As part of the Godhead, Jesus is in eternal communication with it. He is part of it. However, at this one point in eternity* ***He was*** *vicariously positioned as* ***the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future****, and as such was receiving the penalty for that sin: the very definition of death, separation from God. Jesus must have felt a loneliness and abandonment beyond anything we can ever comprehend* [14].

В данном примере фиксируем употребление развернутой метафоры *He was … the bloody sacrifice for all sins for all time past, present and future*, в которой прилагательное *bloody* – having or covered with or accompanied by blood [19] маркирует метафорическое ядро и несет основную смысловую нагрузку в тексте, являясь экспрессивным средством

выражения идеи автора о том, что Иисус принес себя в жертву для искупления множества грехов всего человечества. Особая экспрессия достигается при помощи прилагательных *bloody, past, present and future,* определяющих обреченность Всевышнего быть вечной жертвой. В пределах обозначенной метафоры постпозитивные прилагательные *past, present,future* относятся к периферии и передают дополнительную, тем не менее весьма значимую информацию о предмете обсуждения.

Приведем еще пример: *God accepted and made this victim holy by raising him from the dead and glorifying him. The self-giving love of Christ with which he accepted his passion prevails over the worst of human malice. Christ expiates and makes reparation for sin by definitively dealing with it. As* ***the holy victim of wrongdoing****, he provides wrongdoers with the means of rising above sin by making them into adopted children of God through sharing in the divine life. The self-giving love of Christ was demonstrated in his acceptance of his passion* [15].

Очевидно, что в метафоре *the holy victim of wrongdoing* существительное *victim* – one that is injured, destroyed, or sacrificed under any of various conditions [18] реализует перенос God → Sacrifice. Прилагательное *holy*, выступая препозитивным детерминантом ключевой метафорической номинации, стоит в ядре метафоры и передает отношение автора к предмету обсуждения.

В сознании каждого верующего Бог – незыблемый авторитет, в связи с чем логичной видится проекция God → Perfection, на долю которой приходится 6,4 % всего материала. Анализ выборки показал, что имя прилагательное в указанной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, в ядре: *Because the life of Jesus is the exemplar, it presents* ***a perfect picture of human emotional life and of divine personality*** [15].

Здесь отметим ряд прилагательных, участвующих в создании метафоры и придающих экспрессию повествованию. Прилагательное *perfect* обнаруживает себя в ядре метафоры и служит вербализатором метафорического переноса God → Perfection, что подтверждается его словарными значениями: *perfect*– being entirely without fault or defect; corresponding to an ideal standard or abstract concept [18], а прилагательные *human, emotional* и *divine* располагаются на периферии.

Особого внимания, полагаем, заслуживает метафорическая модель God → Judge, на долю которой приходится 6,2 % от общего количества метафор в масштабах выборки: *God is either* ***a fair arbiter to command certain rules****, or God must be subject to a moral standard that is higher than him. If the former, then God has imposed a morality that could have been different (which suggests that God is whimsical or inconsistent). If the latter, then God is subject to a moral standard and is not the highest good* [15].

Процесс суждения (или, точнее, осуждения) сам по себе предполагает оценку. Очевидно, что в метафоре *a fair arbiter to command certain rules* вербализатором метафорической проекции God → Judge выступает существительное *arbiter*, о чем свидетельствует структура его значения: *arbiter* – someone chosen *to judge* and decide a disputed issue [19]. Однако показательно то, что прилагательное *fair,* стоящее в препозиции к существительному, передает ключевую информацию в контексте и относится к ядру метафоры, поскольку характеризует природу того судьи, справедливого и беспристрастного, в качестве которого выступает Бог.

На протяжении тысячелетий люди рассматривали религию, веру в сверхъестественные силы как некое таинство, истоки которого постичь невозможно. В связи с этим метафорический перенос God → Mystery, на долю которого приходится 5,9 % материала выборки, вполне закономерен, например: *The distinctive Christian belief in God as Trinity is founded upon an experiential knowing of God in and through the person of Jesus; thus, the early church fathers came to write of Jesus himself as* ***the divine mystery of God****. Jesus is the revelation of the Trinitarian God of love* [15].

Очевидно, что метафора *the divine mystery of god* образована с участием прилагательного *divine*, относящегося к ядру данной структуры и стоящего в препозиции к

существительному *mystery,* с помощью которого в контексте реализуется проекция God → Mystery.

Идея о том, в основе любой религии лежит концепт «вера» как «комплексная ментальная сущность, состоящая из определенного количества областей, содержащих информацию об объектах, явлениях и процессах окружающей нас действительности» [2, 62] и подразумевающая признание некой силы, определяющей течение человеческой жизни, определяет метафорический перенос **Religion → Devotion**, зафиксированный в 5,6 % языкового материала. Прилагательное здесь относится, как правило, к ядерной области метафоры: *Religion and the church itself was considered more and more to be a mere human society among others, existing for no other purpose in the world than the uplift of society and the betterment of humanity in the evolutionary sense of the word. If she was to have any right of existence at all,* ***she surely must be the obedient servant of Man*** [22].

Очевидно, что метафорический перенос Religion → Devotion актуализируется семантикой существительного *servant* – a person who is *devoted* to or guided by something [18], а препозитивное прилагательное *obedient* добавляет экспрессии и усиливает выражение степени преданности религии.

Присутствие в выборке метафорической проекции God → Truth (5,2 %) объясняется тем, что с позиции христианского учения Бог – символ добра, любви, справедливости, правды и т.д.: *...the Devil causes murderous purpose to be carried out and lies to be spoken against Jesus,* ***the ultimate embodiment of truth*** [15].

Особую значимость в англоязычном религиозном дискурсе имеет перенос Human Life → Battle (5 %): *Since the beginning of time, as chronicled in Genesis, believers have engaged in battle with Satan (Gen 3:1–7) as the enemy and often have fallen to his deceit.* ***This confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil*** [14].

Метафора *this confrontation set the stage for a continuous battle between good and evil* реализует перенос Human Life → Battle за счет семантики лексем *confrontation* и *battle,* а стоящее в ядре метафоры прилагательное *continuous* подчеркивает бесконечный характер борьбы между злом и добром, ассоциативная же связь человеческой жизни с театром достигается за счет лексемы *stage* – a raised platform in a theater, auditorium, etc., where the performers stand [18].

Приведем еще пример: *Christians in this age have been given a unique responsibility –* ***to do a fierce battle face-to-face with sin****. This is in the closest of conditions. The battle is as close as our own souls.* ***The old man built on the sin nature battles the new man created within by God****. Both are within the soul's "desiring system." This "desiring system" has a certain "form," with powers and inclinations, by virtue of being created in God's image. And because of our selfish rebellion against God the passions and desires within the desiring system become twisted and perverted toward self and Satan's world system* [14].

В метафоре *to do a fierce battle face-to-face with sin* прилагательное *fierce,* располагаясь в ядре, служит весьма экспрессивным средством описания борьбы простого смертного с греховной составляющей человеческого бытия: *fierce* – involving a lot of force or energy [20]. В свою очередь, в метафоре *the old man built on the sin nature battles the new man created within by God* вербализатором переноса Human Life → Battle выступает глагол *battle,* а имена прилагательные (*old,* адъективированное *sin, new)* относятся к метафорической периферии, определяя постоянное противоборство человека, существующего в двух ипостасях: греховной, полученной при рождении, и божественной, преисполненной верой.

К числу малочастотных моделей отнесем метафорический перенос God → Guide (4,8 %): *...Jesus serves as* ***a wise and caring mentor to the Twelve*** ... [15]. Прилагательные *wise* и *caring* несут смысловую нагрузку всего повествования, детерминируя метафорическое ядро, в котором основным вербализатором переноса God → Guide служит существительное *mentor* – a trusted counselor or guide [18].

Проекция God → Change зафиксирована в 4,4 % примеров. Имя прилагательное в данной модели обнаруживает себя как в ядре метафоры, так и на периферии: *Let us continue*

to pray for those who are still blinded by this world, and look for every opportunity to share God's love with others so that more lives can be changed, so that ***more lives can experience the ultimate power of God's makeover; a makeover not of our appearance, not of our house, but an extreme makeover of the heart****. A new life began for the blind man, both when his sight was regained, and then when he found salvation through Jesus Christ. That new beginning is available to everyone who has not experienced the transforming change that the Holy Spirit brings to the life of every believer* [14].

Автор, говоря о том, насколько важно изменить взгляды человека, прежде чем приобщить его к вере, использует прилагательные *ultimate*, относящееся к периферии метафоры, и *extreme*, располагающееся в ядре, подчеркивая серьезность перемен существительным *makeover*, семантика которого реализует метафорический перенос God → Change: *makeover* – the act or process of making changes to improve the appearance or effectiveness of someone or something [18].

Метафорический перенос God → Mediator (4 %) служит выражением того, что прецедентных текстах религиозного дискурса Иисус Христос рассматривается как посредник, реализующий на практике волю Всевышнего [см., напр.: 6; 11]: *Christ has to be seen as mediating divine revelation and atonement "in virtue of what he is". He is not just an agent of that mediation to us but is* ***the Mediator of a divine revelation and reconciliation*** *that is not other than what he is in his own personal Identity and Reality. What He is and what* ***He mediates*** *are one and the same* [17].

В метафоре *the Mediator of a divine revelation and reconciliation* существительное *Mediator* является вербализатором метафорического переноса God → Mediator, а прилагательное *divine* служит в качестве метафорической периферии, подчеркивая мысль о божественной (чистой и безгреховной) природе Господа.

Семантически близкой к модели God → Mediator является метафорическая проекция God → Mission (3,7 %): ***He is*** *always personally* ***involved in doing the work of his unique mission****, yet he is ever so conscious of teaching the disciples who would "do and teach" what he had done and taught* [15].

Очевидно, что метафоричность фрагмента достигается за счет фразы *doing the work* и семантики прилагательного *unique*, находящегося на периферии метафоры, тем самым автор подчеркивает значимость и уникальность миссии, возложенной на Всевышнего.

Проекция God → Cure зафиксирована в 3,1 % примеров в выборке: *According to the Spirit-kingdom narrative, the human plight is languishing under the effects of sin—personally, corporately, and cosmically. The choice for autonomy from God, which summarizes the Bible's account of the source of this ruin, yields corruption in all dimensions of human relationality: self to God, self to self, self to other selves, and self to the rest of the creation. Into this ruin comes the kingdom's message of grace, of* ***a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son's death*** *and offering forgiveness and* ***wholeness*** *to all who would turn from their autonomy to lives of dependence upon and ordered underneath God's provision as Life-giver and Sustainer* [15].

В представленном фрагменте метафора *a move by God to come and heal the broken relationship through his incarnate Son's death* образована при помощи прилагательных *broken* и *incarnate*, относящихся к метафорической периферии, а семантикой глагола *heal* реализуется метафорический перенос God → Cure: *heal* – to *cure* of disease or disorder [18].

Заслуживает внимания и метафорическая модель God → Treasure, зафиксированная в 2,9 % всех примеров. Прилагательное в данной метафорической модели обнаруживает себя, как правило, на периферии: *We must wrestle with our lifestyle, to love God and to hold the deceitful riches of this world as lightly as we ought. The struggle is against falling in love with mere trash, and falling out of love with* ***Christ, the pearl of great price*** [17].

Данный маркирован метафорой *the pearl of great price*, отождествляющей Христа с жемчужиной. Очевидно, что в метафоре *the pearl of great price* существительное *pearl* репрезентирует ядро метафоры и несет основную смысловую метафорическую нагрузку в

тексте, в то время как прилагательное *great* обнаруживает себя на периферии и вербализует стоимостную характеристику жемчужины в лице Всевышнего.

Полагаем, что присутствие метафорического переноса World → Mess (2,7 %) обусловлено многими негативными явлениями в современном мире: *The "problem of evil" touches each of these issues at its core. It represents an apparent logical inconsistency with the claim that an omni-benevolent and all-powerful God exists in such* ***a world littered with the debris and carnage of human suffering****, not to mention that inflicted upon animals and the environment itself. The problem of evil sets forth the philosophical and practical challenge to understand how a good and powerful God, if He exists at all, could possibly allow His creatures to act as they do* [14].

В представленном фрагменте в метафоре *a world littered with the debris and carnage of human suffering* причастие *littered,* производное от глагола *litter,* выступает метафорическим ядром повествования: *litter* – to make messy with things scattered about [24], а прилагательное *human* относится к метафорической периферии, сообщая дополнительную информацию.

Следующей метафорической моделью является Religion → Marriage (2,4 % от общего количества метафор в выборке): *The only plausible reason that God would give His only son to save us and give us the internal life is that God wants to be affiliated and has deep emotional affection for us. In the New Testament,* ***the relationship*** *described* ***between Christ and the church is one of a faithful bridegroom and bride****, another metaphorical perspective to relay the relationship* [14].

Признавая, что в основе любой метафоры лежит «механизм сравнения объектов разных классов» [7, 127], отмечаем в данном случае такую параллель между религией и браком: существительные *bridegroom* и *bride* выступают в качестве репрезентантов метафорического ядра и несут смысловую нагрузку повествования, реализуя метафорический перенос Religion → Marriage. Однако в создании метафоры участвует прилагательное *faithful,* располагающееся в ядре и придающее особую экспрессию контексту, в котором подчеркивается, что между Богом и институтом церкви существует тесная связь, подобная той, что имеет место в отношениях жениха и невесты.

Метафорическая модель Human being → Product имеет наименьшую репрезентативность в выборке – 1,9 % от общего количества примеров, маркированных наличием метафоры: *Without God,* ***human beings are accidental, evolved, mortal, short-lived products of nature*** *− and human beings are nothing more than this* [15].

В представленном фрагменте автор эксплицитно выражает мысль о бесполезности и ничтожности человеческого бытия без Господа, называя человека случайным, смертным «продуктом» природы. Именно семантикой эмоционально-оценочных имен прилагательных *accidental, mortal, short-lived,* обнаруживающих себя в ядре метафоры, актуализируется идея бессмысленности пребывания на Земле человека-атеиста и передается пренебрежительное отношение к нему со стороны автора, что подтверждается соответствующими дефинициями: *accidental* – occurring unexpectedly or by chance; *mortal* – subject to death; *short-lived* – not living or lasting long [18].

Заметим, что представленный перечень метафорических моделей, функционирующих в пределах англоязычного религиозного дискурса и зафиксированных в теологических текстах, не является закрытым и может получить свое продолжение, обусловленное постоянным, динамичным развитием лексической системы языка.

1. *Алимурадов О.А. Две ипостаси смысла – глобальный и окказиональный // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2003. № 2. С. 100–102.*
2. *Алимурадов О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 9. С. 61–63.*

3. *Алимурадов О.А. К проблеме концепта отношения и манифестации его областей (на примере области «результат») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2005. № 3–4. С. 100–107.*
4. *Алимурадов О.А. Об интенциональной природе динамики концептосферы индивида // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 3. Ч. II. С. 9–12.*
5. *Алимурадов О.А., Милетова Е.В. Метафорические модели, вербализующиеся с участием имен прилагательных и реализуемые в современном англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2013. № 4. С. 51–60.*
6. *Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики: монография. Волгоград, 2007.*
7. *Воронкина М.А. Метафора и ритуал // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. № 4. С. 122–127.*
8. *Данюшина Ю.В. Метафорический имидж топ-менеджера в дискурсе западных бизнес-медиа // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2010. № 1. С. 87–90.*
9. *Карасик В.И. Религиозный дискурс. // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: сб. научных трудов. Волгоград, 1999. С. 5–19.*
10. *Лапшова Н.В. Метафорические и метонимические особенности номинации в современном рекламном дискурсе: структурно-семантический и ассоциативный подходы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2012. № 3. С. 28–32.*
11. *Мечковская Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.,1998.*
12. *Ширяева Т.А. Метафоры как фактор формирования бизнес сознания (на материале современного английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск, 2011. № 3. С. 128–132.*
13. *Ширяева Т.А. Общекультурные и институциональные особенности дискурса // Знание. Понимание. Умение. М., 2007. № 4. С. 103–108.*
14. *American Journal of Biblical Theology. URL:http://biblicaltheology.com/.*
15. *American theological inquiry. URL:http://atijournal.org/.*
16. *Bible Magazine. URL:http://biblemagazine.com/.*
17. *www.biblicalstudies.org.uk. URL:http://biblicalstudies.org.uk/.*
18. *Dictionary and Thesaurus - Merriam-Webster Online. URL:http://merriam-webster.com/.*
19. *Free Online Dictionary. URL:http://dictionary.babylon.com/.*
20. *Macmillan Dictionary and Thesaurus. URL:http://macmillandictionary.com/.*
21. *Protestant Reformed Churches in America. URL:http://prca.org/.*
22. *Reformed Theological Review. URL:http://rtr.org.au/.*
23. *Reverso: Dictionary, translation, definition. URL:http://dictionary.reverso.net/.*
24. *www.yourdictionary.com. URL:http://yourdictionary.com/.*

О.Е. Пирогова
O.E. Pirogova

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

NEW TENDENCIES OF SEQUENCE OF TENCES USAGE IN MODERN ENGLISH

Статья посвящена рассмотрению закономерностей употребления правил согласования времен в современном английском языке. Сделан акцент на мнениях различных лингвистов (Б.А. Ильиш, В.Л. Каушанская, О. Есперсен, В.Н. Жигадло, Т.Л. Барабаш, Г.А. Вейхман и др.) по правилам согласования времен.
Ключевые слова: *согласование времен, новые тенденции, видо-временные формы глагола, придаточные определительные предложения.*

The article is focused on sequence of tenses usage principles in modern English. The emphasis is put on different language experts' opinions (B.A. Ilyish, V.L. Kaushanskaya, O. Jespersen, V.N. Zhigadlo, T.L. Barabash, G.A. Veihman etc.) about the rules of sequence of tenses.
Key words: *sequence of tenses, new tendencies, verb forms, attributive subordinate clauses.*

Одной из наиболее важных проблем синтаксиса в современном английском языке является проблема употребления согласования времен в различных типах сложноподчиненных предложений (СПП). Эта проблема в том или ином виде затрагивается в учебниках по грамматике, а также в специальных работах, посвященных английскому глаголу. Однако известно, что высказываемые по этому вопросу мнения весьма противоречивы.

До сих пор нет единой концепции употребления форм английского глагола в различных типах СПП. Кроме того, правила, диктуемые учебниками по грамматике английского языка, значительно устарели и не соответствуют современной норме. Все это значительно усложняет процесс постижения грамматики современного английского языка.

Людям, изучающим английский язык, сложно понять, как нужно употреблять правила согласования времен и какие именно правила являются наиболее точными и соответствующими нормам современного языка. Особенно актуален поставленный вопрос для русскоязычных студентов и обучающихся, поскольку известно, что в русском языке как таковые правила согласования времен в придаточных предложениях отсутствуют.

В данной статье сделана попытка рассмотрения закономерностей употребления согласования времен в СПП с определительным придаточным в современном английском языке. В работе излагаются результаты исследования, проведенного на материале произведений английских и американских писателей: А. Кристи, Т. Драйзера, Дж. Голсуорси. Всего было проанализировано 600 примеров, на основании которых был проведен сравнительный анализ употребления видо-временных форм глагола в определительных придаточных предложениях в современном английском языке.

В отечественной лингвистике существует единое мнение о СПП как о сложном синтаксическом единстве, в котором главное и придаточное предложения, являясь его частями, выступают взаимосвязанными и взаимозависимыми компонентами. СПП распадаются на различные структурно-семантические типы, каждый из которых характеризуется определенными структурными признаками. В числе этих признаков учебники и пособия по грамматике называют употребление видо-временных форм, которые являются одним из средств связи между главным и придаточным предложениями.

В английской грамматике правила согласования времен известны как особенности употребления видо-временных форм глагола в СПП. Под согласованием времен в большинстве пособий по грамматике английского языка обычно понимается употребление видо-временных форм Past Indefinite и Past Continuous в придаточных предложениях для выражения одновременности действия с действием главного предложения, Past Perfect – для выражения предшествования, и Future-in-the-Past – для выражения следования за действием главного предложения. При этом имеется в виду, что в главном предложении употребляется одна из форм прошедшего времени.

Известно, что проблема согласования времен была и остается одной из наиболее сложных в современной грамматике английского языка. Нужно отметить, что существование так называемого согласования времен в английском языке признается всеми авторами, но суть этого грамматического явления трактуется по-разному. Ниже мы рассматриваем точки зрения ученых-лингвистов, занимавшихся данной проблемой, а также приводим примеры употребления видо-временных форм глагола в определительных придаточных предложениях в английском языке.

Б.А. Ильиш, например, считает, что термин «согласование времен» еще не получил всеобще признанной интерпретации, что может и должно послужить основой для дальнейших исследований [6, 245–246]. Он также полагает, что согласование времен – это грамматическое явление, существующее в современном английском языке, но в определенных условиях, частично семантических, а частично стилистических, употребление временных форм не соответствует общим правилам [5, 341–344]. Таким образом, можно сказать, что Б.А. Ильиш, обозначив проблему, не провел еще достаточно глубокого исследования в этой области.

В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер и другие лингвисты, работавшие над проблемой согласования времен, убеждены, что это понятие означает зависимость видо-временной формы глагола в придаточном предложении от формы глагола главного предложения [7, 297–298]. Если в главном предложении глагол стоит в одном из прошедших времен, то глагол придаточного предложения тоже должен быть употреблен либо в одном из прошедших времен, либо в форме Future-in-the-Past: I thought you had better sense [10, 45]. Такова классическая точка зрения, которую мы встречаем в большинстве учебников по английской грамматике.

О. Есперсен ввел понятие формального и логического согласования времен, причем под первым подразумевается согласование времен, которое не требуется соображениями логики [8, 325]: I didn’t know you were here. – Я не знал, что вы здесь. (You are here, but I didn’t know.) [10, 74]. What did you say your name was? – Как вы сказали, вас зовут? [9, 24]. I tried to forget who I was. – Я пытался забыть о том, кто я такой [9, 24].

Формальное согласование времен не соблюдается именно тогда, когда актуальность временных отношений приобретает первостепенное значение. Сюда относятся такие случаи как:

высказывания «вечных истин»: We learned at school that two and two is four;

высказывания, в которых подчеркивается реальная соотнесенность действий с настоящим или будущим (что характерно для диалога и репортажа): You are a bad wife. – I'm not. Who said I am [10, 155–156];

высказывания с модальным глаголом MUST, соотнесенные с реальным настоящим, а также те, где MUST выражает предположение: I wrote I must see him. – Я написал, что должен его увидеть [9, 21].

Такие лингвисты, как В.Н. Жигадло, И.П. Иванова и Л.Л. Иофик, под согласованием времен понимают существующую в английском языке закономерность, согласно которой действия, происходящие в одном временном плане, передаются временными и видо-временными формами данного времени. При этом глагол придаточного предложения передает действие в его отношении к действию главного предложения, а не как взятое самостоятельно [4, 111–112].

При соотнесении с моментом речи и с временным центром будущего времени никаких особенностей употребления глагольных форм в английском языке по сравнению с русским не наблюдается. Действия, происходящие в плане настоящего, передаются формами настоящего времени; действия, происходящие в будущем, передаются формами будущего времени.

Несколько иную картину мы видим при соотнесении с временным центром прошедшего времени, причем все эти отношения, в отличие от русского языка, передаются соответствующими формами прошедшего времени: одновременность действия, которая в русском языке передается настоящим временем, в английском выражается прошедшим: Я думал, что он не видит меня. – I thought he did not see me [9, 64].

Таким образом, согласование времен передает реальное соотношение действий глагола главного и придаточного предложений – одновременность, предшествование или намеченное в будущем действие.

Т.Л. Барабаш считает, что в узком смысле термин согласование времен обозначает сдвиг времен в сферу прошедшего времени в косвенной речи, если глагол-сказуемое главного предложения употреблен в прошедшем [1, 114–115]: He told me she was ill, but now (he tells me that) she is all right again [9, 81].

Таким образом, становится понятно, что проблема согласования времен остается одной из наиболее актуальных в современной грамматике и сегодня, т.к. до сих пор нет единой трактовки этого явления, и разные ученые-лингвисты предлагают свои подходы к решению данной проблемы, а иногда лишь обозначают наличие проблемы, но не предлагают путей для ее решения.

Как известно, развитие языка не стоит на месте, и потому в правилах согласования времен в современном английском языке, как и во всем грамматическом строе языка, также происходят изменения, связанные с упрощением употребления тех или иных видо-временных форм, что облегчает процесс постижения английского языка как иностранного и вместе с тем сводит обозначенную выше проблему на нет.

Г.А. Вейхман в работе, посвященной новым тенденциям в английском языке, появившимся за последние семьдесят лет, посвятил проблеме согласования времен целую главу [2, 47–51]. Во-первых, он считает, что употребление формы Past Perfect в современном английском языке резко сокращается. В сложноподчиненных предложениях при выражении предшествования одного действия другому сказуемое в придаточном предложении может быть выражено в Past Indefinite, причем средствами передачи предшествования служат союзы, наречия или контекст.

Во-вторых, в СПП с союзом before действие, выраженное видо-временной формой Past Perfect может быть передано как в главном предложении, так и в придаточном. При

этом в первом случае это предшествующее, а во втором – последующее: We had not gone thirty yards before a great black opening loomed in the wall [10, 67]. Возможность выражения с помощью Past Perfect не предшествующего, а последующего действия объясняется тем, что основной функцией перфектных времен является передача завершенности, а при наличии отрицания – отсутствия завершенности: I had thought that we were going to be invited to dinner. – А я-то думал... [10, 87].

В-третьих, помимо известных случаев несоблюдение правил согласования времен может также наблюдаться в случаях, рассмотренных ниже:

если говорящий уверен в достоверности своих слов: If she said that David has deceived me, it's true [11, 72];

если в предложении есть обстоятельства настоящего или будущего времени: Jean told me this morning that he's posted my letter. – Jean told me that morning that he'd posted my letter;

при немедленном повторении сказанного в прямой речи: – I have a headache, too. – What did you say? – I said I have a headache, too [9, 79–80];

если соблюдение правила согласования времен искажает смысл сказанного: Pam said she wanted to go to Albany to visit friends next weekend. – Pam said she had wanted to go to Albany to visit friends last weekend;

в разговорном и газетно-публицистическом стилях.

Явление согласования времен тесно связано с существованием в английском языке так называемых независимых и зависимых глагольных форм. Формы, соотнесенные с моментом речи, являются независимыми глагольными формами; формы, соотнесенные с временным центром прошедшего или будущего времени, являются зависимыми. Они соотнесены с основной точкой отсчета – моментом речи через соответствующий временной центр, выраженный в предложении лексически. Независимые формы глагола представлены в современном английском языке всеми видовыми формами настоящего времени, а также формами основного разряда (Indefinite), за исключением зависимого будущего. В остальных случаях в придаточных предложениях будут употребляться зависимые формы глагола.

В процессе рассмотрения обозначенной выше проблемы нами также был сделан вывод о необходимости рассмотрения относительного и абсолютного употребления видо-временных форм глагола в определительных придаточных предложениях. Данные термины были предложены И.П. Верховской, которая считает, что в современном английском языке видо-временные формы в придаточных предложениях различных типов могут употребляться либо абсолютно, либо относительно [3, 19–26].

При абсолютном употреблении видо-временные формы относят действие, обозначенное глаголом-сказуемым придаточного предложения, к настоящему, прошедшему или будущему времени: I had to tell you because it is getting on my nerves [10, 41].

При относительном употреблении видо-временная форма сказуемого придаточного предложения подчиняется видо-временной форме сказуемого главного предложения: She didn't tell him where we had gone [11, 65].

Здесь следует отметить, что в подавляющем большинстве примеров независимые глагольные формы употребляются в придаточных предложениях рассматриваемых типов абсолютно, тогда как зависимые – относительно.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что, несмотря на довольно строгие правила согласования времен, есть случаи (и их немало), когда их соблюдение не только не является обязательным, но иногда приводит к искажению смысла сказанного.

Сравнительный анализ примеров употребления видо-временных форм в определительных придаточных предложениях показал, что по характеру временных отношений между главным и придаточным предложениями среди определительных придаточных преобладают отношения одновременности действий в главном и придаточном предложениях. Среди определительных предложений они составляют 53 % (из них 47,7 % видо-временных форм употреблены абсолютно и 5,3 % – относительно).

Второе место по численности занимают отношения предшествования действия глагола придаточного предложения: 32,5% определительных придаточных предложений (из которых 29,3% видо-временных форм имеют абсолютное употребление и 3,2% – относительное) содержат данный тип временных отношений.

И, наконец, реже всего встречаются отношения следования действия придаточного предложения по отношению к главному: 10,5% определительных придаточных предложений (из них 9,5% видо-временных форм употребляются абсолютно и 1% – относительно.

Как видно из результатов проведенного анализа, в определительных придаточных предложениях превалирует абсолютное употребление видо-временных форм.

В качестве заключения хочется отметить, что поскольку авторы учебных пособий по грамматике английского языка еще не пришли к согласию относительно сущности согласования времен и особенностей его употребления в современном английском языке, можно сделать вывод, что в английском языке не существует единых правил употребления видо-временных форм в придаточных предложениях.

Нужно также обратить внимание на тот факт, что в большинстве своем правила согласования времен значительно устарели, а новым тенденциям в их употреблении на современном этапе исследования языка уделяется слишком мало внимания. В связи с этим изучение проблемы употребления видо-временных форм в придаточных предложениях различных типов представляет большие трудности. Нехватка материала-основы, а также расхожие мнения лингвистов относительно употребления видо-временных форм в определительных придаточных предложениях нередко вызывают споры и приводят в замешательство людей, изучающих английский язык как иностранный.

В этой связи материалы данной работы могут быть использованы в качестве исходного материала для последующих исследований в данной области.

1. *Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. М., 1983.*
2. *Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике: учеб. пособие для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1990.*
3. *Верховская И.П. Видо-временные формы в английском сложноподчиненном предложении: учеб. пособие. М., 1980.*
4. *Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. М., 1956.*
5. *Ильиш Б.А. Современный английский язык. М., 1948.*
6. *Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке). Изд. 2-е. Ленинград, 1971.*
7. *Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л. Грамматика английского языка (на английском языке). Ленинград, 1973.*
8. *Jespersen O. Essentials of English Grammar. Ldn, 1946.*
9. *Christie A. The Murder of Roger Ackroyd. Penguin Books, 1955.*
10. *Dreiser T. Sister Carrie. Moscow, «Progress» Edition, 1976.*
11. *Galsworthy J. The Forsyte Saga. Book One. The Man of Property. Ldn, 1964.*

С.Ю. Полуйкова
S.J. Poluykova

СПЕЦИФИКА ИМПЕРАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ

SPECIFICS OF IMPERATIVE SENTENCES IN ENLIGHTENMENT DISCOURSE

В статье рассматриваются императивные высказывания, используемые в современном просветительском дискурсе. Автором определены критерии для их классификации: вероятность выполнения действия, направленность императивного высказывания, характер выражения «императивности». Описаны средства скрытого (косвенного) побуждения и проиллюстрированы примерами на русском и немецком языке.
Ключевые слова: *дискурс, императив, побудительное высказывание, косвенное побуждение.*

The article deals with the mandatory statements used in the modern enlightenment discourse. The author defines the criteria for classification: probability of the action, directivity of imperative statements, the nature of the expression "imperative." Means hidden (indirect) incentives are illustrated with examples in Russian and German.
Key words: *discourse, imperative, imperative sentences, indirect incentive.*

В центре внимания современных отечественных и зарубежных лингвистических исследований находится проблема воздействия одного человека на другого с помощью языковых и речевых средств. Усилия исследователей в области прагмалингвистики сосредоточены на рассмотрении таких феноменов, как аргументативность, персуазивность, суггестивность и императивность. В рамках данной работы анализируются средства и способы экспликации побуждения в одном из видов институционального дискурса – современном просветительском дискурсе. Отметим, что данный тип институционального дискурса как форма современной социальной практики активно развивается в России и представляет собой актуальный объект исследования. В рамках просветительского дискурса сложилось несколько направлений: правовое, научное, медицинское просвещение, просвещение граждан, находящихся в экстремальных условиях (инвалидов, мигрантов и т.п.). Материалом для данного исследования послужили высказывания консультантов отечественных и зарубежных просветительских центров, куда обращаются за помощью подростки и их родители [15; 16].

Императивный характер высказываний современного просветителя обусловлен целью его коммуникативного воздействия, которая может быть определена как побуждение

адресата к выполнению посткоммуникативных действий или, наоборот, к воздержанию от определенных действий. Иллокутивная сила многочисленных и разнообразных способов изъявления воли просветителя (прескриптора) направлена на психическое состояние, эмоции, ценностные категории и поведение просвещаемого (агенса). В этой связи следует подчеркнуть, что в исследуемом виде дискурса в большинстве случаев имеет место *добровольный* характер взаимодействия прескриптора и агенса, что выражается в возможности последнего в любой момент прервать коммуникацию и не выполнять требований прескриптора.

Прежде чем приступить к исследованию категории побудительности в конкретном виде дискурса, уточним, что в отечественной лингвистике для обозначения волеизъявления существуют термины «императив» и «побуждение», которые используются иногда как синонимичные. Термин «императив» трактуется в соответствии с разными лингвистическими традициями как речевой акт, функционально-семантическая категория или глагольная форма. Термин «побуждение» определяется некоторыми исследователями достаточно широко: как речевое действие, каузирующее действия другого лица. Вместе с тем, встречается и сужение объема данного понятия, например, побуждение – это тип речевого акта, при котором говорящий предлагает собеседнику совершить или не совершать каузируемое действие [10, 11]. Если побуждение выражает стремление говорящего воздействовать на адресата с целью изменения ситуации, то термин «побудительность» трактуется как «свойство людей и других явлений действительности каузировать изменение окружающей действительности» [5, 80].

С данной позицией коррелирует определение А.И. Изотовым побудительных (императивных) высказываний как сообщений, в которых «говорящий сообщает слушающему о необходимости и (или) возможности осуществления агенсом некоторого действия и пытается каузировать осуществление данного действия самим фактом своего сообщения, при этом необходимость и/или возможность осуществления агенсом данного действия может обусловливаться волеизъявлением одного из участников плана коммуникации и (или) его интересами» [6, 5]. Автор уточняет, что воздержание от действия также является своего рода действием, равно как сообщение о необходимости или сообщение о возможности может значить не только необходимость или возможность, но и отсутствие необходимости или отсутствие возможности [6, 10].

Существенный вклад в изучение феномена побуждения внесли труды второй половины прошлого столетия (Л.А. Бирюлин, Л.А. Сергиевская, В.С. Храковский, А.П. Володин, Ц. Саранцацрал, Е.А. Филатова, А.И. Изотов, А.Ю. Маслова). В работах этих ученых были определены способы выражения побуждения, выделены основные дифференциальные признаки видов побуждения, описаны коммуникативные ситуации основных видов побуждения (просьбы, совета приказания и др.).

Анализируя современные модели побудительного высказывания, можно обнаружить, что они опираются на основные принципы классификации речевых актов, раскрытые в классических работах Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля и А. Вежбицкой. Так, например, Л.А. Бирюлин, принимая за основу многоуровневое представление высказываний в теории речевых актов, предлагает структуру, учитывающую: 1) план прескрипции (= иллокутивный акт), который включает прескриптора, получателя прескрипции и исполнителя прескрипции; 2) план коммуникации (= локутивный акт), который включает говорящего, слушающего / слушающих (= получателя/получателей прескрипции) и лицо/лиц, не участвующее в коммуникативном акте, т.е. 3-е л. ед./мн.ч.; 3) план каузируемого положения вещей (= пропозициональный акт), который включает некое действие и его агенса (= исполнителя прескрипции); 4) перлокутивный план; 5) план референтов – участников ситуации [3, 38].

Обращаясь к вопросу о типологии побудительных высказываний, отметим, что сложность и многогранность явления побудительности, многообразие сфер его применения обусловили трудности создания единой классификации. В отечественной лингвистической

литературе выделено, по подсчетам В.С. Храковского и А.П. Володина, более 30 видов побудительных высказываний [12, 131–134]. Сюда исследователями отнесены приказ, требование, запрет, просьба, совет и предложение, что объясняется относительно жесткими, устоявшимися лексическими или конструктивными условиями их оформления. Кроме того, выделяются рекомендация, предположение, инструкция, команда, рецепт, указание, наставление, напоминание и др.

Различные критерии для дифференциации типов побудительных высказываний представлены в работах Е.И. Беляевой, Л.Г. Панина, С.А. Сухих, Н.И. Формановской и других авторов. Л.А. Бирюлин выделяет социально значимые интерпретации базового императивного значения [3]. М.М. Бикель анализирует экспрессивно-стилистические варианты побуждения [2]. Ряд исследователей представляет семантические интерпретации основного значения императива (И.С. Андреева, М.В. Косилова, А.И. Изотов и др.). Так, Е.В. Савельева выделяет лексико-семантические группы – наименования побудительных интенций [9], а М.Я. Гловинская анализирует лексемы, именующие речевые акты, и вводит ряд критериев, их различающих [4].

Изучение побудительных высказываний в прагматическом аспекте позволяет исследовать их различные иллокутивные функции. В классификации Е.И. Беляевой выделяются прескриптивные директивы, т.е. приписывающие действие адресату; реквестивные директивы, т.е. побуждающие к действию, совершаемому в интересах говорящего; суггестивные директивы, побуждающие к действию, совершаемому в интересах адресата [1, 15]. В качестве важных характеристик, выражающих прагматический аспект императивных высказываний, автор называет распределение первичных и вторичных ролей между участниками речевого акта, характер межличностных отношений, отношение коммуникантов к потенциальному действию. Последний аспект может быть оценен по двум параметрам: а) бенефактивность, т.е. соответствие интересам кого-либо из коммуникантов, б) желательность) [1, 11]. Это коррелирует с теорией А.И. Изотова, где выделены три модальные модификации императивности: с индикацией вероятности каузируемого действия (например, приказ, разрешение, инструкция); с индикацией мотивированности каузируемого действия (например, просьба) и с индикацией полезности для реципиента (например, совет) [6, 9–10].

В этой связи уместно упомянуть, что не в каждом случае можно определить тип побуждения. Об этом свидетельствуют диалоги, содержащие уточнения у говорящего, что он имеет в виду. Подобные случаи Е.А. Филатова описывает как «недифференцированное побуждение» [13, 21], а Н.К.Рябцева как «неопределенный текст» [8, 23], поскольку агенс, а иногда и сам прескриптор, не имеет ясного представления о собственных намерениях.

Обобщая исследования, представленные по данному вопросу в последние десятилетия, можно выделить следующие критерии для классификации типов императивных высказываний, используемых в современном просветительском дискурсе.

Первый критерий выражает *направленность* императивного высказывания (на агенса, агенса и прескриптора, третье лицо). Второй критерий характеризует степень *вероятности выполнения* каузируемого действия. Этот критерий имеет особое значение, поскольку выполнение агенсом посткоммуникативного действия свидетельствует о правильности подобранных прескриптором речевых средств воздействия и в целом об эффективности общения. Третий критерий позволяет описать *характер выражения* волеизъявления прескриптора (категоричный/мягкий, имплицитный/эксплицитный). Рассмотрим каждый из критериев в отдельности, проиллюстрировав их примерами из высказываний просветительского содержания.

Первый критерий для классификации типов побудительных высказываний выражает *направленность* императивного послания. В просветительском дискурсе императивное выказывание может быть адресовано как конкретному лицу (конкретным лицам), так и иметь размытую направленность. В первом случае для персонификации адресата используются имена собственные, наименования группы лиц, к которым

обращается прескриптор: *Lisa, überlege dir noch einmal, wie du deine Zeit verbringst. / Liebe Eltern, denken Sie daran! / Максим, проанализируй еще раз, кто из друзей на тебя как влияет.*

Во втором случае, например, в таком типе императивного высказывания, как ***призыв,*** прескриптор обращается, с одной стороны, к каждому, а с другой стороны, ко всем. Выполнение каузируемого действия важно и полезно для каждого и для социума в целом, но в силу размытости адресата не гарантировано: *Verbrennen Sie doch Kalorien statt Benzin! / Не загрязняйте окружающую среду!*

Следует назвать в этом ряду еще одну форму, промежуточную, когда призыв облачается в форму персонифицированного обращения-призыва. *Schau mal! Dein Leben ist um dich herum – nicht auf dem Bildschirm! / Подумай, что ты можешь сделать для спасения этих животных!* Автор использует форму 2 л. ед. числа (du/ты), однако имеет в виду адресата любого возраста, пола, социального положения.

В отечественной лингвистической литературе императивность традиционно классифицируется в зависимости от того, выражается ли побуждение по отношению к получателю/получателям текста, к совместному действию отправителя и получателя или к действию субъекта, не участвующего непосредственно в коммуникации.

Адресованность императивного послания в просветительском дискурсе может иметь различную фокусировку и быть направленной на агенса, агенса и прескриптора или на третье лицо. Эта позиция коррелирует с мнением А.И. Изотова, выделяющим три вида категориальных ситуаций: побуждение второго лица, инклюзивное побуждение и побуждение третьего лица [6, 9]. При этом следует разделить понятия «получатель императивного послания» (то есть адресат, слушающий или читающий) и «агенс» (то есть выполняющий каузируемое действие). В ситуации А адресат равен агенсу, ожидается выполнение им каузируемого действия, например: *Rauchen Sie nicht mehr! / Не курите больше!* В ситуации Б агенс равен адресат + прекриптор: *Wollen wir das zusammen besprechen. / Давайте мы это обсудим.* В ситуации В агенс не равен непосредственному участнику коммуникации (адресату или прескриптору), а равен третьему лицу: *Ihre Tochter sollte sich in diesem Fall an drug.com wenden. / Ваш муж должен обязательно поговорить с Вашим сыном.*

Второй критерий характеризует степень вероятности выполнения каузируемого действия. В соответствии с данным критерием можно выделить условно три степени вероятности выполнения каузируемого действия: высокую, среднюю и низкую.

Высокая степень вероятности выполнения каузируемого действия означает, что независимо от желания агенса действие будет им выполнено. Причина – избежание наказания или других негативных последствий от его невыполнения. К этой подгруппе можно отнести приказ, запрет и угрозу. Не следует забывать, что просвещаемый (посетитель сайта просветительской организации) вправе самостоятельно принять решение о выполнении или невыполнении каузируемого действия. Поэтому сложно представить себе случай в просветительской практике, когда побуждение может быть направлено «сверху вниз», а говорящий сможет занять авторитарную по отношению к адресату позицию и быть уверенным в том, что адресат выполнит каузируемое действие. Это обусловило тот факт, что такие «авторитарные» побудительные высказывания, как приказ и угроза, практически не представлены в современном просветительском дискурсе, а ***запрет*** – в самой незначительной степени. Примером последнего могут служить запреты родителям, чьи дети имеют проблемы с лишним весом: *Reagieren Sie auf keinen Fall mit Diäten oder Reduzierung oder Verboten von Nahrungsmitteln auf Übergewicht Ihres Kindes! / Ни в коем случае не смейтесь над избыточным весом Вашего ребенка!*

Средняя степень вероятности выполнения каузируемого действия означает, что действие, скорее всего, будет выполнено, поскольку прессупозицией является готовность агенса к этому, а прескриптор лишь направляет конкретные действия агенса. К этой группе можно отнести указание, инструкцию, рецепт и команду.

В качестве наиболее значимого для просветительского дискурса подтипа побуждения данной группы может быть выделено ***указание,*** то есть замечание, разъясняющее что-нибудь и указывающее, как действовать, например: *Beachten Sie insbesondere die positiven Seiten Ihres Kindes. / Обратите особое внимание на поведение Вашего ребенка во время приема пищи.*

Такая разновидность побудительных интерпретаций, как ***инструкция*** предполагает каузацию не столько единичного действия, сколько комплекса неких действий. Заметим, что в просветительском дискурсе инструкция не используется в том смысле, когда предполагается, что прескриптором выступает сила (инстанция либо лицо, облеченное полномочиями), регулирующая нормы служебного или социального поведения агенса (например, служебная инструкция), и за неисполнение приказания агенс будет наказан. Речь идет в большей степени об указании, содержащем описание *последовательности* действий, шагов для достижения определенной цели: *Der erste Schritt, dass Sie sich Hilfe holen. Der nächste Schritt ist, die Bewegungsangebote zu erweitern (gemeinsame Fahrradtouren und Spaziergänge). Im dritten Schritt ist es zu beobachten, in welchen Situationen Ihr Kind vermehrt isst.*

Низкая степень вероятности выполнения каузируемого действия означает, что выполнение действия зависит от желания агенса, и его невыполнение не повлечет за собой наказания. Сюда могут быть отнесены поучение (наставление), просьба, совет, призыв и др.

Совет рассматривается как вторжение в личностную сферу собеседника, поскольку советующий навязывает свое мнение, принимая на себя ответственность за последствия своего совета. Это позволяет исследователям проводить аналогии между советом и убеждением или даже приказом. В просветительском дискурсе прескриптор более деликатен в отношении личностной сферы собеседника, чем в бытовом дискурсе. Поэтому совет в целом менее настоятелен: *Es wäre für Sie und Ihre Tochter sicher eine Bereicherung, wenn Sie sich solchen Gesprächen nicht verschließen würden. / Я бы тебе посоветовала в этом случае …*

Третий критерий позволяет выделить степень и характер выражения «императивности». Основу императивности, по мнению многих исследователей, составляет авторитарная позиция прескриптора, признание агенсом обязательности исполнения каузируемого действия.

Специфика взаимоотношений просветителя и просвещаемого определяет особое поведение прескриптора. Чтобы не вызвать у агенса отторжения его советов и указаний, прескриптор стремится их завуалировать, «снизить императивность» или вообще скрыть ее под маской вопроса, предложения или предположения, то есть преподнести ее в такой форме, которая не является побудительным высказыванием в чистом виде.

В императивных высказываниях прескриптора мы обнаруживаем элементы обоснования, повторения, что может рассматриваться как средства (маркеры) «*снижения императивности*». Так, прагматической пресуппозицией ***убеждения*** является противление адресата к выполнению действия. Для того чтобы сломить сопротивление партнера, прескриптор вводит аргументацию, демонстрирует пользу и выгоду для агенса: *Sie können sich Unterstützung holen, denn nur dann können Sie damit vorbildlich zeigen, dass Sie kein Übermensch sind und Hilfe akzeptieren. / Вам обязательно нужно это сделать. Обязательно. В противном случае Вы потеряете доверие своего ребенка.* Многократное повторение высказываний с убеждающей интенцией, не содержащих, однако, убедительных для адресата аргументов, перерастает в *уговаривание*, что сигнализирует об усилении сопротивления агенса к выполнению действий.

Снижение императивности содержат и высказывания, выражающие *возможность* выполнения определенного действия, представленного изначально как лучший вариант: *Besser wäre es, wenn Sie einen ruhigen Augenblick suchen und dann offen über Ihre Vermutung sprechen könnten. / Было бы лучше, если бы Вы смогли сами поговорить с дочерью о своих подозрениях.*

Императивность может быть выражена ***эксплицитно***, в основном в форме повелительного наклонения. При этом используются следующие модели:

– императив: *Сделай(те) это!* или *Не делай(те) это!* / *Mach(en) (Sie) das (nicht)!* Например: *Schreib mal, wie oft du kiffst.* / *Не курите больше одной пачки сигарет в день.*

– совместное действие: *Давай(те) мы…!* Например: *Давай мы проанализируем поведение твоего друга.* / *Wollen wir zusammen das noch einmal besprechen.*

– модальные глаголы: *Ты должен заполнить этот формуляр и выслать мне.* / *Du sollst in einer Woche an mich noch einmal schreiben und ich gebe dir die Adresse, die du brauchst.*

Специфика взаимоотношений коммуникативных партнеров в просветительском дискурсе – просветителя и просвещаемого – вынуждает прескриптора осторожно и тщательно подбирать типы побудительных высказываний, преподносить свою волю ***имплицитно***, использовать формы не прямого, а косвенного побуждения (некатегориальной (косвенной) императивности) [5, 12]. В исследуемом виде дискурса косвенность побудительного высказывания достигается при помощи следующих средств.

А. **Вопросительные высказывания**, выражающие побуждение, могут строиться по следующим моделям:

– «может (быть)» + предикат (инфинитив, 1-2-е л. ед. или мн.ч.): *Может (быть) обратиться (обратимся/ обратишься/ обратитесь) к твоему / вашему другу?*

– «(а) не» + предикат + (ли/бы): *Не лучше ли тебе обратиться к твоему другу? А не обратиться ли тебе к твоему другу?*

– «почему (бы)» + агенс (в дательном падеже) + не + инфинитив: *Почему бы тебе не обратиться к твоему другу?*

– «(а) что если» + агенс (в дательном падеже) + инфинитив: *А что если тебе обратиться к твоему другу?*

– «(а) как насчет того, чтобы» + инфинитив: *А как насчет того, чтобы обратиться к твоему другу?*

Немецкий просветитель также использует вопросительные высказывания с побудительной интенцией, например*: Kannst du vielleicht nur eine Schachtel Zigaretten pro Tag rauchen?* Модальные и другие глаголы встречаются в основном в сослагательном наклонении, что также минимизирует воздействие на собеседника: *Könntest du vielleicht nur eine Schachtel Zigaretten pro Tag rauchen? Wäre es vielleicht besser, darüber mit deinen Freunden zu sprechen?*

Б. **Декларативные (утвердительные) высказывания**, выражающие побуждение, могут содержать следующие элементы:

– агенс + глагол в настоящем времени: *Я предлагаю тебе программу (отвыкания от курения. – С.П.) на неделю, ты пишешь мне каждый день небольшой отчет*. / *Also du füllst einmal pro Woche diese Tabelle aus und schickst sie an mich.*

– прескриптор + глагол в настоящем времени: *Ich warte mit Ungeduld auf deine Antwort.* / *Я жду твоих комментариев.*

– прескриптор + модальный глагол в изъявительном / сослагательном наклонении: *Я хочу / хотел бы услышать твои комментарии.* / *Ich würde mich über deine E-Mail freuen.*

– глагол в настоящем времени + оценка действий адресат: *Напрасно ты это делаешь*. / Schade, dass du dich an deinen Freund nicht wendest.

– глагол в сослагательном наклонении + оценка потенциальных действий: *Было бы хорошо, если бы ты обратился за помощью к другу.* / *Es wäre sinnvoll (gut), wenn du dich an deinen Freund wenden würdest .*

– глагол в будущем времени + прескриптор: *Я буду ждать тебя в чате завтра ровно в пять. / Ich werde mit Ungeduld auf deine Kommentare warten.*

– глагол в будущем времени + агенс: *Будет лучше, если ты немного помолчишь! Es wird besser sein, wenn du deinen Eltern die Wahrheit sagst.*

– модальный глагол / модальное слово: *В данном случае нужно обратиться к врачу.* В немецком языке всегда присутствует подлежащее (агенс в именительном падеже): *Man sollte / könnte sich an den Freund wenden / In diesem Fall solltest du dich an den Freund wenden.*

Следует отметить, что в некоторых моделях агенс выводится из дискурса, а на первый план выходит прескриптор. Сравним вопросительные конструкции с побудительной интенцией, ориентированные на агенса (*Ты можешь ответить мне на следующий вопрос? / Könntest du mir deine Telefonnummer geben?),* с конструкциями, ориентированными на прескриптора (*Могу я получить ответ на следующий вопрос?/ Könnte ich deine Telefonnummer haben?).* Очевидно, что ***дистанцирование агенса от побуждаемого действия*** создает эффект снижения императивности.

Итак, императивные высказывания, используемые в современном просветительском дискурсе, могут быть классифицированы по таким критериям, как вероятность выполнения каузируемого действия, направленность императивного высказывания, степень и характер выражения «императивности». Специфика взаимоотношений коммуникантов в данном виде институционального дискурса (коммуникативная цель прескриптора, добровольный характер участия агенса в коммуникации) определяет, с одной стороны, использование прескриптором побудительных высказываний, с другой стороны, его активный поиск средств скрытого (косвенного) побуждения. В качестве основных средств «снижения императивности» выступают вопросительные и утвердительные конструкции, выражающие побудительную интенцию предоставления агенсу видимости выбора, представление побуждения как необходимости или выгодного действия, выведение агенса из дискурса.

1. *Беляева Е.И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.*
2. *Бикель М.М. Языковые средства выражения побудительности и их стилистическое значение (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1968.*
3. *Бирюлин Л.А. Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994.*
4. *Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.*
5. *Гурова Н.В. Категория побудительности и ее функции в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 79–86.*
6. *Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2007.*
7. *Маслова А.Ю. Средства выражения побудительного значения в сербо-хорватском языке в сопоставлении с русским: автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 1998.*
8. *Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 12–28.*
9. *Савельева Е.П. Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-рагматическое истолкование: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1991.*
10. *Саранцацрал Ц. Речевые акты побуждения, их типы и способы выражения в русском языке: автореф. дис. … докт.филол. наук. М., 1993.*
11. *Сергиевская Л.А. Сложное предложение с императивной семантикой в современном русском языке: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1995.*

12. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2002.
13. Филатова Е.А. Побуждение и императив: Способы выражения побуждения по-русски (материалы к спецсеминару). М., 2002.
14. Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5/6. С. 34–40.
15. Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung. URL: http://www.bzga.de (дата обращения 24.12.2013).
16. НетЗависимости. URL: http://www.netzavisimosti.ru/narcomania/forteachers/ (дата обращения: 4.12.2013).

Т.М. Свиридова
T.M. Sviridova

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАТОРЫ НЕОБХОДИМОСТИ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ СОГЛАСИЯ И НЕСОГЛАСИЯ

SEMANTIC MODIFIERS OF NECESSITY IN THE SPEECH ACTS OF AGREEMENT AND DISAGREEMENT

В статье исследуются семантические модификаторы необходимости, которые используются в речевых актах согласия и несогласия и определяют их прагматические особенности.
Ключевые слова: *речевые акты согласия и несогласия, модификаторы необходимости.*

The article deals with semantic modifiers of necessity that are used in the speech acts of agreement and disagreement and define their pragmatic peculiarities.
Key words: *speech acts of agreement and disagreement, modifiers of necessity.*

В процессе речевого общения активно используются ответные реакции согласия и несогласия, которые реализуют коммуникативные цели говорящего, воздействуют на восприятие мира и способы его структурирования.

Речевые акты согласия и несогласия находятся в пространстве психической реальности, ощущений, желаний, оценок, чувственных потребностей и других проявлений действий человека. Язык фиксирует вариативность оформления реакций согласия и несогласия, их многогранность выражения. В частности, в конструкции со значением согласия и несогласия включаются модификаторы с различными коммуникативно-смысловыми «приращениями». Так, семантические модификаторы необходимости/долженствования определяют своеобразие субъективного отношения говорящего, направляют в то или иное русло общения.

В речевом акте отношение согласия/несогласия демонстрируется как адекватная реакция, отражающая гибкость мыслительной деятельности человека и соответствующая нормативным коммуникативным требованиям. В речевых ситуациях согласие/несогласие определяется как необходимое, о чем свидетельствуют модификаторы ‘должен’, ‘надо’, ‘нужно’, ‘необходимо’, ‘следует’, ‘стоит’, ‘вынужден’, ‘придется’, ‘заставит’ и под., которые характеризуются мотивом побудительности.

Согласие/несогласие как необходимый акт с элементом обязательности оформляется основным модификатором ‘должен’, а также целым рядом других модификаторов, определяющих аспекты предписания, отражающих «принятые стереотипы» [4, 123], предположения [3, 14; 11, 227], и приобретает характер умозаключения [12, 174].

«Модальность долженствования таким образом характеризует ситуацию, что нереализация действия повлечет за собой негативные последствия для субъекта действия, следовательно, семантика долженствования включает в себя и эндогенные факторы (отношение субъекта к данной ситуации)» [6, 49–55].

Необходимость оформления реакций согласия/несогласия связана с конкретными обстоятельствами, которые: 1) являются объективными, «морально обязывающими» [5, 247] стимулами. Актуализация необходимости согласия/несогласия выступает как акт обязательный, обусловленный некими обязанностями: *Нужно соглашаться с позитивными начинаниями правительства; Надо не соглашаться с незнайками в правительстве* (Из радиоинтервью) (ср.: необходимость реализации актов согласия/несогласия влечет за собой компонент ситуации целесообразности); 2) указывают на использование определенного круга знаний, способствующих подтверждению достоверности сделанного вывода. Согласие/несогласие является необходимым речевым актом, который должен быть положен в основу представления положения дел.

Знания о мире говорящего сталкиваются с иными существующими знаниями и «вынуждают» его прийти именно к обозначенному мнению [5, 247]. Предположение о необходимости выражения согласия/несогласия имеет высокую степень уверенности говорящего, которая подчеркивается предикатом ‘должен’ [1, 193]: *Я должен согласиться с его теоретической концепцией.*

Необходимость согласия/несогласия с конкретным объектом речи, который обозначен словоформой в творительном падеже, является актуальным, контролируемым актом:

1) позволяющим реализовать действие, намеченную цель (ср.: придаточное цели с союзным средством ‘чтобы’ находится в препозиции): *Чтобы быть женой спортсмена высокого класса, надо соглашаться с эгоизмом мужа* («Комсомольская правда». 1999. 6 марта); *Чтобы не нарушать принципа индивидуальности, нужно не соглашаться с тем, что…* (журнал «Русская школа»);

2) приводящим к логическому выводу (ср.: слово ‘поэтому’ актуализирует результативно-следственное отношение): *Надо согласиться с тем, что причина всего лежит не в прошлом, а в будущем, поэтому небо одновременно и ужасает тайной, и рождает надежду своей грозной красотой, которая существовала и будет существовать во веки веков* (Ю. Бондарев);

3) демонстрируемым как обязательное предписание, обусловленное не количественно-качественной характеристикой предмета речи (ср.: ‘мало’, ‘велико’), а объективными факторами (подразумеваемое препятствие противопоставляется (ср.: маркер ‘все-таки’) признанному наличию действия). Соответствующая обязанность носит конституирующий характер [3, 19]: *Независимо от того, насколько мало или велико воздействие ваших слов, вы должны согласиться, что воздействие все-таки существует* (Р. Энтони);

4) связанным с возможностью ограничения действия (ср.: контекстные показатели ‘только’ и ‘(с) многим’, ‘с двумя’)): *Мне надо было соглашаться работать только премьер-министром* («Комсомольская правда». 1999. 24 сентября); *Актер должен не соглашаться с многим* (Из телеинтервью); *Следует согласиться с двумя главными причинами обнаруженных непоследовательностей в описании структурных схем* (В. Конева);

5) побуждающим к солидаризации с мнением автора (используется прямая референция), которое кажется наиболее приемлемым/неприемлемым. Рекомендательный характер позиции согласия/несогласия свидетельствует о результативном акте, подтверждает объективность утверждения, придает ему большую убедительность и снижает признак авторитарности.

Предложение о необходимости актов согласия/несогласия актуализирует мысль автора, которая не претендует на острую дискуссионность, на выявление ошибочности

утверждения и которая претендует на безоговорочное признание. Таким образом, вывод-согласие/несогласие с семантическим компонентом ‘побуждение’, который передается косвенными продуктивными средствами – глаголами ‘следует’, ‘стоит’ [12, 182], включает информацию о мотиве необходимости: *Следует согласиться с писателем В. Максимовым: «исчезновение с лица Земли народов и государств всегда начиналось с утраты языковой культуры, с капитуляции перед лингвистической экспансией»* (А. Огнев); *Следует согласиться с мнением философа Г.Д. Гачева о том, что плодами истории являются и цивилизации, и культуры* (И. Ильин).

Целесообразность согласия/несогласия обусловливается оценочной аргументационностью: *Стоит согласиться с мнением А.П. Юшкевича, объясняющего этот факт тем, что студенты академического университета основательно изучали иностранные языки* (О. Саввина) (ср.: оценочный маркер ‘основательно’ характеризует эффективность действия).

Категорическое побуждение к согласию/несогласию, обусловленное влиянием существующих обстоятельств, не зависящих от воли говорящего, и вынужденных внутренних решений субъекта речи, передается модификаторами ‘вынужден’, ‘придется’, ‘заставит’ и под. Значение побудительности сочетается с понуждением к согласию/несогласию, предпосылки которого связаны с целым комплексом причин социально-психологического характера [7, 29]. Апеллятивность оказывается отнесенной и к собеседнику, и к самому говорящему. Воздействие неких обстоятельств [5, 247] побуждает коммуниканта изменить отношение к предмету речи, признать/не признать конструктивную значимость факта среди неоднородных событийных связей.

Говорящий формулирует собственное отношение к содержанию коммуникации, преодолевая внутренние устойчивые решения, противоречия, которые сталкиваются с возникающими внешними обстоятельствами, правилами, уместными и неуместными речевыми актами. В фокусе вынужденности находятся факторы, побуждающие и принуждающие к согласию/несогласию.

Компонент вынужденности, сопровождающий несогласие, объясняется неполной информированностью о предмете речи, а следовательно, неверным, недостоверным трактованием конкретного факта со стороны собеседника (ср.: тактично приписывается сниженная оценка – ‘невнимательные’), подтверждается указанием на качественно-количественную характеристику явления (ср.: высокая степень оценки актуализируется в сочетании слов ‘очень много’) в противоположность на обозначенный отрицательный аспект действия (‘несоответствие норме’ – ср.: эксплицируется семантический компонент ‘не находят должного внимания’) и имеет функцию, которая способствует ослаблению категоричности отношения: – *Русский национальный костюм продолжает питать идеями многих парижских кутюрье и лишь у себя дома не находит должного внимания. – Вынуждена не согласиться с невнимательными иностранцами. Русских традиций в нашей моде – очень много* («Московские новости». 2004. № 12).

Знания о мире помогают понять речевую тактику. Так, согласие служит коммуникативной иллюстрацией несогласия с настоящим (катастрофическим) положением дел. Побуждение к согласию вызвано справедливым утверждением собеседника и ответственным отношением говорящего к масштабной проблеме, затрагивающей глобальные интересы общества. В контексте согласие манифестируется как вынужденное (хотя реакция вполне закономерная), потому что за данной тактикой скрывается отрицательное отношение к сложившейся неблагоприятной ситуации (так, осуществленные действия (ср.: маркер отрицательного результата ‘не осталось зон’) предопределяют ситуацию угрозы). Применительно к акту согласия мотив вынужденности имеет негативный характер и требует осознания коммуникативного хода: – *Создается впечатление, что у нас практически не осталось зон, закрытых для проникновения иностранных спецслужб. – Вынужден согласиться с вами* («Аргументы и факты». 1995. № 23).

Принуждение к согласию/несогласию обусловливается высоким социальным статусом партиципанта, что дает ему возможность контролировать ход событий. Используемый способ для достижения цели (получить согласие/несогласие от собеседника) «не самый лучший, но говорящий вынужден избрать его, так как остальные способы “отсекаются” сложившимися обстоятельствами» [11, 244–245]. «Плохое средство достижения цели говорящий выбирает для того, чтобы избежать гораздо большего зла, к которому приведет бездействие» [9, 71].

Лексема ‘пришлось’ указывает на вынужденный характер действия адресанта, принудившего к согласию собеседника с высказанным предложением: *Ему пришлось использовать должностное превосходство, которое заставило партнера коммуникации согласиться с его предложением* (Из радиоинтервью).

Однако такого рода принуждение к согласию/несогласию может иметь и отрицательный подтекст, когда партиципант реализует собственные инициации в угоду личным интересам: *Мэр был уверен, что его должностное положение заставит согласиться подчиненного на любое предложение с его стороны* (Из радиоинтервью).

Вынужденное согласие/несогласие спровоцировано предложенной моделью поведения, в рамках которой находятся партиципанты, но один из которых обладает абсолютным правом принимать решения. Принуждение к согласию/несогласию порождает конфликтные отношения и нарушает коммуникативный кодекс. Адресату, который находится в зависимости от обстоятельств и вынужден соглашаться/не соглашаться, сложно соответствовать нормам ситуации, поскольку его призывают к соблюдению заданного отношения.

Конкретная информация становится актуальным предметом обсуждения и побуждает на фоне диалогического сотрудничества выразить отношение к ней. Отношение вынужденности, актуализирующее согласие/несогласие и маркируемое лексемами *приходится/придется/пришлось,* базируется на истинных предпосылках утверждения, уверенном предположении, закономерном (правильном) выводе. Вынужденное согласие/несогласие обусловливается:

1) наличием существенной информации, которая входит в общий фонд знаний и достоверность которой характеризуется высокой/низкой степенью вероятности. Мнение коммуниканта основывается на исключительном знании истинного положения предмета речи: *Достаточно сказать, что с тех пор, как Тургенев, Толстой, Чехов, Достоевский вошли в мировую библиотеку наряду с величайшими писателями, начиная от Гомера, они оттуда так и не выходили. Приходится согласиться с наблюдением писателя* («Дружба народов». 1990. № 7);

2) уточняющими причинно-следственными факторами, которые вербализуют: а) отрицательный аспект актуальной ситуации (ср.: негативная оценка действий заключена в словосочетании ‘плебейские пляски’): *Им придется согласиться на все требования Явлинского: другого выхода нет, потому что все остальные участвовали в плебейских плясках* («Новая газета». 1995. № 18); и б) позитивную оценку действия (ср.: закономерное осуществление действия (‘поправил’) способствует созданию более эффективного результата, заложенного в глубинной семантике словосочетания ‘так точнее’): *Вполне нормальная фраза, но Коржаков поправил «со мной» на «при мне». Пришлось согласиться: так точнее* («Комсомольская правда». 1995. № 25).

Таким образом, позиция согласия/несогласия, актуализируемая как необходимая, «проходит через этап оценки, который определяет выбор» [4, 122], и должна соответствовать тому, что предписывается осуществить. Аспект необходимости проецируется на систему отношения согласия/несогласия и проявляется на разном уровне интенсивности побудительного акта – предложения, рекомендации, долженствования, обязательства, неизбежности, вынужденности, принуждения и др. Необходимость реализации согласия/несогласия определяется каузирующими действиями. Побудительный характер, который приобретает реакция согласия/несогласия, проявляется при конкретных условиях, относится к «периферийной сфере некатегориальных значений», к

«разноуровневым комбинированным способам выражения семантики, содержательно аналогичной категориальным значениям» [2, 188]. Переменным семантическим признаком является оценка необходимости осуществления согласия/несогласия по отношению к установленному речевому акту. Побуждение говорящего к выражению согласия/несогласия, направленное адресату или предназначенное самому себе, является необходимым актом, применяемым с целью возможной реализации запланированных действий. В результате, «характеризуя ту или иную ситуацию как облигаторную, говорящий тем самым побуждает адресата к выполнению действия» [8, 155–156]. Такое «высказывание вынужденности (каузальное долженствование) характеризуется наиболее ярким экспрессивным значением [10, 328].

1. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

2. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Концепт долга в поле долженствования // Культурные концепты. М., 1991. С. 3–21.

4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М., 2000.

6. Монина Т.С. Влияние семантики предиката на возможность трансформации простого предложения // Семантика слова и словоформы в тексте. М., 1988. С. 49–55.

7. Поройкова Н.И. К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: межвуз. сб. научных трудов. Л., 1985. С. 25–35.

8. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1990.

9. Труфанова И.В. Предикаты должен, надо, нужно как индикаторы речевых актов // Исследования по семантике и прагматике языковых единиц: межвуз. сб. научных трудов. Уфа, 2001. С. 64–76.

10. Туровская С.Н. Модальность долженствования и экспрессивность: об актуализации импрессивного смысла высказывания в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка / Сост. М.Л. Ремнева и др. М., 2004. С. 328.

11. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова: Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М., 1996.

12. Ярыгина Е.С. Конструкции вывода-обоснования в синтаксической системе современного русского языка: монография. М., 2002.

В.Б. Филатова
V.B. Filatova

ЛЕКСИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ АКТАНТНЫХ ПОЗИЦИЙ В ЛОКАТИВНО-ПОСЕССИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МЕСТОИМЕННО-ИНФИНИТИВНЫМ ОБОРОТОМ

LEXICAL CONTENT OF THE ACTANT POSITIONS IN LOCATIVE POSSESSIVE SENTENCES WITH PRONOMINAL-INFINITIVAL CLAUSE

В данной статье анализируются предложения типа Мне / У меня есть что читать, которые являются одними из самых дискуссионных конструкций, содержащих инфинитив, с точки зрения их семантики, структуры и функционирования. В фокусе нашего внимания находятся обязательные семантические актанты данных построений и их лексическое наполнение.
Ключевые слова: *адресат, актант, информативный минимум, локализатор-посессор, объект, субъект.*

In this article we are talking about the sentences Мне / У меня есть что читать, which are among the most controversial constructions containing the infinitive, in terms of their semantics, structure and function. We focus our attention on the obligatory semantic actants of these constructions and their lexical content.
Key words*: addressee, actant, informative minimum, localizer-possessor, object, subject.*

Последовательное и непротиворечивое описание семантико-синтаксической организации и функционирования предложений различных типов обеспечивает используемый семантико-функциональным синтаксисом поаспектный метод анализа в сочетании с актантным подходом к их описанию. В данной статье речь идет о предложениях типа *Мне / У меня есть что читать*, которые мы, вслед за В.Ю. Копровым, называем локативно-посессивными предложениями с местоименно-инфинитивным оборотом [3, 87–98].

Данные конструкции выходят за рамки информативного минимума простого предложения и являются **полуторапредикативными** построениями, так как содержат **две** отраженные сознанием предметные ситуации (о типологии синтаксических единиц см. [4]). Одна из них эксплицируется инфинитивной конструкцией в частично **свернутом** виде (наиболее важный для говорящего компонент свернутой ситуации заменяется местоимением, то есть прономинализуется: *чем, о чем, кем, куда, кому, из-за чего* и т. д.), а входящий в ее состав признак (отношение) не получает полного предикативного оформления.

Инфинитивный оборот включается в качестве компонента в состав предложения, передающего вторую предметную ситуацию, которая выдвигается говорящим на передний план и передается в развернутом виде предикативной конструкцией – предложением: ***Мне (у меня)*** (локализатор-посессор) ***есть*** (глагол обладания) ***что*** (прономинализованный объектный компонент свернутой ситуации) ***читать*** (о прономинализации актантов см. [2]). Таким образом, предложения данного типа имеют статус переходных между простыми осложненными и сложными и заслуживают особого внимания, поскольку в обширной литературе остаются не вполне разрешенными вопросы относительно их структуры и семантики.

При обстоятельном анализе устройства предложения того или иного семантико-структурного типа необходимо учитывать так называемое **лексическое наполнение синтаксических структур**. Проблема взаимодействия лексики и грамматики в предложении занимает большое место в работах ведущих современных синтаксистов. Так, Г.А. Золотова, указывая на взаимообусловленность структурных схем предложения и их лексического наполнения, говорит о том, что схемы, как и понятия, обязаны своим существованием лексическому наполнению [1].

Взаимодействие синтаксических и лексических единиц проявляется на уровне лексико-грамматических вариантов семантической структуры предложения, описание которых внутри той или иной инвариантной семантической структуры производится с учетом подразделения частей речи, занимающих в предложении как признаковую, так и актантные (предметные) позиции, на более мелкие грамматически значимые группировки слов – лексико-грамматические разряды [3, 100–104]. Обязательными предметными актантами семантической структуры предложений являются субъект, объект, адресат и локализатор [3].

I. Субъектную позицию в локативно-посессивной части исследуемых конструкций, как правило, занимает актант (локализатор-посессор) в форме дательного падежа без предлога (*мне)* или в форме родительного падежа с предлогом *у (у меня),* выраженный:

одушевленными именами существительными (антропонимами, зоонимами): ***Проектировщикам*** *было где развернуться* («Известия», 2002.08.18.); ***Детям*** *будет где порезвиться* («Домовой», 2002.12.04.); *Мы убеждаемся –* ***человечеству*** *есть куда идти* (С. Довлатов); ***Кошке*** *будет куда засунуть свой любопытный носик* («Комсомольская правда», 2004.12.14.); *Из ельника* ***соболю*** *податься некуда* (Ю. Сбитнев); ***Сверчкам*** *было куда спрятаться* («Комсомольская правда», 2002.01.19);

неодушевленными именами существительными, обозначающими:

абстрактные понятия: *Детскому* ***воображению*** *есть где разгуляться* («Комсомольская правда», 2005.12.16.); *Но* ***жизни*** *есть где жить и* ***страсти*** *есть куда прыгать…* (Б. Пастернак); природные явления: ***Воде*** *было где разгуляться* (Б. Пастернак); ***Огню*** *было некуда деться* (В. Кетлинская);

технические средства: ***Машинам*** *было негде проехать* (Комсомольская правда, 2007.10.30); *Но здесь негде стоять* ***пушкам****…* (В. Степанов);

части тела: *Было отчего закружиться* ***голове*** (А. Сахаров); ***Губам*** *зимой защищаться совершенно нечем* («Собеседник», 2002 01.10);

другие конкретные понятия: *Некуда деваться* ***следу****. Где-то он тут* (А. Авдеенко); ***Конкурсу*** *есть куда развиваться, а значит, он будет жить* («Известия», 2007.12.24).

В качестве субъекта может использоваться любая часть речи, способная субстантивироваться или употребляться в значении имени существительного: *На самом деле* ***бездомным*** *есть куда пойти* («Комсомольская правда», 2001.02.12); ***У разыскиваемых*** *есть что передавать…*(В. Богомолов); *Зато* ***собравшимся*** *было что спросить у Ходченковой* («Труд-7», 2010.02.15); *Им* ***обоим*** *было что оценить* (М. Вишневецкая). Часто в качестве субъектного компонента выступают **личные местоимения и местоимения других разрядов**: ***У них*** *будет куда потратить свободные средства* (РБК Daily, 2008.04.24); *По счастию,* ***у нее*** *есть куда идти…* (П. Александров); *Теперь* ***мне*** *есть где*

ночевать – на скамейке у коменданта (Ю. Герман). ***Этому*** *есть где схорониться* (В. Бианки); ***Многим*** *есть что скрывать* (М. Баконина); ***А кому-то*** *просто некуда будет ставить машину…* («Новая газета» в Воронеже, 2004.08.20); *Люди,* ***которым*** *было куда уехать, уезжали.* (Н. Берберова); *Глаза бегают только у тех,* ***кому*** *есть что скрывать* («Комсомольская правда», 2002.09.17).

Личные местоимения, выступая в качестве субъектного компонента предложений исследуемого типа, нередко сопровождаются уточнениями и пояснениями: *И* ***нам, православным****, есть что предложить здесь государству и обществу* («Журнал Московской патриархии», 2004.10.25); ***Им, фронтовикам,*** *есть что вспомнить* («Московский комсомолец», 2003.02.19).

Особенности функционирования форм *мне / у меня* в данных предложениях связаны с возможностью совпадения / несовпадения локализатора-посессора с субъектным актантом потенциального действия, названного инфинитивом.

В случае **совпадения** номинативного содержания данных актантов указанные формы выступают как вариантные, например: ***У меня / мне*** *есть что (мне) читать*. Анализ фактического материала подтверждает, что между предложениями с данными формами имеются семантико-функциональные различия: в предложениях с формой *у кого* акцентируется значение посессивности: *У меня было что (мне) надеть*, а в предложениях с формой *кому* – модальное значение возможности / невозможности осуществления действия, выраженного инфинитивом (*Мне было когда (Мне можно было) общаться с друзьями*).

В случае **несовпадения** номинативного содержания локализатора-посессора с субъектным актантом местоименно-инфинитивной части в предложении эксплицируются и форма *у кого* (локализатор-посессор), и форма *кому*, например: ***У нас*** *есть что* ***вам*** *почитать*. При обобщенности или соответствующей контекстной поддержке субъект свернутой ситуации не эксплицируется: *А* ***у него*** *есть где поработать* (А. Энгельгардт); ***У них*** *совершенно нечего красть* (Т. Устинова).

II. Объектный компонент, являясь обязательным в структуре локативно-посессивных предложений с местоименно-инфинитивным оборотом, обычно выражается **неодушевленными именами существительными,** обозначающими:

абстрактные понятия: *Ребятам будет, где показать свое* ***мастерство*** («Советский спорт», 2007.07.17); *На Кавказе было где искать* ***вдохновения****…* (П. Висковатый); *Главарю и его подельникам было неоткуда ждать* ***беды*** («Комсомольская правда», 2006.01.18);

технические средства: *В Москве есть где покупать* ***машины!*** («Труд-7», 2001.04.02); *За лето расчистили пруды и канавы – есть где заправить* ***цистерны****…*(«Труд-7», 2002.11.01); *Мне было негде достать небольшие* ***сверхмагнитики****…* («Техника – молодежи», 1974);

части тела: *Гостям предстоящей Олимпиады будет где приклонить* ***голову*** *на ночь* («РБК Daily», 2005.07.27); *На малой родине есть где приложить ум и* ***руки*** («Труд-7», 2002.05.16);

другие конкретные понятия: *Теперь в Петербурге есть где попить* ***кофе****…* (Е. Козырева); *Земли у вас много, есть где тренироваться и строить хорошие* ***трассы*** («Хулиган», 2004.08.15).

Объектный компонент исследуемых предложений также может выражаться **одушевленными существительными** (антропонимами и зоонимами): ***Детей*** *было некогда рожать* («Октябрь», 2003); *Противопаводковая комиссия уже предприняла меры, чтобы в случае наводнения было куда переселять* ***людей*** («Труд-7», 2001.03.28); *Будет куда поместить и* ***жену*** *твою и тебя: дом у меня преогромный* (А. Дружинин); ***Мыша*** *есть где разводить…* (А. Серафимович «Мышиное царство»).

Объектный компонент может выражаться **личными местоимениями и местоимениями других разрядов**: *Пришли новые образцы,* ***их*** *было некуда ставить* («Труд-7», 2009.04.20); *У нас есть где построить* ***все****, что необходимо туристу* (Ю. Казаков); *В 1920 году добыча упала до 176 млн. пудов, но и* ***те*** *было некуда девать…*

(«Химия и жизнь, 1969); *Какие молодые актеры, если* ***своих*** *было некуда девать* («Искусство кино», 2003.06.30).

Также в качестве объектного компонента могут использоваться прилагательные, причастия и другие части речи, способные субстантивироваться или употребляться в значении имени существительного: *Теперь жителям этого «спального района» столицы будет где провести* ***выходные*** («Комсомольская правда», 2002.12.24); *У нас есть где расселить* ***нуждающихся*** (устная речь).

III. Адресат в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом, как правило, выражается **антропонимами**: *Преданному болельщику есть что сказать своим любимым* ***игрокам*** («Советский спорт», 2011.01.31); *Нам есть что показать* ***туристам*** («Комсомольская правда», 2010.04.27); *Городу есть что предложить* ***инвесторам*** («Известия», 2009.08.30).

В редких случаях адресат может быть выражен **зоонимами**: *Нам есть что предложить* ***животным*** *вашего питомника* (устная речь); *У нас уже есть что подарить* ***кошке*** *– кошкин дом* (устная речь).

Адресат в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом может быть выражен **неодушевленными именами существительными,** обозначающими:

разного рода абстрактные понятия: *Вам будет что противопоставить* ***усидчивости*** *коллеги* («Труд-7», 2010.06.23); *Им есть что противопоставить* ***приходу*** *западных игроков* («РБК «Daily», 2006.05.30); *Мне нечего сказать* ***современности*** (К. Вагинов);

технические средства: *Беда Т-44 в том, что ей нечего делать в боях с 9–10 уровнями, где ей нечего противопоставить* ***танкам*** *выше уровнем* (imtw.ru|topic|8385-T-44| page-st-20, 04.04.2013); *России нечего противопоставить американскому* ***истребителю*** *пятого поколения* (www.kprf.org, 04.04.2013); *Как вы видите, совершенно нечего противопоставить планшетному* ***компьютеру*** *Nexus7* (www.gadgetblog.ru, 04.04.2013);

части тела: *Мне есть за что быть благодарным* ***моей голове*** (устная речь);

другие конкретные понятия: *Им даже нечего отдать* ***банкам*** *в залог под кредиты* («Труд-7», 2001.05.08).

Адресат здесь также может выражаться местоимениями: *Значит, у вас было что сообщить* ***мне*** (Э. Володарский); *Мне, старой актрисе, есть что рассказать* ***вам*** *о женской природе* («Столица», 1997.12.08); *В общем, женщинам было что поведать* ***мне****, молодой и неопытной* (Л. Смирнова «Моя Любовь»); *И в Гуанчжоу ему есть что показать* ***нам*** («Известия», 2005.12.06);

В качестве адресата в предложениях исследуемого типа могут использоваться субстантивированные части речи: *Наверняка ему будет что сказать своим* ***подчиненным*** («Советский спорт», 2005.09.19); *У меня будет что подарить* ***любимой*** (В. Голованов).

IV. В разделяемой нами концепции информативного минимума предложения одним из обязательных актантов семантической структуры является **локализатор**, функцией которого является соположение в пространстве или во времени субъектного или объектного актанта, а также всей ситуации в целом. Типичными способами его выражения являются предложно-падежные формы неодушевленных имен существительных, представленных такими лексико-грамматическими разрядами как топонимы, неконкретные существительные, конкретные существительные, в том числе производные от действий явления, а также так называемые «самодвижущиеся» технические средства и «части тела». Локализатор может быть представлен и антропонимами. Приведем примеры.

Локализатор **в локативно-посессивной части предложения**: ***В багажнике*** *есть что взять* («Труд-7, 1993.02.05); ***В бою*** *было некогда спрашивать, теперь поздно* (Б. Горбатов); ***В поезде*** *нам было что почитать* (устная речь); *Ты это понимаешь, и* ***в твоей седой голове*** *есть что посоветовать твоему конунгу* (Б. Васильев); ***Здесь*** *у них есть чему поучиться* («Труд-7», 2007.07.27).

Локализатор **в местоименно-инфинитивном обороте**: *Главное, чтобы **в сумку** было что положить* (устная речь); *Есть кому жить **в памяти** человечества* (Ф. Кривин); *Нам незачем переезжать **Бог знает куда*** (устная речь).

Локализаторы имеются **в обеих частях предложения:** *В пик сезона даже палатку **на** его **территории** бывает **негде** поставить* («Известия», 2006.09.22); *«Снежному человеку» есть **где** прятаться **в окрестностях*** («Комсомольская правда», 2006.09.15); *Вообще Земфира довольно часто бывает в родном городе, но с тех пор как она обзавелась в Москве собственной жилплощадью, ей есть **где** принять **в столице** уфимских родственников* («Комсомольская правда», 2004.08.26); *Ожидали зюйд-вестовых ветров и громадного волнения, которому было **где** разгуляться **в** огромном **бассейне**, чистом от самого полюса…* (И. Гончаров); *А силы **в деревне** есть **где** приложить* («Труд-7», .2001.01.31); ***В Чинандегу** есть **где** развернуться технике* («Вокруг света», 1984).

Отметим, что в данных предложениях прономинализованный локализатор (*где/негде*) уточняет и конкретизирует непрономинализованный локализатор.

Итак, анализ фактического материала показал, что для выражения обязательных актантов семантической структуры предложения могут использоваться существительные всех лексико-грамматических разрядов. При этом субъектный компонент в интересующих нас конструкциях преимущественно представлен одушевленными именами существительными и личными местоимениями, объект чаще выражен неодушевленными существительными, но может лексикализовываться и антропонимами, и зоонимами. Адресат, как правило, выражается антропонимами, зоонимами он практически не представлен, но может быть выражен неодушевленными именами существительными. В актантных позициях в функции существительного часто используются местоимения различных разрядов, прилагательные, причастия, числительные и словосочетания.

Исследование лексического наполнения признаковой позиции в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом предполагается в качестве следующего этапа нашей работы.

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
2. Колбешкина (Филатова) В.Б. Русские синтаксические конструкции типа «Нам есть что читать» в свете поаспектного подхода к анализу устройства предложения // Научный вестник. Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Вып. 2 (16). Воронеж, 2011. С.140–149.
3. Копров В.Ю. Семантико-функциональный синтаксис русского языка в сопоставлении с английским и венгерским. Воронеж, 2010.
4. Копров В.Ю. Скребова Е.Г. О применении поаспектного подхода к семантико-функциональному описанию сложноподчиненных предложений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. Вып. 2: Филологические науки. С. 53–62.

В.С. Харитонов
V.S. Kharitonov

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ЭЛЕГИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА-СИРИНА

TRANSFORMATION OF THE ELEGY GENRE IN VLADIMIR NABOKOV-SIRIN'S POETIC ART

В статье рассматриваются вопросы преемственности элегической поэзии В. Набокова русской классической традиции, а также прослеживается эволюция элегии в творчестве поэта в 20-е – 30-е гг.
Ключевые слова: *элегия, В. Набоков, русская элегическая традиция.*

The article discusses the matters of continuity of the Russian classical tradition in Vladimir Nabokov's elegiac poetry, and gradual evolution of elegy in the poet's art in 1920s and 1930s.
Key words*: elegy, V. Nabokov, Russian elegiac tradition.*

Зародившись в эпоху античности из эпиграммы (элегический дистих, эпитафия, эпиграммы мемориального характера), элегия прошла долгий путь развития и трансформации в европейской поэзии, постепенно обретая устойчивые жанровые признаки. Тем не менее, она избежала окончательной канонизации, оставаясь достаточно свободной в выборе строфической формы, метра, композиции, выразительных средств языка. При этом ее жанровый стиль оставался, в основном, неизменным: грустное настроение, вызванное объектом рефлексии, медитативный характер, мнемонические и ностальгические мотивы, сдержанный драматизм.

Элегия появилась в русской литературе в XVIII в. и прочно закрепилась на рубеже XVIII–XIX вв. Значительную роль в ее становлении и популяризации в России, как известно, сыграл В.А. Жуковский. В его «Сельском кладбище» (вольный перевод с английского стихотворения Т. Грея «Elegy Written in a Country Church-Yard»), ставшем на долгие годы образцом для подражания, была ясно заявлена связь жанровой доминанты элегии с сентименталистской рефлексией и поэтикой. Причем он не только следовал европейской традиции, но и сам формировал жанровые признаки отечественной элегии: меланхолия, лирическая медитация, духовное общение с природой, интимная интонация стиха.

Элегия на долгие годы стала одним из самых востребованных жанров русской поэзии XIX в., причем каждый оригинальный поэт привносил в нее свои мотивы и стилевые оттенки, сохраняя при этом ее жанровый пафос: А. Пушкин показал, насколько глубокой и философской может быть лирическая медитация при выразительном лаконизме поэтического стиля, Е. Баратынский обогатил лирического героя душевным самоанализом, М. Лермонтов привнес в жанр романтическую страстность, Н. Некрасов социализировал элегию и придал ей публицистический характер.

Практическая реализация модификационных возможностей элегии как содержательной формы позволила литературоведам придать ей статус жанрового направления – элегической поэзии. К ней относят лирические произведения, объединяемые таким типологическим параметром, как «жалобная исповедь на экзистенциальные темы» [4, 201]. Именно такое определение соответствует современному пониманию классической элегии в единстве ее тематического содержания и жанровой модальности как «атрибутивного свойства жанра выражать устойчивое отношение к объекту своей рефлексии» [3, 139].

В русской поэзии рубежа XIX–XX вв. традиция классической элегии мнемонизируется, сохраняясь преимущественно в тематических мотивах и в стилизованных подражаниях. Однако экзистенциальное самочувствие исторического человека в контексте известных событий второго десятилетия начала XX в. и их драматических последствий вновь сделали элегическую поэзию актуальной для российской художественной интеллигенции, в особенности – вынужденных эмигрантов. К ним принадлежит и В. Набоков-Сирин. Разлука с родиной и ностальгия обусловили элегическую тональность многих его стихотворений, вписывающихся в непрерывную традицию «Скорбных элегий» («Tristia») Овидия.

Элегическая поэзия Набокова развивается в переломный, во многом реформаторский для русской поэзии период. И если его юношеские стихи создаются не без влияния, с одной стороны, жанровой традиции XIX в., а с другой – стихотворного опыта старших современников, то позднее он усваивает и осмысливает новые художественные тенденции, в частности, экспериментаторские. Набоковская элегия эволюционировала от классических образцов жанра до ее вольной интерпретации и индивидуализации.

К элегиям Набокова можно отнести значительное количество стихотворений, созданных в разные годы. Обратимся к наиболее значимым из них.

В январе 1918 г. в Крыму молодым поэтом было написано стихотворение «Элегия», название которого уже номинирует его жанровую принадлежность:

Я помню влажный лес, волшебные дороги,
узорные лучи на дышащей траве...
Как были хороши весенние тревоги!
Как мчались облака по вольной синеве! [5, 23]

Элегическая тема разрабатывается сплетением двух, решенных в разной авторской модальности и по-разному интонированных мотивов, – юношеским (лирическим) восприятием весенней природы, сохраненным памятью, и драматическими обстоятельствами обращения к прошлому – «зима изгнания». И все же ностальгическое настроение не доминирует, скорее, выполняет функцию временнóго обрамления воспоминания о пробуждении поэтического чувства: иволга поет «со струнами души созвучья согласуя», шумящие березы «учили сочетать со звуком точный звук», и «рифмы гулкие выдумывало эхо». Элегический пафос стихотворения, его композиция, синтаксис, подбор метафор – в целом дань классической элегии, ее «жанровая аллюзия» (Б.П. Иванюк), отсылающая к творчеству Жуковского и его последователей.

«Элегия» коррелируется с другим стихотворением («Звени, мой верный стих, витай воспоминанье!»), созданным всего через несколько дней в том же январе 1918 г. Оба относятся к жанровой модификации так называемой «усадебной» элегии.

Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!
Не правда ль, все – как встарь, и дом – все так же тих –
стоит меж старых лип? Не правда ли, страданье,
сомненье – сон пустой? Звени, мой верный стих... [5, 20]

Это уже более развернутый свиток (45 строк) воспоминаний о родовой усадьбе Выре и ее окрестностях, лишенных драматизма и столь же лирических, в которых повторяются те же мотивы, воплощенные в схожих образах весенней природы. И снова можно отметить использование в стихотворении образных средств, формирующих жанровую доминанту элегии, в частности, создающих идеализированную картину прошлого, к примеру, «крик сельских петухов и мерный шум плотины», «рябин цветущих ряд», «белизна молочная черемух», «дивной свежестью весенний воздух веет», «там вольные мечты», «на бархатной траве» «средь трепетных ветвей», «певучий скрип уключин» и др. В целом же эти стихотворения, демонстрирующие стилистическое мастерство Набокова, свидетельствуют о его пиететe к жанровой традиции русской элегии.

Мотив воспоминаний о мире русской усадьбы характерен для многих стихотворений Набокова рубежа 20-х гг., к примеру, «Вот дачный сад, где счастливы мы были…», «Как пахнет липой и сиренью, как золотеет серп луны!» (оба – 1918 г.). Это уже не элегии в классическом понимании жанра, а элегические зарисовки из недалекого прошлого. Во многих из них ощутимо бунинское влияние, объяснимое как творческой ориентацией на поэзию И. Бунина, так и стремлением к поиску новых форм художественной выразительности. Как отмечает А. Долинин, автор ряда книг о творчестве В. Набокова, «преклонение перед Блоком сменяется преклонением перед Буниным, менее жестко-нормативная поэтика которого оставляет больше простора для саморазвития, и поэтому играет для Набокова роль скорее катализатора, чем образца» [2, 334]. В этих стихотворениях нет явно выраженной элегической медитации автора, хотя он отдал ей дань в таких значительных по объему стихотворениях, как «Детство», «Ночные бабочки» и др., в них преобладают пластические образы конкретных реалий предметного мира (пейзажные и интерьерные детали), и именно они формируют элегический настрой читателя.

Новые события и впечатления начального периода эмиграции меняют характер образного восприятии России Набоковым. Лирическая меланхолия в его элегических стихотворениях выветривается, горькое понимание невозможности возвращения в прежний мир ведет к усилению в них драматизма, придающего им жанровую тональность ламентации: «Дом сожжен и вырублены рощи, где моя туманилась весна» («Будь со мной прозрачнее и проще…», 1919 г.), «Безвозвратная, вечно родная, // эти слезы, чуть слышно звенящие, // проливал я, тебя вспоминая…» (1920 г.). Не случайно происходит и смена стихотворного метра, поскольку «версификация, а также органически сопряженная с ней речевая структура существенным образом корректируют развитие лирической темы» [6, 167]. И если стихотворения 1918 г. написаны «повествовательным» шестистопным ямбом, то в приводимых выше – соответственно – используется более жесткий хорей и напевно-декламативный анапест.

Однако Набоков неоднократно возвращается и к классическим жанровым образцам. Например, медитативно-элегический характер, близкий поэтической манере не только В. Жуковского, но и Е. Баратынского и Ф. Тютчева, вновь проявляется в ряде стихотворений цикла «Ушедшее» (1922 г.). В них доминируют не образы природы и ушедшего быта, вызывающие эмотивную реакцию лирического героя, а размышления, связанные с определенными событиями или воспоминаниями.

Так как же нет тебя?
Ты умер, а сегодня
сияет влажный мир,
грядет весна Господня,
растет, зовет… Тебя же нет.
(«Пасха») [5, 197]

Молчи, не вспенивай души,
не расточай свои печали, –
чтоб слезы душу расцвечали
в ненарушаемой тиши.
(«Молчи, не вспенивай
души…») [5, 196]

В известной степени данью В. Жуковскому (элегия «Море») служит и стихотворение «Тихий шум» из сборника «Возвращение Чорба», куда вошли стихи, созданные в 20-е гг.

Прислушайся и различи
шум моря, дышащий на сушу,
оберегающий в ночи
ему внимающую душу…

Отдохновенье, счастье в нем
благословенье над изгнаньем.
Но тихий шум не слышен нам
за суетой и дребезжаньем.
[5, 215]

Как и Жуковский, автор «с морем… наедине», но предметом его медитации становится не оно само как лирический объект, полный скрытой жизни, в образе которого персонифицируются романтические переживания, мысли и чувства, – в гуле стихии Набокову слышится «шум тихий родины моей, ее дыханье и биенье». Сама по себе эта ассоциация вполне уместна в классической элегии, но введенная деталь диссонирует с ее жанровым стилем: день проходит, «позванивая, как пустой // стакан на полочке стеклянной». Тем не менее, она вызывает новое отношение к поэтическому явлению, способствует конвергенции прошлого и настоящего.

Осознание необходимости изменения классических канонов поэзии, в том числе и жанровых, вызревало у Набокова давно. Раннее стихотворение «Поэту» (1918 г.) уже содержит декларацию требований, предъявляемых к поэзии нового времени:

Болота вязкие бессмыслицы певучей
покинь, поэт, покинь и в новый день проснись!
Напев начни иной – прозрачный и могучий;
словами четкими передавать учись
оттенки смутные минувших впечатлений… [5, 18]

Таким образом, сознательный отказ Набокова от тех норм и канонов, которые он считал устаревшими, не отвечавшими запросам поэтики XX в., был предопределен, но его творчество до середины 20-х гг. характеризуется амбивалентностью по отношению к прежней жанрово-стилевой системе. Способный шахматист, Набоков и в поэзии старается найти максимальное количество различных комбинаций при ограниченном числе фигур. Биограф писателя Б. Бойд отмечает: «В своем искусстве он искал как независимости одного элемента от другого, так и их сочетаний, объединяющих разрозненные элементы воедино. <…> Он ненавидел обобщения и натужные ассоциации» [1, 344].

В 1923 г. в Берлине выходит его сборник стихотворений «Гроздь», в который вошли стихи разных лет, в том числе и часть ранней лирики, очевидно переработанной взыскательным автором (в этот период Набоков выступает и как критик современной ему эмигрантской поэзии). В элегических стихотворениях сборника нет пейзажно-бытовых ностальгических зарисовок, стихи жестче и проще, в них больше умственной, а не эмотивной рефлексии.

Мы только мутный цвет
миндальный,
мы только первопутный снег,
оттенок тонкий, отзвук дальний, –
но мы пришли в зловещий век.

Навис он, грубый и огромный,
но что нам гром его тревог?
Мы целомудренно бездомны,
и с нами звезды, ветер, Бог.

(«Нас мало юных, окрыленных…»)
[5, 179]

В этом стихотворении – целый набор элегических и близких им мотивов и интонаций: и мысли о бренности жизни, и размышления о поколении, лишенном родины, но помнящем ее, и желаемое успокоение в утверждении звездной (божественной) бездомности. С другой стороны, элегическая рефлексия и риторика вторичны, первичным же является романтический бунт против земных порядка и судьбы, выраженный в четком и лаконичном речевом стиле, в общем-то не типичном для канонической элегии, даже для стихов Н. Языкова, а тем более Жуковского и Баратынского.

Обратим внимание на то, что в том же сборнике «Гроздь» всего через несколько страниц после цитируемого стихотворения появляется почти классический вариант элегии:

О светлый голос, чуть печальный,
слыхал я прежде отзвук твой,
пугливый, ласково-хрустальный,
в тени под влажною листвой… [5, 190]

Здесь все – и тема, и ритмико-композиционный строй, и словесная материя – настолько соответствуют жанровому канону элегии, что текст напоминает пастиш или даже пародию. Но несомненно, что в нем содержится установка на прощание с классической элегией.

Тем не менее, в 1926 г. он снова обращается к классике жанра в стихотворении «Прелестная пора», написанном белым стихом. Это опять же «усадебная» элегия, но в отличие от предшествующих образцов ее сквозные и символические «осенние» образы являются проводниками мотива расставания – одного из основных в тематическом репертуаре элегии.

Как перед тем,
чтоб на зиму уехать,
в гербарий на шершавую страницу
кладешь очаровательно-увядший
кленовый лист, полоскою бумаги
приклеиваешь стебель, пишешь дату,
чтоб вновь раскрыть
альбом благоуханный
да вспомнить деревенский сад,
найдя багряный лист,
оранжевый по краю, –
так, некогда осенний ясный день
я сохранил и ныне им любуюсь.
[5, 219]

И все же тенденция к отходу от традиционных маркеров элегии усиливается в творчестве поэта. В 1927 г. появляется стихотворение «Расстрел», ставшее теперь хрестоматийным. На первый взгляд, оно с трудом соотносится с жанром элегии: ритм стиха динамичен, содержание насыщено образами эпохи («…ведут к оврагу убивать», «…как пристальное дуло глядит горящий циферблат»). И все же в нем сохраняются матричные признаки элегии:

– представление о покинутой
родине, сон, навеянный мыслями о
судьбе России и людей, разлученных с
ней;

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать;
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

– эмоциональная реакция,
с этим представлением связанная;

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня! –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

– начало рефлексии, временное чувство облегчения от сознания безопасности (однако по своей сути пессимистическое);

– итог рефлексии: страстное желание воссоединения с родиной любой ценой и в то же время горькое понимание невозможности этого.

Оцепенелого сознанья
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг! [5, 226]

Здесь Набоков трансформирует жанр элегии, отказываясь от пространных меланхолии и медитации, концентрируя чувства и эмоции, усиливая выразительность изобразительных средств их минимизацией. Однако об исходных жанровых образцах напоминают мотив сна, обращение к сердцу, ностальгические образы природы, драматическое одиночество личности.

В дальнейшем поэт продолжает по-разному использовать элегические элементы, хотя иногда трансформирует их настолько, что речевой план выражения свидетельствует, скорее, об антиэлегическом характере стихотворения. К примеру, «К России» (1939 г.), в котором связь с элегией упрятана в подтекст.

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен. Я умираю
от слепых наплываний твоих.

…Навсегда я готов затаиться
и без имени жить. Я готов,
чтоб с тобой и во снах не сходиться,
отказаться от всяческих снов…
[5, 269]

Вместо классической формы мнемонического обращения к прошлому поэт использует стилистику инвективы. Он готов «обескровить себя, искалечить, // не касаться любимейших книг, // променять на любое наречье // все, что есть у меня, – мой язык». Строй речи подчеркнуто резок, несмотря на анапест (обычно плавный и напевный); глаголы драматичны, выстраиваются по градационной логике амплификации («умираю», «волен выть», «затаиться», «обескровить себя, искалечить»), анафоры подчеркивают мотив мольбы-отречения. И все же стихотворение «памятью жанра» связано со «скорбной элегией», порожденной ностальгией.

Однако меняется не только жанровый стиль элегии, но и объем и формат поэтического текста. Лирически развернутое «кантиленное» многословие, тщательная композиционная и языковая разработка элегических тем и мотивов сменяются у Набокова максимальным лаконизмом и минимализмом выразительных средств. В конце 30-х годов Набоков (уже не Сирин) работал над романом «Дар»; в нем приведены стихи главного героя – Федора Годунова-Чердынцева. Одно из них представляет собой своеобразную миниэлегию («Ласточка»).

Однажды мы под вечер оба
стояли на старом мосту.
Скажи мне, спросил я, до гроба
запомнишь вон ласточку ту?

И ты отвечала: еще бы!
И как мы заплакали оба,
как вскрикнула жизнь на лету…
До завтра, навеки, до гроба –
однажды, на старом мосту.
[5, 443]

Здесь присутствуют почти все атрибутивные признаки элегии, но в максимально сжатом виде. Это, так сказать, жанровое резюме набоковской элегии.

Таким образом, начав с подражаний классике, испытав влияние предшественников и современников, Набоков пересекает канонические границы элегии, расширяет ее структурно-содержательные возможности, экспериментирует с ее типовыми признаками. И в этом смысле его элегическое творчество вписывается в общий контекст инновационных изменений, происходящих в XX веке с жанром как таковым и элегией в частности.

1. *Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. СПб., 2010.*
2. *Долинин А.С. Истинная жизнь писателя Сирина. М., 2004.*
3. *Иванюк Б.П. Избранные статьи из Жанрологического словаря // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Филологическая серия (1). Выпуск 3. Елец, 2004. С. 134–149.*
4. *Иванюк Б.П. Лирика (Словарь терминов). Елец, 2006.*
5. *Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. М., 1991.*
6. *Федотов О.И. Основы теории литературы. Ч. 2. М., 2003.*

Р.И. Хашимов
R.I. Khashimov

СЛОВАРЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ОТРАСЛИ НАУКИ

DICTIONARY: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF LEXICOGRAPHY AS A BRANCH OF SCIENCE

В современную эпоху издательский бум различных произведений под названием «словарь» ставит перед лингвистикой задачу дать характеристику этому явлению, определить новый взгляд на лексикографическую практику и теорию. Необходимо определить роль лексикографии как первопричины возникновения языкознания, дать новую общую и частную типологию словарей, выявить характер, функцию лексикографического труда.
Ключевые слова: *языкознание, словарь, труд, исследовательский, учебный, информационный, толковый, авторский, прагматическая функция.*

In the contemporary era publishing boom of different creations with the name "dictionary" is bringing forth a linguistic task to characterize this phenomenon, to define the new view on the lexicographical practice and theory. It's necessary to determine the role of lexicography as a primal cause of giving rise to linguistics, to give a new general and particular typology of dictionaries, to single out the character, the function of lexicographical work.
Key words: *linguistics, dictionary, work, research, educational, informational, explanatory, authorial, pragmatic function.*

Словарь давно стал неотъемлемой частью духовной культуры, интеллектуальной деятельности народа. В качестве сжатой информации он предоставляет в распоряжение человека упорядоченные знания в той или иной отрасли науки, профессиональной деятельности. Лексикографическое издание как «уникальный объект научного труда лингвистов занимает особое место в формировании культурного члена общества» [5, 6]. Словарь, как день и ночь, как жизнь и смерть, – единственный феномен в лингвистике, сочетающий в себе теорию и практику научного труда, это родник для жаждущих истины. Если монографии с изложенными в них идеями и концепциями при всей своей ценности еще нуждаются в практическом воплощении кем-либо, то лексикографическое сочинение, прежде чем появиться на свет, уже проходит длительное и кропотливое теоретическое осмысление материала, являя собой квинтэссенцию научной концепции. Словарь «представляет собой основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнародует результаты своей деятельности», а словарная продукция – «главное, чем

лингвистика отчитывается перед обществом» [8, 33]. Нужно согласиться с тем, что характер труда лексикографа оценивается не только как научный, но и как творческий, как искусство, потому что «лексикограф представляется не только теоретиком, занимающимся вопросами языкознания и их решением с точки зрения словарного их описания, но и практиком, ваятелем, создающим произведения искусства под названием “словарь”» [4, 9].

Различные типы словарей существуют с древнейших времен. Сама лингвистика как самостоятельная наука начинала развиваться с создания различных словарей, заложивших этап систематизации слов и языков, переводов и толкований непонятных лексических единиц. Если не придерживаться взглядов евроцентризма в языкознании, считающего лингвистику отпочковавшейся отраслью философии, то надо признать, что языкознание сложилось из практических потребностей человека при толковании слов, потому что первичной причиной появления лингвистики является не античная греко-римская теория именования вещей, а пояснение содержания знаков языка в первых словарях. К шумеро-аккадской эпохе относятся первые сочинения лексикографического характера, представляющие несомненный научный интерес. Это были «списки знаков письма – сначала рисуночных, а затем развившихся из них – клинописных – и перечни терминов, записанных при помощи таких знаков. Подобные перечни были впервые составлены около третьего тыс. до н. э. Позже, в связи с практической потребностью, были накоплены определенные знания в области филологии. …Создавались пособия для изучения шумерского как языка религии и школы – списки слов и специальных терминов разного рода, в том числе ботанических, зоологических, минералогических и т.п.; в начале 2-го тыс. появились шумеро-аккадские общие и терминологические словари, были даже попытки составления этимологических словарей; еще позднее, частично за пределами Двуречья, составлялись и многоязычные словари, например шумеро-аккадо-западносемитско-хурритский, шумеро-аккадо-хеттский и т.п.» [2].

Лексикография получила развитие в древнеиндийскую, китайскую и греко-римскую эпохи. Она удовлетворяла растущие потребности общества: «важной частью античного языкознания являются своды слов…. Словари создавались различные, что зависело от характера языка и уровня развития культуры. Сначала словари создаются как тематические и энциклопедические, а затем формируется собственно лингвистический тип словаря (толковый)» [1, 57–58].

Особое место в лексикографической науке занимает уникальный труд Махмуда ал-Кашгари «Диван Лугат ат-Турк» («Словарь тюркских языков», XI в.). Это был первый теоретически обоснованный лингвистический труд. Этот словарь стал доступен в печатном виде лингвистической общественности лишь после его публикации в 1912–1915 гг. Вторая публикация на евразийском пространстве книги Махмуда Кашгарского (принятое в русской традиции имя ученого) состоялась в Казахстане, в Алматы в 2005 году. Автор словаря тюркских языков характеризует свой труд следующим образом: «Я посвятил ей [книге. – *Р.Х.*] долгие годы труда, расставляя все слова по подобающим местам и освобождая их от неясности, чтобы всякий ищущий мог найти их в соответствующем месте, а пытливый – наблюдать в употреблении» [7, 54]. Этот труд ценен тем, что он дал сравнительный анализ лексических, фонетических и морфологических явлений арабского и тюркских языков, указал на близость этих языков, выявил законы их развития, а его автор на 700 лет раньше европейцев использовал сравнительно-исторический анализ.

Ошибаются те, кто думает, что созданием словарей занимаются исключительно лингвисты. В последние годы в связи с развитием и усложнением социально-профессиональной структуры общества чаще всего представителями той или иной профессии, отрасли науки создаются сочинения под названием «словарь», не отвечающие, однако, правилам современного понимания даже типов учебной и терминологической лексикографии, не говоря уже об их исследовательской ценности. Сотрудничество лингвистов со специалистами той или иной профессии является залогом успеха создания качественной научной продукции. Однако современная наука сталкивается с

распространением «некачественной “словарной продукции”, являющейся результатом бурного развития “словарной индустрии”, поскольку в связи с сиюминутными требованиями рыночной экономики масштабное использование неспециалистами компьютерной техники приводит не только к появлению словарей плохого качества, но к тому, что их производство становится неконтролируемым» [11, 9].

О.Н. Трубачев, называя словарь «конечной целью языкознания», писал, что «величайший и до сих пор недостаточно еще оцененный эксперимент языкознания – это словарь, лексикография» [9, 4]. Правоту академика О.Н. Трубачева особенно остро ощущаешь, когда лексикографическую деятельность оценивают только как прикладную науку. Данное заблуждение свойственно не только людям, далеким от филологии, но затрагивает отчасти и лингвистов, которым не приходилось в жизни создать даже учебный словарь. Такие люди, по выражению О.Н. Трубачева, нуждаются в образовании: не случайно он использовал парадоксальное словосочетание *образованный ученый*, дав аналогичное название своей статье и включив ее в цикл бесед под названием «Как стать образованным ученым. Беседы о методологии научного труда» [9].

Методология создания того или иного словаря является определяющим критерием характера лексикографического труда. Словарь может носить исследовательский, информационный или учебный характер. Многоплановость лексикографического труда свидетельствует о том, что эта деятельность в системе научных изысканий представляет собой особую отрасль науки, которая тесно связана с жизнью общества, прогрессом. Лексикограф пользуется знаниями многочисленных научных подразделений профессиональной, производственной деятельности.

Все типы словарей объединяет то, что они носят объяснительный характер: системно-парадигматическое, этимологическое, историческое, хронологическое, межъязыковое и т.п. толкование слов или реалий должно быть обосновано теоретически, основано на знаниях, проверенных практикой, опытом народа в данный исторический период. Безусловно, теоретические основы словаря диктуются его назначением. Прагматическая функция словарей определяет и характер лексикографического сочинения, его теоретические принципы. По прагматической функции словари делятся на 1) исследовательские, описательно-научные, ориентированные в первую очередь на лингвистов, 2) информационно-учебные, предназначенные для учащихся или специалистов узких профессий, 3) информационно-просветительские, обращенные к широкому кругу исследователей и читателей. Без всякого сомнения, между данными типами словарей не существует «китайской стены». Многие словари могут совмещать различные функции, иметь синкретический или диффузный характер, но выделенные признаки являются приоритетными для того или иного типа словарей. Традиционное деление словарей на лингвистические (филологические) и энциклопедические также оказывается стертым: потребностью общества стало не только толкование слов, но и объяснение самой вещи, самого явления в одном и том же словаре. Ярким свидетельством смешения «стилей» является публикация «Первого толкового БЭС. Большого энциклопедического словаря», [СПб.: «Норинт»; М.: ИД «РИПОЛ классик», 2006].

Об исследовательском характере ряда словарей (толковых, областных, исторических, этимологических, языка писателей и т.п.) свидетельствуют публичные обсуждения теоретических основ тех или иных словарей, авторские рецензии на изданные лексикографические труды. Так, по мнению академика В.В. Виноградова, 17-томный академический словарь обогатил не только практику и теорию русской лексикографии, но и «вообще науку о русском литературном языке, о культуре русской речи» [3, 25]. За обложкой словаря остались горячие споры по теоретическим проблемам языкознания: соотношение исторических и нормативно-стилистических категорий слов, гнездовой и алфавитный принцип построения словарной статьи, связь и соотношение этимологии, лексикологии и семасиологии, разграничение устойчивых и подвижных элементов в лексическом составе языка, структурные качества нормы и пути ее изменений и т.п. Не

случайно в середине XX столетия данные проблемы стали предметом обсуждения на Ученом совете Института языкознания АН СССР после выхода первых двух томов академического Словаря современного русского литературного языка, которые «показали **спорность с научной точки зрения** [выделено мной. – *Р.Х.*] и нецелесообразность с практической точки зрения ряда особенностей построения Словаря» [10, III]. Различного рода обсуждения, внешняя и внутренняя критика концепции Словаря русского языка XI–XVII вв. привели к тому, что «последние 20 выпусков Словаря кардинальным образом отличаются от первых» [11, 8]. И таких примеров, когда теоретические основы созданного словаря являются предметом специального рассмотрения, можно привести сотни. Следствием исследовательского характера словаря являлось то, что в ходе издания многотомного словаря изменялись, дополнялись последующие тома и выпуски.

От спорадических дискуссий в научном сообществе, индивидуальных рецензий лингвисты перешли к повседневной проработке теоретических и практических основ лексикографии, для чего создали специальные научные площадки для обсуждения: не первый десяток лет действуют научный семинар «Теория и практика авторской лексикографии» и «Круглый стол» по лексикографии в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Во многих вузах существуют исследовательские лаборатории по лексикографии: Межкафедральный словарный кабинет (МСК) имени проф. Б.А. Ларина – детище Санкт-Петербургского государственного университета и Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН; Лаборатория компьютерной лексикографии Института филологических исследований (рук. проф. Г.Н. Скляревская) в СПбГУ; Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии (рук. проф. А.А. Поликарпов) филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Лаборатория автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра (зав. лабораторией – к.ф.н., в.н.с. О.А. Казакевич) также в МГУ имени М.В. Ломоносова; Экспериментальная лаборатория учебной лексикографии (рук. проф. Т.Г. Никитина) Псковского государственного университета; Лексикографическая лаборатория «Словарь русского речевого этикета» при кафедре русского языка Новокузнецкого госпединститута; Межкафедральная инженерно-лексикографическая лаборатория имени профессора Я.В. Соколова (рук. к.т.н., доцент Г.В. Кобельков) Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова; Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета (рук. проф. О.И. Блинова); Лаборатория региональной и компьютерной лексикографии Кубанского государственного университета и многие др.

Не секрет, что научные монографии, статьи, диссертации используют материалы словарей как исходную точку и опору теоретических изысканий. Лексикография в XX веке приобретает новую функцию – «сбор и обработка данных для лингвистических исследований в области лексикологии, словообразования, стилистики, истории языка (словари этимологические, исторические, частотные, обратные, родственных языков, языка писателей и др.)» [10, 259].

Чаще всего основанием для оценки словаря как прикладного явления служит то, что конечный результат – словарь – чаще всего является предметом спроса, а его содержание служит отправной точкой для дальнейшей деятельности или исследования. Прагматика в современную рыночную эпоху стала ведущей тенденцией государственной политики в развитии любой науки, в том числе и лингвистики. К сожалению, романтизм в науке сейчас не приветствуется, требуется немедленная отдача, практический результат, определяемый в денежных знаках. Можно прогнозировать, что в развитии лексикографии прагматический аспект приведет к массовому созданию псевдонаучных и учебных словарей. Востребованность обществом различных типов словарей является огромной. Однако прагматический аспект подлинных лексикографических произведений даже в учебной аудитории не делает их менее значимым в теоретическом отношении. Многие школьные словари создаются на базе изданных популярных исследовательских словарей:

этимологические, фразеологические, орфографические, переводные, словарики синонимов и антонимов, иностранных слов и т.д. и т.п.

Антропоцентризм в языкознании как новое научное направление сложился в конце XX столетия. Однако его принципиальные основы закладывались не только работами В. Гумбольдта, А.А. Потебни, но и первыми писательскими словарями. Истоки такого подхода изложены в диссертации Л.Л. Шестаковой, посвященной теории и истории авторской лексикографии [12]. Различные типы авторских словарей пронизаны антропоцентричностью, поскольку они наиболее ярко отражают авторскую языковую картину мира, вскрывают истоки мировоззрения, мировидения, мировосприятия языковой личности.

С точки зрения востребованности авторские словари уступают толковым и этимологическим, потому что они представляют интерес в первую очередь для специалистов-филологов. При создании словарей по материалам произведений тех или иных художников слова необходимо решить одну из важнейших проблем языкознания: необходимо выявить соотношение национальной языковой картины мира и авторского видения действительности. Одной из сложнейших теоретических задач авторской лексикографии является адекватное соотношение коллективного (узуального) и индивидуального (окказионального) начал в языковом употреблении писателя. Узуальные единицы представлены в творчестве любого мастера слова, который как национальный писатель использует все возможности национального языка во всех его проявлениях. Однако такие слова не охватывают даже того массива лексических единиц и значений, которые представлены в том или ином толковом словаре. Вместе с тем, ни один толковый словарь не может отразить все богатство смыслов, сем, использованных писателем в художественных произведениях.

Писатель, поэт как национальный художник слова не только закрепляет в своих творениях языковую картину народа, но и посредством художественных образов создает новый мир действительности, воздействующий на восприятие читателя или слушателя этого мира. Индивидуальный стиль писателя характеризуется системой созданных автором метафор (в широком понимании), что можно выявить только на уровне семного анализа текстовой ткани произведения, а также в отборе и организации языковых средств. Словарь же закрепляет результаты такого изучения языковых явлений произведений писателя в виде кванта информации. Такая исследовательская работа имеет прочную научно-теоретическую базу, зиждется на крепком фундаменте комплексного аналитико-синтетического рассмотрения всех языковых средств, представленных в художественном произведении. Авторский словарь закрепляет синхронно-диахронический аспект функционирования языковых средств, так как любое художественное произведение отражает язык определенной исторической эпохи.

1. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.*
2. *Вавилоно-ассирийская культура // Большая советская энциклопедия (БСЭ). URL: http://slovari.yandex.ru/~книги /БСЭ/Вавилоно-ассирийская культура (дата обращения: 10.12.2013).*
3. *Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для современного языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.*
4. *Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М., 2008.*
5. *Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.*
6. *Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.*
7. *Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005.*

8. Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42.
9. Трубачев О.Н. Образованный ученый // Русская словесность. 1993. № 2. С. 3–13.
10. Предисловие // Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.–Л., 1954. С. 3.
11. Чернышева М. И. Параметры лексикографической критики // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium: сб. науч. трудов по лексикографии. Вып. 12 / Под ред. В.В. Дубичинского и Т. Ройтера. Харьков, 2011. С. 7–10.
12. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 2012.

РЕЦЕНЗИИ / BOOK REVIEWS

Ю.В. Архангельская
Y.V. Arkhangelskaya

СЛОВАРЬ В.Т. БОНДАРЕНКО «ОТВЕТНЫЕ РЕПЛИКИ В РУССКОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ» КАК ИСТОЧНИК ЭТНО- И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ (Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.)

DICTIONARY «RESPONSIVE REPLIES IN RUSSIAN DIALOGUE» BY V.T. BONDARENKO AS A SOURCE OF ETHNO- AND LINGUOCULTURAL INFORMATION (Tula: Publishing house of Tula State Pedagogical L.N. Tolstoy University, 2013. 339 p.)

Значительным событием в отечественном языкознании стал словарь «Ответные реплики в русской диалогической речи» известного тульского лингвиста, фразеолога В.Т. Бондаренко, вышедший в свет в самом конце 2013 года. К сожалению, это последняя работа безвременно ушедшего ученого – работа серьезная, скрупулезная и глубокая.

Словарь представляет собой плод многолетнего труда автора и является во многом инновационным. В нем впервые собраны и описаны устойчивые словесные формулы, употребляющиеся в функции ответных реплик-реакций на реплики-стимулы. Лексикографическая разработка ответных реплик производится в непосредственном единстве с описанием стимулирующих реплик: ***Как дела? – Как сажа бела / Дела идут, контора пишет / Кручусь, как юла*** и др.

В словарь вошло более 900 клишированных единиц диалогической речи, выражающих реакцию говорящего лица на «чужое» слово.

Источниками послужили всевозможные словари русского языка (в которых, однако, подобные комплексы встречаются крайне редко), классическая и современная художественная литература, публицистика, живая разговорная речь.

С точки зрения формы ответные реплики представляют собой как лексические, так и фразеологические единицы, причем фразореплики преобладают.

Содержательная сторона ответных высказываний отличается ярко выраженным семантическим своеобразием, в частности насыщенностью их семантики прагматической (коннотативной) информацией.

Назначение ответных реплик в речи разнообразно. Главная их функция, по мнению автора словаря, – дать оценку словам собеседника. Одни ответные реплики выражают неодобрительное отношение к собеседнику, указывают на нежелательность общения, неуместность вопроса и т. п. (***Кто? – Конь в пальто!***). Другие, напротив, наделены этикетной функцией и используются говорящим для того, чтобы поддержать речевое взаимодействие, установить контакт (***Как жизнь? – Грех жаловаться.***).

Нельзя не обратить внимания еще на одну яркую черту ответных реплик: во многих из них функция языковой игры, нацеленность на смеховое воздействие выходит на первый план (***Ну! – Баранки гну!***).

Важной особенностью содержательного плана устойчивых комплексов, представленных в словаре, является их культурно-национальная маркированность, что делает материал словаря очень интересным и ценным в этнокультурном плане. Многие слова-стимулы выражают понятия, ключевые для русского национального сознания, концепты, имеющие особенное значение для русской культуры (***неудобно, стыдно, жалко, авось***), а ответные реплики, в свою очередь, несут информацию о специфике русского менталитета, о стереотипах мышления русского человека, о его жизни, культурных установках, системе ценностей, особенностях коммуникативного поведения.

Особо следует отметить, что среди ответных реплик, собранных и включенных в словарь автором, есть немало выражений, относящихся к числу грубых, вульгарно-обсценных. Относительно возможности лексико- и фразеографической разработки подобных выражений сложилось неоднозначное отношение в науке: не все ученые считают, что их стоит собирать и изучать. Создавая словарь, В. Т. Бондаренко исходил из того, что фиксировать в словаре грубые и даже нецензурные выражения необходимо, так как в русской культурно-бытовой сфере, хотим мы этого или нет, подобные устойчивые комплексы функционируют весьма продуктивно, обладая высокой степенью экспрессивной заряженности и смехового воздействия на адресата, а также высокой частотностью. Большинство из них прежде не фиксировалось словарями. В этом отношении книга «Ответные реплики в русской диалогической речи» также обладает безусловной новизной, так как подобные выражения в ней составляют не менее четверти всех единиц. Эвфемизация ответных реплик с обсценными компонентами достигается в словаре традиционным способом: нецензурный элемент сокращается до начальной буквы, а пропуск остальных букв кодируется многоточием.

Материал располагается в словаре по алфавиту слов-стимулов, после которых может следовать как одна ответная реплика, так и целая группа синонимичных единиц.

В словаре дается семантическая и стилистическая характеристика и реплик-стимулов, и реплик-рефлексов. Стилистическая характеристика единиц дополняется эмоционально-оценочной в виде соответствующих помет: сниженное, шутливое, презрительное, насмешливое, ироничное, одобрительное, неодобрительное и т. п.

Широко представлено в словаре варьирование ответных фразореплик – их яркая, характерная черта.

Иллюстративный материал, являющийся обязательной частью большинства словарных статей, весьма разнообразен и репрезентативен.

В приложении в алфавитном порядке дан список всех вошедших в словарь ответных реплик с указанием в скобках реплик-стимулов.

Словарь адресован не только специалистам, занимающимся проблемами фразеологии, не только лингвистам и не только филологам, но и всем, кто интересуется живой русской речью. Безусловно, словарь «Ответные реплики в русской диалогической речи» найдет своего благодарного читателя.

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Т.В. Чурилин

ТЯПКАТАНЬ,
российская комедия
(хроника одного города и его народа)

Подготовка текста, публикация и комментарии
О.К. Крамарь[2]

T.V. Churilin

TYAPKATAN,
The Russian Comedy
(The chronicles of a city and its people)

Preparing for publishing, publishing and comments by
O.K. Kramar

Подготовленный к настоящей публикации фрагмент представляет собой отрывок из главы «Эстеты», не включенной Т. Чурилиным в состав белового варианта автобиографического романа «Тяпкатань», машинописная копия которого хранится в Литературно-художественном музее города Старый Крым (АР Крым, Украина) [1]. Один из фрагментов этой главы был опубликован нами в журнале «ФИЛОLOGOS» в 2013 году [2].

В черновых набросках к роману сохранились два варианта развернутого названия главы: «Эстеты, или История о людиях в живом и мертвом П а н о п т и к у м а х (разрядка Т. Чурилина. – *О.К.*) в г. Тяпкатани» и «Эстеты, история о людях вроде булок и пирохов с Четьи-Минеиной Прочинкой» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 1, 3). Эти названия в полной мере соответствуют содержанию и художественной идеологии незавершенной главы, действующими лицами которой становятся герои с «четьи-минеиной прочинкой», «чудаки-юроды-кишоты с Дону Тяпкатаньского», и «эстеты»: «… Естет – ет который человек из себе красоту, карасавца необнакновенного выстраиваить-стараится – ето и есть естет» (РГАЛИ. Ф. 1222, Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 100).

Стремясь к идейному и композиционному единству главы, содержащей разнородный в тематическом и жанровом отношениях материал, Чурилин прибегает к весьма нестандартному приему: его «именитым, знатным и необнакновенным» тяпкатанским героям соответствуют экспонаты Паноптикума, открывшегося на Ярмарочной площади города, «куклы-подобия» «также-с знатных, именитых и необнакновенных людиев – но на век назад» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 69). Сохраняющие идентификационные признаки жителей Тяпкатани (под этим вымышленным именем в романе фигурирует

[2] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-48003.

Лебедянь, родной город Чурилина) муляжи («миляши») ассоциируются с прецедентными образами, обладающими высоким индексом узнаваемости. Так, в частности, восковому двойнику героя публикуемого фрагмента, экспонату «Паноптикума имени Барная» [3], размещенному в «Витрине № 3», соответствует следующая «музейная» аннотация:

«Клерк Козимо Рахх-Лев, необычайный итальянский кавалер и эстет 17 века, пожиратель сердец женщин и девушек, живший в городке Падуе, но известный по всей Италии и даже за ее пределами. Серьезный конкурент знаменитому испанскому кавалеру Дон Жуану и российскому Александру Пушкину, ибо список Козимо превышает их списки на 317 женских имен [4]. Представлен стоящим во всем обаянии своих изящных одежд и изящества тела с гитарой под полою [5] в свой рабочий момент, т.е. соблазнения новой жертвы» (РГАЛИ. Ф 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 5об. – 6).

Принципиально важным является для Чурилина момент узнавания героями себя в «куклах-подобиях»: «А П.В. Взламанцев [6] и следатель М.П. Алексеев-Божий и Николка Копец [7] и сам Косма Араклев и еще кто-ото стоять у ветрины, где Козимо, молодой человек из Падуя, да как гром весной громыхають-грохочут от смеху, прям помирають – узнали! уз-на-лиииии, хххррра, гырррр аххх, хха – узнали красавца своево» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 72–73). Важность этого узнавания определяется творческой установкой автора, выполненной в обычной для него сказовой манере в предуведомлении («переднем слове») к главе: «Так верите ль делу – страшная штука эфтот Паноптик – все как в жисти и даже, знаети, и как б потрясательнее виднее, но вместе с тем, и в жисти смотришь-смотришь, обозреваеше-озираешь – ан, ведь ет тоже куклы-подобии» (РГАЛИ. Ф 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 5).

Фрагмент главы романа «Тяпкатань» «Эстеты» публикуется по рукописи, хранящейся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Лл. 24 – 30).

При публикации отрывка из главы «Эстеты» максимально учитывались особенности графического оформления оригинала, сохранялись авторская орфография и пунктуация. Исключением является замена авторского знака = на соответствующий ему дефис.

1. Чурилин Т.В. Тяпкатань. Российская комедия (Хроника одного города и его народа). СИЛМ КП 906.

2. Чурилин Т.В. Тяпкатань, российская комедия (хроника одного города и его народа) / Подготовка текста, публикация и комментарии О.К. Крамарь // ФИЛОLOGOS. Вып. 18 (3). Елец, 2013. С. 97–102.

3. Очевидно, имеется в виду Финеас Тейлор Барнум – американский антрепренер, основатель названного его именем музея редкостей в Нью-Йорке (Американский музей Барнума).

4. Аллюзия на знаменитый «донжуанский список» Пушкина, ставший предметом заинтересованного внимания пушкиноведов, и, возможно, на письмо Пушкина В.Ф. Вяземской (1830): «Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. X. Письма. М., 1958. С. 813.

5. Цитатная отсылка к популярной песне «Накинув плащ, с гитарой под полою…»

6. Под этим именем в романе фигурирует лебедянский уездный исправник титулярный советник Павел Владимирович Ламанский.

7. Так в романе «Тяпкатань» именуется Николай Чурилин, двоюродный брат Тихона Чурилина.

Гл. 9. ЭСТЕТЫ

Кузьма Араклев

Кузьма Араклев [1] был сын прикащичьий. Отец его служил у Эншаковых, Николай Николава в магазине боокалееном, вострономическом и черном [2] – все вместе. Сыр швик-царской, конфект дыня в мадейре, и фотоген-деготь [3], вместе все. Хозяин, Николайниколав был сам – эстет, а отсель и Кузьме, сыну прикащичьему-эншаковскому, вышла на долю судьба: быть по сему – эстетом.

Понимаете-с, какая дела, что Кузьма или, как потом увидите-услышите сами-с, – Косма, так и стал – э с т е т о м. Сначала волосы его были подстрижены под бобрик или ала-еж, потом неожиданно он, увидев на картинке принца Вуэльсково [4], стал делать себе боковой про́бор. И если б он жил сейчас у нас в центрах, он стригся б – боксом. А далее – он безусловно и несомненно танцевал бы западные европейские джазы. Но – горе́ имеем сердца – изыдите, оглашенныи, изыдите – он не живет в наше замечательное время, ибо он – миф, т.е. как б – супчик несуществующий, но весьма и возможный еще, понимаете, какая штука.

Да, Косма, стал и был – э с т е т о м. На голове – боково-вуальский про́бор, а в голове – мечта, подобная сдобному хворосту, или иным домашним изделиям имени 8 марта. На голове – фуражка темносиняя, как весеннее ночное небо, фабрики Вам-д`-враг [5], а в голове – мечты подобные тучам весенним о власти и сласти. Правда, ноги его облекали еще высокие сапоги со скрипом – но какккие!! Их делал сам Аркадь-гурев – а он был у нас нечто вроде Тяпкатаньского С`ума-хера [6], или уж даже и Пирохнея. Да разве ж это – сапоги? Да вы посмотрите на них и – в них, вникните, и вы увидите в черном зеркале ваксы, вот именно, лицо свое, кольцо свое, и даже крыльцо свое [7]. Всяк носящий их – счастлив: не только лишь они жили-были по ноге, а нога, а нога то, ваша же нога – была по них и для них. Чудные, дивные волхвшебныи сапоги [8]. Но, впротчем, идя в городской сад, или на свиданье-страданье, или там прогуливаясь по улице пред домом своим преимущественно летом – он надевал – щиплеты [9].

Все это был только – низ, низменность, равнина. А верх? Верх его был – изумителен: торс был в пинжаке, а ноги в брюках на улицу [10], или уж прямо в сапоги. Пинжак же был шит Томилиным, Иванниколавым [11], который учился в самоей в Москве у портного и мастера Ведмедкина, мастерская шития и кройки – для мужчин и – для дам.

Один глаз его, Иванниколава, был крив и прищурен, но зато вторым он и шил и кроил, как бог в свое время в шесть дней без выходного дня отдыха. И потому пинжак был дивен как Днепр в тихой поре [12] – он струился по человеку т.е. по Косме и обтекал его своим триковым телом, вотетотакс!

А брюки-с? Вы думали, что может быть хоть брюки испорчены, хоть брюки то, хоть эти низменныи части, неудобнонадеваемые при дамах и девушках?

Да, держите руки шире, ждите: вот именно брюки то и были как два кедра адливанских [13], гордо шедшие из торсу из под пинжака, как заземление у радиопровода – вниз. Таким образом, весь тройственный кустюм был на один большой палец и никакого там мизинцу не было – все во всем и он, Косма в кустюме был, как Ак-полон Безвенерский [14] – эстет, как видите, абсолютнической. Э – ври́ка [15], нашел, сказали вы при холоде-закате, когда б стояли вы на берегу Невы [16]!!

Но и на руках Космы тлели и дымили перчатки, перцово-горчичново тону. Тлели от поту-волнения, а дымились – ибо он был молод ак огонь, изшедший от трению дерева. Но и

даля в руке Космы то правой то левой имелась трость – как гвоздь вонзаемый в земь и в сердца дам и женчин.

А грудь его младую брониловало: то рубашка фантази́я мраморноголубая, альбо [17] крахмал, альбо бумажная грудь. В последнем случа́е воротничек был бумажной [18] же системы Монополя в по́лос, а кра́юшки разворачивались, как листики весной. Они рвались – но в тож время дня и вечера сидели крепко. Фасон этот именовался – Терпи́.

Галстуки? Галстуки, галстуки, где вы теперь? Как живете? Обложил ли вас фин [19]? Реквизирова́ли ли вас в пору гражданской войны, или спутав, изъяли как церковныи ценности? Или все так же цветете, пылаете, кричите, излучаете смерть мухам, девицам, дамам и женчинам всех видов мира?

Мы сможем лишь вспомнить один: рыгант [20]. Вид, цвет и свет его был чуден, дивен, как египетская ночь зимой, когда все равно там жарко. По нему шли звезды, нет не только шли – но и мерцали и горели и только что не падали на землю. А материал был из лиёнсково бархату, от обрезков, от штанишек Тимки Чудилина [21], соседа и друга, а дали Косме эти ценные останки – ручки Анютки-горняшки Чудилинской, укравшей их беззаветно и навсегда, аминь.

Кроме – Косма играл на гармонье-трехрядке [22], как Ерофей в аду [23]. В лепертуаре: – вальц дунайские волны [24], невозвратное время [25] и полотнес агинской [26]. Да: очичерныи [27]. А играя, держал главу неподвижно, не мигая очами, как в присядке гладкой пает Барсурков [28]. И барышни тяпкатаньские шалели от слыха и вида Араклева Космы, так он был прелестен, не – отобразим, эстетичнои отлично.

– Вот он, одетый в сертук илецково шития, с реверцами [29] бурного атласу, занятый-одолжонный у цырульника Лухговсково из Лонда́на, в крахмал воротничка ала Аскальда-Вуаль [30], прыскаетца духами «Прелестное море» – это затем, чтоб итти на славное дело – шаферствовать к брандмейстеру Ахты́ [31]. Вот он, разодетый в невыразимую чесунчовую тройку, под жилетом сорочка гагачьего пуха и галстук шнурком с трембомбончиками, веселыми как бубенчики темного шелку, верхом на беговых дрожках дрожит всем телом и стучит зубами от трясу – это он едет в Кузнецкий лес [32] со конпанией на маевку. Вот он, вдетый в изумительный дипломат [33], дань туземнейшей моде, работы портного Ларьки из Стрельцов [34] с агромадными как чаинные блюдца иль чашки цветными пуговицами земчужного перламутра, тихо сверкая дивной черной ваксой сапог, пред амвоном в Старом соборе [35], церквищще, чтет апостол а иногда на клиросе – шестопсалмие [36].

Вот он и вот он и там он и сям он, эстетный, как надмыльная обертка фабрики Чепелевецкий и сын, ряд медалей, гранпризов и прификсов на ней же [37]. Вот крутится медленно он, как вихорь в июле рядом с Поповой-Брайхо, Зинаидой Николавной, илецкой приезжей портнихой, по кругу сада городского – а та гениально полна и умна, не обхватишь ни то и ни это. Вот под окном Лизавет Николавны Пудельмановой, нашей Аспазии [38], Фрины [39], Сафо [40] и тоже модистки и гитаристки – серенадничает с Какашей, ее мастерицей, отец ее – плотник. Вот, в березовой расторганной комнатке [41] у Иван Сахарыча [42] вкушает изячно Чудилинские расстегаи, начинка мясная с испанским сладким луком, пыряя ножом в пустоту – во вздутое пироговое пузо – и, окончив трапезу, рыгает – заправский азийский денди́. Вот, вот-вот-вот, он крадется, как тень, в лупанарий [43] к Махоре, скользит и пропадает в пропасти темной калитки.

И вот, наконец, это он ж, скрытый в амбразурах своих окошонок с разноцветными от старости стеклами дирижирует красными, как кровяные колбасы, пальцами хору: пппоннапппрасссс-ннну мальччч-ччик хо-хххходишшшь [44], а с ним и Соня Евлампихина дочка, жилица, и сестра его Евдоксишка, вертлявая псишка, и Сонька Ремизкина почтмейстирихина двоюрная дочка, б<…>дь на редкость на радость почти всем – хор для Тимки Чудилина в пытку в надсмешку и в страданье ему – се, вот он, как бог, как бурхан, как Барбей де Оревуарьи, знаменитейший хахаль и фасонист парисской и францюсской [45]. И вот, наконец, на одре на отходе ко сну, курит он папироску собственноручной

набивки с акиниклофенной ватой – одет в распашонку, в свивальник, и в чепчик, как одели его Евдоксишкины девки-подружки, балуясь, шутя – так смотрите ж, глядите ж пока не уснул он, эстет тяпкатаньский, не скрылся во мраке ночном без луны, в речушке-Летюшке [46].

1. Не исключено, что к герою данного фрагмента главы «Эстеты» имеет отношение запись в метрической книге Старой Казанской церкви (Соборная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери), согласно которой 21 июня 1881 года в семье «лебедянского мещанина Николая Семенова Рахлеева и жены его Елены Семеновой» родился сын Косьма (ГАЛО. Ф. 273. Оп. 5. № дела 94. Л. 206).

2. Магазин, где продаются товары для бытовых и хозяйственных нужд.

3. Фотоген (уст.) – минеральное масло, получаемое при сухой перегонке бурого угля, керосин.

4. Принц Уэльский – титул наследника английского престола с 1707 года.

5. Очевидно, речь идет об изделии знаменитого в начале XX века московского шляпного ателье «Вандраг».

6. Скорее всего, в данном случае Чурилин обыгрывает звуковое сходство фамилии Шумахер с обозначением профессии Schuhmacher (нем. – сапожник).

7. Аллюзия на рифму «лицо – кольцо – крыльцо» в стихотворении Т. Чурилина «Песня».

8. Возможно, аллюзия на иронически-восторженное описание предметов одежды в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя.

9. Штиблеты – мужские полуботинки на шнурках или с резинками по бокам.

10. Выходные, парадные брюки.

11. О портном Николае Яковлевиче Томилине упоминается в главе 8 романа «Тяпкатань».

12. Аллюзия на хрестоматийно известный отрывок «Чуден Днепр при тихой погоде» из десятой главы повести Н.В. Гоголя «Страшная месть».

13. Кедр ливанский – священное дерево Ливана, неоднократно упоминается в Библии. Вечнозеленое хвойное дерево высотой в 40 – 50 метров, известное прямизной ствола.

14. Аполлон Бельведерский – римская копия скульптурного изображения древнегреческого бога Аполлона. В данном случае – ироническая характеристика мужской красоты.

15. Игровое переосмысление восклицания древнегреческого математика и механика Архимеда по поводу совершенного им научного открытия.

16. Аллюзия на содержание второй строфы из первой главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

17. Альбо (союз) – или.

18. Очевидно, речь идет о так называемом фрачном воротнике-стойке с отвернутыми уголками. Съемный бумажный воротничок был более дешевым по сравнению с накрахмаленным съемным воротничком из хлопка или льна. Массовое производство этих жестких, неудобных для ношения воротничков было начато в конце XIX века.

19. Очевидно, речь идет о фининспекторе, работнике финансового отдела по начислению и взиманию местных или государственных налогов и сборов.

20. Возможно, в данном случае имеется в виду галстук-регат, имеющий пуговицу и петлю и застегивающийся сзади под воротником рубашки.

21. Под этим именем фигурирует в романе автор и один из его главных героев Тихон Васильевич Чурилин. См. в первой главе произведения: «Волександра (мать Чурилина Александра Васильевна Чурилина. – О.К.) – на карточке сидит с Тимкой, обои в лиёнском черном бархате – цены нет!»

22. В одном из черновых набросков: «Учился он на́ слух у Волександры Васильны Чудилиной и ей был – атриганом, т. е. подражателем рабским» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 32об.)

23. Ироническая отсылка к оперетте Жака Оффенбаха «Орфей в аду», в основу сюжета которой был положен древнегреческий миф об Орфее и Эвридике.

24. Вальс «Дунайские волны», созданный румынским композитором сербского происхождения Иосифом Ивановичем.

25. В романе «Тяпкатань» неоднократно упоминается о вальсе «Невозвратное время», любимом музыкальном произведении матери писателя, «небывалой игрицы на музыке», «выдающейся музыкантши на гармониумах всех систем мира». Авторство вальса «Невозвратное время» установить не удалось.

26. Имеется в виду полонез «Прощание с родиной», принадлежащий выходцу из польского княжеского рода политику, дипломату, композитору Михаилу Клеофасу Огинскому.

27. «Очи черные» – популярнейший русский романс, авторами которого считаются поэт Е. Гребенка и композитор Ф. Герман.

28. Очевидно, имеется в виду известный советский поэт А.А. Сурков, автор стихотворения «Плясовая» («На привале у реки / Ходят красные стрелки»). См.: Сурков А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2. Стихотворения 1946–1974. Песни. Избранные переводы. М., 1979. С. 336–338. «Присядка гладкая» – это инверсированная цитатная отсылка к указанному стихотворению.

29. Очевидно, имеется в виду ревер – разновидность лацкана мужского пиджака. Широкие реверы зрительно увеличивают фигуру в плечах и уменьшают ее в области талии.

30. Это название отсылает к данному в просторечном произносительном варианте имени английского писателя, драматурга и эссеиста Оскара Уайльда (1854–1900), чьи «эстетские» костюмы и, в частности, такая деталь, как воротничок неизменной формы, стали объектом массового подражания в среде начинающих денди. Окрашенные народной этимологией вариации на тему имени Оскара Уайльда (Воскорвуаль, Оскальд-вуаль, Оскарян Вуаль и т.д.) неоднократно фигурируют в романе «Тяпкатань» и в черновых набросках к нему.

31. Второстепенный персонаж, имя которого неоднократно упоминается на страницах романа «Тяпкатань». Является непосредственным участником событий, описанных в главе «Кулаки на кулачках».

32. Лес в Кузнецкой слободе, расположенной к северо-западу от центральной части Лебедяни.

33. Очевидно, имеется в виду доломан, гусарский мундир особого покроя, расшитый шнурами. Название мундира происходит от турецкого слова, обозначающего длинную одежду с узкими рукавами.

34. Ларька (Ларион) из Стрельцов – эпизодический персонаж, появляющийся в седьмой главе романа «Тяпкатань» «Трактир анпир и трактир ванпир». Стрельцами в Лебедяни называли Стрелецкую слободу, расположенную к северо-востоку от центральной части города.

35. Соборная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери с приделом Николая Чудотворца, известная лебедянцам как Старый собор или Старая Казанская церковь.

36. Шесть избранных псалмов (3, 37, 62, 87, 102, 142), читаемых в начале утренней службы.

37. С.И. Чепелевецкий – владелец одного из крупнейших мыловаренных и парфюмерных производств в Москве. Продукция парфюмерного Товарищества «С.И. Чепелевецкий с сыновьями» неоднократно удостаивалась высших наград на Всемирных торгово-промышленных ярмарках в начале XX века.

38. Аспазия – гетера, одна из знаменитых женщин Древней Греции.

39. Фрина – знаменитая афинская гетера.

40. Сафо – легендарная древнегреческая поэтесса, жившая на острове Лесбос.

41. Так в романе Чурилина называется одно из помещений, «отдельная горница» для публики среднего достатка в трактире «Тяпкатанская красота – заведение», в одном из черновых набросков называемом «Лебедянская красота – заведение» (РГАЛИ. Ф. 1222. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 45об.) Подробное описание «березовой расторганной» содержится в главе «Трактир анпир и трактир ванпир».

42. Один из трактирных слуг, «старший ффэциянт», обслуживавший посетителей в «березовой расторганной». Имя этого эпизодического персонажа неоднократно встречается на страницах романа «Тяпкатань».

43. Публичный дом в Древнем Риме, расположенный в отдельном здании. Посетители приходили сюда с наступлением темноты, прикрывая лицо низко надвинутым капюшоном.

44. Строка из популярного в начале XX века романса.

45. Барбе д`Оревильи (1808–1889) – французский поэт, писатель, критик, не подчинявшийся общепринятым нормам бытового и литературного поведения, идеолог дендизма, один из самых прославленных денди XIX века.

46. Ироническая отсылка к мифологической Лете, реке забвения, протекающей в подземном царстве мертвых.

ХРОНИКА / CHRONICLE

Ю.В. Архангельская
Y.V. Arkhangelskaya

ВСПОМИНАЯ УЧЕНОГО (о специальном заседании семинара в рамках работы научной школы «Когнитивная лингвокультурология и стилистика» в Тульском государственном педагогическом университете имени Л.Н. Толстого)

REMINISCENCE OF A SCIENTIST (a special conference as a part of scientific school «Cognitive linguoculturology and stylistics» in Tula State Pedagogical L.N. Tolstoy University)

25 января в ТГПУ им. Л.Н. Толстого состоялось заседание семинара в рамках работы научной школы «Когнитивная лингвокультурология и стилистика», которой руководит доктор филологических наук профессор Г. В. Токарев.

Заседание было посвящено 73 годовщине со дня рождения известного российского фразеолога Виктора Терентьевича Бондаренко, всю жизнь (более 40 лет) проработавшего в Тульском педуниверситете. Безвременная смерть ученого потрясла научное сообщество в декабре 2013 года.

Открыл заседание профессор Г.В. Токарев – заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, на которой последние годы работал В.Т. Бондаренко, – докладом «Научное наследие В.Т. Бондаренко. Лингвокультурологический потенциал словаря “Ответные реплики в русской диалогической речи”». Г.В. Токарев рассказал о вкладе В.Т. Бондаренко в отечественную науку и, в частности, подчеркнул, что профессор В.Т. Бондаренко – ученый, который продолжал в Туле дело В.Л. Архангельского, одного из основоположников отечественной фразеологии. Автор более 150 научных работ, среди которых две монографии, учебник по фразеологии, словарь, член двух диссертационных советов (в университетах Курска и Великого Новгорода), В.Т. Бондаренко возглавлял в ТГПУ им. Л.Н. Толстого научную школу по проблемам фразеологии, за последние годы под его руководством были написаны и защищены несколько кандидатских диссертаций.

В докладе была дана высокая оценка последнему труду тульского фразеолога – словарю «Ответные реплики в русской диалогической речи». Г.В. Токарев отметил прекрасную разработку словарных статей, обилие разнообразных помет, насыщенность издания уникальным иллюстративным материалом. Ученый считает, что это один из редких словарей, имеющих прагматическую направленность и отражающих при этом уникальный пласт русской лингвокультуры.

Второй доклад «Описание эмоций в русской и вьетнамской фразеологии: удивление и страх» представили гости из Москвы – профессор М.Л. Ковшова (Институт языкознания РАН) и ее вьетнамская аспирантка Хоанг Фыонг Ха. В результате компаративного анализа репрезентаций данных эмоций в двух языках исследователи пришли к следующим выводам: 1) изучение эмоций и того, как об этих эмоциях «говорит» язык, показывает степень языковой разработанности данной области, позволяет обосновать роль языка в концептуализации эмоций; 2) фразеологические «портреты» эмоций выявляют общее и специфичное в наивной картине мира русских и вьетнамцев; 3) следующим этапом будет определение того, какой отпечаток оставила наивная языковая картина мира в научной.

Большой интерес собравшихся вызвал доклад кандидата филологических наук докторанта И.В. Зыковой (Институт языкознания РАН, г. Москва) «К вопросу о культурной обусловленности дискурсивных модификаций фразеологизмов», которая поделилась результатами исследования фразеологизмов английского языка (исследовательский корпус составляет 2,5 тыс. единиц), рассказала о способах и прагматических целях дискурсивных модификаций.

Кандидат филологических наук старший преподаватель Московского архитектурного университета А.В. Егорова в своем докладе «Новая темпоральная парадигма: от утопизма к презентизму (на материале рекламных текстов)» говорила о культурных моделях восприятия времени, о детерминированности модусов времени (прошлого, настоящего и будущего), а также о том, что в современной рекламе есть устойчивая тенденция представлять будущее как продленное настоящее («будущее здесь и сейчас»), что, по мнению докладчика, ведет к изменению темпоральной парадигмы: от утопизма (ориентации на будущее) к презентизму (ориентации на физическое настоящее).

Интересный лексикографический подход к разработке словарного пособия квазиэталонов немецкого языка был отражен в докладе кандидата филологических наук доцента кафедры романо-германской филологии и методики преподавания О.А. Гудковой (г. Тула) «Концепция проектирования словаря квазиэталонов немецкого языка», в котором были представлены два экспериментальных словарных проекта, выполненных под руководством профессора Университета им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальд (Германия) доктора Харри Вальтера. В основе проектов – «100 языковых портретов типичных мужчин и женщин немецкого лингвокультурного общества (с культурно-историческими комментариями и русскими эквивалентами)» и «100 ласковых форм обращений между супругами и влюбленными в немецком языке» – лингвокультурологический метод, суть которого заключается в обосновании глубинной культурной мотивированности языковых единиц, использующихся для характеристики представителей мужского и женского полов. Данный подход был отмечен как актуальный и перспективный.

Т.В. Сафонова (г. Тула), последней защитившая в прошлом году кандидатскую диссертацию под руководством профессора В.Т. Бондаренко, рассказала о результатах своего исследования в докладе «Имплицирование устойчивых фраз как способ фразообразования».

Оживленное обсуждение вызвал доклад «Аббревиатурное заглавие как средство репрезентации культурно-языкового концепта поэмы «ЖД» Д. Быкова» аспирантки профессора Г.В. Токарева С. Зыряновой (г. Тула). Собравшиеся сошлись на том, что данное исследование представляется весьма перспективным и может привести к интересным и даже неожиданным выводам.

Работа такого семинара позволяет ученым детально осветить проблемы своего исследования, обсудить промежуточные результаты. Семинар объединяет единомышленников, способствует кристаллизации подходов в рамках научной школы. Мы надеемся, что семинар расширит свои границы и в следующий раз примет исследователей из Петербурга, Ростова-на-Дону. География участников во многом определена научными связями фразеологической школы В.Л. Архангельского.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архангельская Ю.В. – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого (Тула). E-mail: archangelju@yandex.ru

Гарин Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент Кубанского государственного университета (Краснодар). E-mail: svgarin@gmail.com

Гордиенко Ирина Алексеевна – аспирант кафедры русского языка и культуры речи Института филологии, журналистики и массовых коммуникаций Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: lekseva@rambler.ru

Горемыкина Мария Викторовна – аспирант кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань). E-mail: mbpw@rambler.ru

Клюева Наталья Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и культуры речи Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). E-mail: newnat46@yandex.ru

Крамарь Ольга Казимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века и зарубежной литературы Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: kramol@yandex.ru

Малахова Майя Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир). E-mail: maya.malahova@gmail.com

Мельниченко Наталья Петровна – кандидат филологических наук, ученый секретарь Ученого совета Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: nataliamelnichenko@yandex.ru

Милетова Екатерина Владимировна – старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, аспирант кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета (Пятигорск). E-mail: katemiletova@rambler.ru

Пирогова Оксана Евгеньевна – аспирант кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского городского психолого-педагогического университета (Москва). E-mail: oxanka_83@mail.ru

Полуйкова Светлана Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета (Омск). E-mail: s_poluikova@mail.ru

Свиридова Тамара Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории русского языка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: nauka@elsu.ru

Филатова Вера Борисовна – аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов Института международного образования Воронежского государственного университета (Воронеж). E-mail: kolbeshkina2010@mail.ru

Харитонов Всеволод Станиславович – соискатель кафедры русской классической литературы и теоретического литературоведения Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, доцент кафедры туризма и индустрии гостеприимства Тульского государственного университета (Тула). E-mail: vseslav05@mail.ru

Хашимов Рахим Ибрагимович – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (Елец). E-mail: hashrai@yandex.ru

ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «ФИЛОLOGOS» учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина. Периодичность издания – четыре номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Журнал публикует разножанровый материал по актуальным лингвистическим и литературоведческим проблемам (статьи, публикации, рецензии, хронику научной жизни и др.).

Требования к публикациям

1. Текст публикации присылается в готовом для печати виде электронной почтой по адресу: filologos07@mail.ru (ответственному секретарю Ирине Михайловне Курносовой). Сопровождающие текст публикации материалы присылаются на имя И.М. Курносовой по адресу: 399770, г. Елец Липецкой области, ул. Коммунаров, 28.

2. К тексту публикации прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты).

3. Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Требования к оформлению статей

1. Объем статьи: 14 000 – 18 000 знаков с пробелами. Редактор – Word. Основной текст – Times New Roman 10. Постраничные примечания – Times New Roman 10. Абзац (отступ) – 1. Интервал – 1. Поля: верхнее – 2,5; нижнее – 6; левое, правое – 3,5.

2. В верхнем правом углу полужирным курсивом (Times New Roman 12) – инициалы и фамилия автора статьи на русском и английском языках; через интервал название – выравнивание по левому краю, заглавными буквами, полужирным шрифтом, Times New Roman 12 – на русском и английском языках; через интервал аннотация на русском и английском языках (500–600 знаков с пробелами) – по ширине страницы без абзаца (отступа), Times New Roman 10, курсив; словосочетание «ключевые слова» и «key words» – полужирным курсивом без абзаца, Times New Roman 10, без интервала между ними и аннотацией, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5-6) – Times New Roman 10, курсив; далее через интервал – основной текст.

3. После основного текста через 1 интервал следует список литературы (Times New Roman 9, курсив) без обозначения «список литературы». Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

1. Анри Корбэн. Световой человек в иранском суфизме. URL: http://persian.sufism.ru/korben.htm (дата обращения: 23.08.2011).

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

3. Пушкин А.С. Сказка о золотом петушке // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. М., 1968. Т. 3.

4. Смирнов В.А. Достоевский // Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX – начала XX века). Иваново, 2001. С. 112–161.

Указания на источник в тексте – [1, т. 6, 18]: первая цифра – номер источника, вторая – тома, третья – страницы; [2, 45]: первая цифра – номер источника, вторая – страницы.

Условия рецензирования рукописи

1. Соответствие представляемых в редколлегию материалов научному профилю журнала.

2. Соблюдение автором правил подачи рукописи в редколлегию и ее оформления.

3. Наличие сопроводительных документов: а) выписки из протокола заседания кафедры или отдела, где работает автор, о рекомендации его рукописи к печати; б) развернутого внешнего отзыва об авторской рукописи, в котором высказывается аргументированное мнение о профессиональном качестве авторской рукописи; для аспирантов и соискателей – отзыв научного руководителя или консультанта.

Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью.

При нарушении этих условий редколлегия имеет право отказать автору в рецензировании его рукописи.

Правила рецензирования рукописи

1. Редколлегия по своему усмотрению вправе провести собственное внешнее рецензирование авторской рукописи специалистами в соответствующей области филологии. Рецензия призвана обсудить актуальность научной проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения и т.п.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер.

2. По поручению главного редактора один из членов редколлегии (по необходимости несколько) знакомится с авторской рукописью, всеми сопроводительными материалами, а также с организованной редколлегией независимой внешней рецензией (при ее наличии), и дает письменное обоснованное заключение о рукописи с рекомендацией (или не рекомендацией) ее к печати.

3. Окончательное суждение об авторской рукописи выносится на очередном заседании редколлегии на основе всех имеющихся о ней отзывов.

О положительном или отрицательном решении редколлегии своевременно сообщается ее автору. Отклоненная рукопись автору не возвращается. Автор имеет право на ознакомление с отзывом внешнего (редакционного) рецензента и заключением члена редколлегии. Копии рецензии и заключения высылаются автору по его письменному запросу без подписей, фамилий и других сведений о рецензенте и члене редколлегии, составившем заключение о статье.

4. В случае редакционного решения о доработке рукописи в соответствии со сделанными рецензентом и членом редколлегии замечаниями и пожеланиями она возвращается автору с копиями отзывов на нее без указания фамилии рецензента и члена редколлегии.

Главный редактор вправе возвратить автору его рукопись на доработку после ее независимого внешнего рецензирования при условии необходимости внести в ее текст незначительные изменения.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Новый вариант авторской рукописи должен быть представлен в редколлегию в текстовой и электронной версиях в полном соответствии с требованиями их подачи и оформления. К тексту рукописи прилагается авторская справка с перечнем внесенных в него поправок.

После доработки авторская рукопись проходит повторную экспертизу, которая проводится либо независимым внешним рецензентом, либо членом редколлегии, либо главным редактором.

Обсуждение нового варианта рукописи происходит на очередном заседании редколлегии с принятием коллективного решения о целесообразности или нецелесообразности ее публикации в научном журнале.

5. Любые коллективные решения относительно авторской рукописи оформляются протоколом заседания редколлегии.

6. Главный редактор имеет ответственное право на самостоятельное решение судьбы авторской рукописи.

7. Копии текста статьи и сопутствующих документов с указанием фамилии, должности и места работы всех участников ее рецензирования могут быть предоставлены по запросу ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Финансовая ответственность авторов

1. Все авторы оплачивают рецензирование, публикацию материалов и журнальную подписку. С аспирантов плата за публикацию не взимается. При отрицательной рецензии автору направляется мотивированный отказ.

Плата за публикацию материалов производится после редакционного решения об их включении в один из очередных выпусков журнала.

2. Каждый автор обязан оформить подписку «ФИЛОLOGOS» на тот выпуск, в котором публикуется его статья. Факт подписки должен быть засвидетельствован копией соответствующей почтовой квитанции, присланной в адрес редколлегии.

Подписной индекс журнала «ФИЛОLOGOS» – 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация».

Авторские права

Авторы передают Издательству журнала – Елецкому государственному университету им. И.А. Бунина – авторские права на публикацию в печатном издании и в сети Интернет.

Полнотекстовые версии выпусков журнала можно найти в свободном доступе в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru не позднее, чем через год после выхода журнала.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала. E-mail: filologos07@mail.ru.

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

Более подробная информация – на сайте редакции: www.elsu.ru/filologos.

Научный журнал

ФИЛОLOGOS

Выпуск 20 (1)

Технический редактор — Н. П. Безногих
Техническое исполнение — В. М. Гришин
Дизайн обложки — Б. П. Иванюк

Подписано в печать 01.03.2014
Дата выхода в свет 15.03.2014
Формат 70 х 108/16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Усл.-печ.л. 6,3. Уч.-изд.л. 6,5
Тираж 500 экз. Заказ № 15
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28
E-mail: filologos07@mail.ru
Сайт редколлегии: http://www.elsu.ru/filologos

Подписной индекс журнала «ФИЛОLOGOS » — 64991 в каталоге периодических изданий «Научно-техническая информация»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28